

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 30 ИЮЛЬ 1982

Киргизская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 198,5 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 3 миллиона 723 тысячи человек.
НАСЕЛЕНИЕ ФРУНЗЕ — около 570 тысяч человек.
В республике живут граждане более 80 национальностей и народностей.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ за 1940—1981 годы увеличилось в 38,4 раза.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 3,7 раза.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 200 раз.

Памятник Манасу в городе Фрунзе.

Чингиз АЙТМАТОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

ДЕЛИТЬСЯ ПРЕКРАСНЫМ

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ...

Для нас, живущих сейчас, это чувство настолько естественно, что, кажется, оно досталось нам, как говорится, без какого-либо труда. Но мы знаем, что это не так. Мифы, иллюзии и научные утопии, отражавшие прекрасные, но наивные грезы о гармоничном устройстве общества, через которые прошли многие поколения людей, порой жестоко расплачиваясь за свои мечты о всенародном счастье,— неопровержимое доказательство того.

Это прекрасно, что советский человек так мыслит, что таково его гражданское и нравственно-философское самочувствие, которое замечательно выразил великий поэт пролетарской революции Владимир Маяковский: «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза».

Нельзя представить, чтобы эти стихи устарели. Они—поэтический документ эпохи, в которую вступило человечество. Начало ее летосчисления — Октябрь!

Народ — творец истории. Эта великая основополагающая идея революции, испытанная в горниле грозной борьбы и вдохновенного труда, стала той необычайно мощной силой, которая объединила прежде разрозненные народы в державу. Ее реальное воплощение — СОЦИАЛИЗМ. Мы сами — новая историческая общность людей, имя которой — СОВЕТСКИЙ НАРОД.

Я думаю, что никогда человек не был и не мог быть таким счастливым, как теперь, ибо впервые он осознал подлинное достоинство, которое, по-моему, есть ум, окрыленный свободой.

Революция пробудила, востребовала, вызвала к деятельной, целеустремленной жизни из народных недр огромные потенциальные возможности наций, лежавшие многие века втуне, под спудом, что, несомненно, было глубочайшей трагедией человечества, которую, мне кажется, еще предстоит в полной мере понять и выразить искусству. Тем более что и по нынешний день многие народы в современном мире переживают античеловечное иго неоколониализма, что дремучая психология расовой дискриминации не канула в небытие, что процветает насилие и угнетение человека человеком. С той лишь разницей, что его формы сегодня куда более изощренны, чем прежде.

С тем большей и глубокой благодарностью мы думаем сейчас об Октябрьской революции. Она помогла нам наверстать упущенное в прошлом, помогла выявить, сделать общезначимыми лучшие духовные ценности, накопленные за многовековую историю, помогла догнать передовую культуру XX века и пойти с ней в ногу. Она научила нас думать в масштабе человечества, всей планеты, всей истории.

Вот почему 60 лет существования Союза Советских Социалистических Республик — эпоха небывалого в истории культурного возрождения народов.

Идея возрождения человека — она потребовала от искусства, и в частности от молодых национальных литератур, неоценимую роль в становлении которых сыграл великий пролетарский писатель Горький, нового зрения, нового языка, новых способов познания и изо-

Продолжение см. на стр. 13.

КРОВЬ ОБРАЩАЕТСЯ В ЗОЛОТО

Второй месяц продолжается блокада западного Бейрута. С начала июля израильтяне не пропускают сюда грузовики с мукой и горючим. Большинство пекарен закрыто. Достать хоть немного хлеба стало целой проблемой.

Под нажимом мирового общественного мнения агрессоры возобновили частичную подачу в осажденные кварталы воды и электроэнергии. Но в результате массированных бомбардировок и обстрелов значительная часть водопровода и электрической сети вышла из строя.

На днях в городе вновь появились овощи и фрукты. Однако это свидетельствует отнюдь не о гуманности оккупантов, а об их алчности. Эти продукты доставлены из Израиля. Те, кто направил их в Бейрут, получают дополнительные прибыли, в то время как знаменитые ливанские фрукты и овощи гниют на плантациях разоренного юга и долины Бекаа.

Медикаменты же и лекарства для больных и раненых немедленно конфискуются израильтянами. Я посетил госпиталь «Газа» — одну из крупнейших лечебниц палестинских бойцов. Здесь, в полуразрушенных корпусах, самоотверженно работают врачи-добровольцы. Доктор Халед рассказывает, что в результате перебоев с подачей электроэнергии пришел в негодность небольшой запас крови для переливания. Не хватает дезинфицирующих и антисептических средств. Иногда инструменты приходится обрабатывать виски и виноградной водкой. Сложные операции нередко проводятся при свечах и переносных газовых фонарях.

В подвальном, относительно безопасном помещении госпиталя находятся наиболее тяжелые раненые. Почти все они мирные жители. Здесь лежит ливанец из бейрутского квартала Узаи с двумя сыновьями. Тела их покрыты страшными ожогами от взрыва фосфорного артиллерийского снаряда, попавшего в их скромный домик. Дочь этого бейрутца уже умерла от ожогов. Нет надежды и на выздоровление старшего мальчика.

В этом же госпитале я познакомился с Фаизом, фельдшером-палестинцем. Он чудом вырвался из рук оккупантов в Сайде. Фаиз еще не оправился после перенесенных пыток, но уже встал с больничной койки и помогает раненым.

— Я работал до последнего часа в палестинском госпитале в Сайде,— рассказывает он.— Когда здание полностью рухнуло под взрывами бомб, мы разместили уцелевших раненых в ближайших подвалах. Но вскоре в город ворвались израильтяне. Они избили хирурга и куда-то увели его. Раненых мужчин и подростков стащили с матрацев и коек. На них надели наручники. Нас вывезли на плац, бросили там прямо на песок и начали «сортировать». Мне завязали глаза, отвели в сторону, велели лечь лицом вниз. Вдруг я услышал рев и лязг приближающегося танка и решил, что сейчас буду раздавлен. Однако это была только «психологическая подготовка» к допросу.

Избивали и пытали меня три дня и в конце концов выпустили только потому, что я сумел убедить своих палачей в том, что я ливанец и работал в палестинском госпитале по контракту. Мне с трудом удалось разыскать в разрушенном городе семью моего друга. Несколько дней я пролежал пластом, не в силах подняться. Оккупанты часто врывались в дом с проверкой документов.

Пришлось испытать еще один круг издевательств. Трое суток я стоял в очереди на том же плаце, чтобы пройти «контроль» — предстать перед израильскими контрразведчиками и двумя местными негодяями в масках — опознавателями. Наконец на мой ливанский паспорт шлепнули шестиконечную звезду, и я уехал из этого ада. Может быть, я погибну здесь, в осажденном городе, вместе с нашими ранеными, но погибну свободным, а не пленником в руках палачей.

Такие истории слышишь повсюду в Бейруте. Местные газеты рассказывают о том, как захватчики хозяйничают в Сайде и Тире, расширяют старые концлагеря и строят новые. Длинные очереди женщин и детей тянутся у ворот тюрем.

Покинув госпиталь, я ненадолго заехал в район Джинах, ставший почти прифронтовым. Дальше идет квартал шиитской бедноты Узаи. Молодежь этого квартала стойко сражается здесь плечом к плечу с палестинцами. В неистовой злобе интервенты разрушили тут все, что могли. Расположенный рядом у моря туристический комплекс «Саммерленд» лежит в развалинах.

От «Саммерленда» хорошо виден бейрутский порт, самое крупное и доходное предприятие Ливана. Там сейчас тоже хозяйничают захватчики, что-то выгружают, что-то вывозят. В бейрутском аэропорту не было военных объектов, но оккупанты вывели из строя и его. Они предлагают ливанцам летать через аэропорт «Бен-Гурион». Без средств к существованию остались шесть тысяч служащих ливанской авиакомпании — одной из самых крупных на Ближнем Востоке.

Оккупанты спешат погреть руки на страданиях арабов. Израильские банки открывают здесь свои отделения, израильские торговцы продают втридорога залежалые товары. Широким потоком текут в Израиль вещи и ценности, награбленные солдатней в ходе войны. Кровь стариков и детей обращается в золото.

Александр СМИРНОВ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Бейрут.

Митинг протеста коллектива ордена Трудового Красного Знамени производственного объединения «Мосмедпрепараты» имени Л. Я. Карпова (Москва) против израильской агрессии. Выступает депутат Верховного Совета РСФСР аппаратчица Наталья Фролова.
Фото Дм. Бальтерманца

Погромщики. Иначе я не могу назвать отряды вымуштрованной израильской солдатни, ворвавшейся в многострадальный Ливан, предавшей его огню и страшным разрушениям. Погромщики! А как же иначе! Ибо у них знакомые повадки черносотенных и гитлеровских громил, их приемы, их звериная мораль. Я вижу, как самолеты, сделанные в стране, поощряющей злодеяния израильских сионистов, распарывают голубое ливанское небо, а стальные танковые армады утюжат бейрутские улицы. Пресса доносит все новые и новые сведения о жертвах среди беззащитного населения ливанской столицы и палестинцев — детей, стариков, женщин. Страшные цифры! Счет на десятки тысяч...

Из истории известно, что погромщиков всегда настигало возмездие. Верю, что оно настигнет и нынешних агрессоров — тех, кто творит свое черное, неправедное дело на ливанской земле. Убежден, что израильский агрессор не действовал бы так нагло, если бы не имел мощной поддержки сионистского лобби за океаном, администрации Рейгана. Вот и сейчас целый флот США топчется у побережья Ливана. Что американскому толстосуму до судьбы палестинского народа! Ему лишь бы проникнуть еще в один район земли, отвечающий «жизненным интересам» Америки.

Вот уже восемь лет кряду — после службы в рядах Советской Армии и окончания металлургического института — я работаю на Московском трубном заводе, все время мастером. Сразу за проходной у нас памятник заводчанам, павшим в борьбе с фашизмом на фронтах Великой Отечественной. Тысячи раз прохожу мимо него и не могу привыкнуть, поражаюсь: завод по столичным меркам вроде бы и не так велик, а список фамилий на памятнике горестно длинен. Прохожу и думаю о светлой, вечной славе и подвиге тех, чьи имена на этом обелиске. Думаю о своих двух дочках — двенадцатилетней Настеньке и семилетней Машеньке, проводивших меня на работу. Думаю о жене Ольге Ивановне, ушедшей в отпуск, положенный матери-роженице: семья наша ждет скорого прибавления. Думаю о тех детях в далеком Ливане, которым грозит — ежеминутно! — смерть. Думаю о трагедии палестинского народа, вот уже десятки лет лишенного родины.

И я присоединяю свой голос к голосам миллионов советских людей.

Остановить кровавые преступления сионизма! Прекратить геноцид! Вывести войска оккупантов с территории Ливана!

Виктор ГУРЕВИЧ,
мастер трубного завода

Москва.

БОЛЬШАЯ ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке.
Фото автора

— Стэна швейе, меджнун! (Остановись, одержимый!) — Молодой ливанец в военной форме Национально-патриотических сил останавливает нашу машину на шоссе между Бейрутом и Дамуром. Увидев, что за рулем европеец, он переходит с арабского на английский:

— Скорее возвращайтесь назад.

Показываю свою пресс-карту:

— Советское телевидение.

— Возвращайтесь немедленно! Разве вы не знаете, что по всему шоссе израильские вертолеты охотятся за машинами и людьми? Даже ночью, когда все ехали без света, эти бандиты пускали ракеты по огонькам стоп-сигналов...

Это была пока еще малая охота.

Уже два дня — 4 и 5 июня — израильская авиация бомбила Ливан и его столицу. Сионистская пропаганда кричала, что Организация Освобождения Палестины должна быть уничтожена раз и навсегда. 6 июня 1982 года правительство государства Израиль дало своей армии приказ об оккупации южной половины Ливана — вплоть до захвата Бейрута. Началась большая охота на людей, продолжающаяся на территории Ливанской республики по сей день.

Сразу же после начала израильской интервенции потоки беженцев — и ливанцев и иностранных граждан, живущих в Ливане, — хлынули по дорогам, ведущим в Сирию. Недалеко от ливано-сирийской границы, на территории Сирии, израильские самолеты разбомбили и обстреляли из авиапушек две автоколонны беженцев. Охота была успешной — десятки убитых и раненых, в их числе — иностранные дипломаты. Израильтяне сделали вид, что ничего особенного не случилось.

...Мы снимали очередную бомбардировку Бейрута, стоя на балконе шестого этажа здания Советского торгпредства (сегодня в нем зияют черные дыры пробоин). Американские «Ф-16» с израильскими шестиконечными звездами пикировали на жилые дома. От взрывов полутонных и тонных бомб разваливались, как карточные домики, многоэтажные бетонные строения. Тучи дыма поднимались высоко в небо, а в воздухе висела хрустящая на зубах известковая пыль. Бомбы падали и в районе посольств...

А через несколько дней жилой дом посольства ГДР рухнул от удара тяжелой американской ракеты. Во дворе посольства СССР взорвался стомиллиметровый снаряд, разрушив школу, повредив клуб и высадив рамы в окнах главного корпуса. Шесть израильских снарядов взорвались в посольстве Франции. Повреждены снарядами посольства Алжира, Ирана и Кувейта. Нужно ли все это комментировать? Как же все это возможно?

Давно замечено, что оккупационная армия, имеющая подавляющее превосходство в живой силе, технике, быстро звереет от безнаказанности и собственных преступлений. Вспомните фашистскую Германию и ее армию первых месяцев войны — сплошные праздники и парады, бьющая через край жизнерадостность. И геноцид против мирного населения советских городов и деревень...

В несравненно меньших масштабах из-за малости обеих стран, но в не менее гнусной форме проводит Израиль геноцид на территории соседнего Ливана.

...Наша машина едет по улицам западного Бейрута. Рядом со мной журналистка Татьяна Старова с моей кинокамерой на коленях, сзади заведующий корпунктом ТАСС в Бейруте Леонид Вольнов быстро и ловко перезаряжает фотоаппарат. Только что закончилась бомбардировка бейрутского жилого района Кола, огромного спортивного комплекса у шоссе на аэропорт и лагеря беженцев Сабра. Первое, что бросается в глаза перед превращением в страшные руины стадионом, — это разбитый и сгоревший санитарный автомобиль. Мы узнаем, что снимавший слишком близко объект бомбардировки французский кинооператор погиб. (Телевизионный репортаж, стоивший ему жизни, миллионы зрителей всего мира увидели через два дня.)

Напротив стадиона, на другой стороне шоссе — полуразрушенное здание ЮНЕСКО, над которым продолжает развеваться голубой флаг ООН, пробитый осколками. В свете уже низкого солнца снимаем, как из-под огромных бетонных обломков извлекают убитых и бегом уносят на носилках к санитарным машинам.

Вдруг раздаются короткие автоматные очереди. Стоя на засыпанном бетонной крошкой и прочерченном осколками шоссе, молодой палестинский боец стреляет в воздух и кричит:

— Все уходите! В воздухе израильские самолеты!

Но на этот раз израильтяне прилетели, чтобы сфотографировать с большой высоты результаты дела рук своих...

Никогда прежде, ни во время вьетнамской войны, ни здесь, в Ливане, не приходилось мне видеть и снимать такого количества одновременно действующих американских самолетов, таких огромных взрывов и таких ужасающих последствий воздушного налета. Но это было только начало...

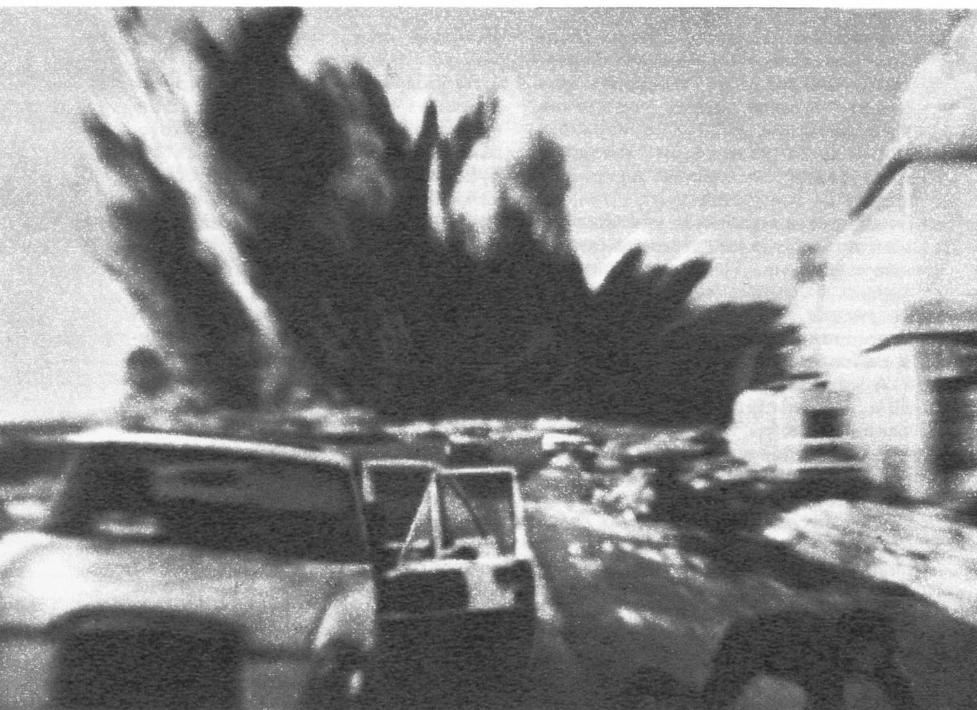
Когда интервенты, совершающие свой кровавый марш по Ливану, окружили столицу, оккупационное командование вынуждено было признать, что потери их армии превышают число убитых и раненых израильтян во всех предыдущих их войнах. Но число жертв агрессии уже измерялось многими тысячами. До полумиллиона жителей Ливана осталось без крова и потеряло все свое имущество, как сообщал тогда палестинский Красный Полумесяц.

Перед израильским командованием встала дилемма: попытаться выполнить свою хвастливую угрозу взять Бейрут штурмом с ходу, потеряв при этом минимум тысячу своих солдат только убитыми, или искать другие пути.

Лишь Америка и Израиль проголосовали в ООН против немедленного вывода оккупантов из Ливана. США и Израиль открыто противопоставили себя всем государствам — членам Организации Объединенных Наций. А в последнее время израильские лидеры с поразительной откровенностью заявили, что отведут свои войска лишь тогда, «когда в Ливане будет создано правительство, способное подписать мирный до-

«Дальше дороги нет!»

Очередной налет.

Руины Бейрута.

говор с Израилем». То есть стать под запятнанное кровью ливанцев и палестинцев знамя предательских кэмп-дэвидских соглашений! И покрыть себя позором в глазах всех арабов — в угоду интересам американо-израильской агрессивной политики на Ближнем Востоке.

Израильское командование заявило перед представителями прессы, что бойцы ПДС — НПС, защищающие Бейрут, «не получат статута военнопленных, если будут захвачены на поле боя». Так что же они тогда получат, спрашивают журналисты, пулю в лоб? Неудивительно, что бойцы объединенных отрядов ПДС — НПС решили не сдаваться. И охота на людей продолжается — теперь уже в блокированном городе. С изуверской жестокостью израильские оккупанты обстреливают и крушат жилые кварталы Бейрута прямой наводкой.

Весь мир видит это на телеэкранах...

...Мы решили подъехать как можно ближе к району боев за Бейрут. Машину ведет корреспондент ТАСС Александр Богатырев, на заднем сиденье — палестинские журналисты, показывающие нам дорогу. Позади остался разбитый бомбами и ракетами район арабского университета. В визире кинокамеры побежали разрушенные жилые дома, зенитные установки, а ближе к линии фронта — замаскированные орудия и танки. Мимо палестинского кладбища въезжаем в зону лагеря беженцев Сабра.

Перед нами — снесенные авиабомбами дома, развороченный большими воронками перекресток. Приходится остановиться: пропускаем идущую навстречу санитарную машину. Довольно близко, слева от нас, бухают пушки израильских танков, невидимых с дороги. Снаряды рвутся справа от нас, в Сабре.

— Знакомое место?— спрашивает палестинский журналист.

Еще бы. Здесь мы ездили прежде десятки раз — это дорога в Бейрутский аэропорт. А теперь — руины, воронки, искореженные и сгоревшие остовы автомобилей, оборонительные земляные завалы.

Орудийные выстрелы гонят нас дальше. Ревя мотором, машина быстро берет подъем, поворачивает направо, огибая покинутый лагерь беженцев, и мы мчимся по пустынной магистрали, объезжая сгоревшие автомобили и воронки от снарядов и бомб...

К середине июля 1982 года Западный Бейрут был лишен воды, электричества, подвоза медикаментов и продовольствия.

Международный детский фонд ООН с трудом уговорил израильское командование разрешить оказать хоть какую-то помощь детям и матерям в осажденном Бейруте. Но это — капля в море.

С каждым днем становится все более явной бессмысленность этой чудовищной авантюры сионистов. В Ливане к началу оккупации было около полумиллиона палестинских беженцев, и истребить их всех никому не удастся, да и никто этого не позволит. А еще два миллиона палестинцев живут в других арабских странах. Вот об этом Израилю не следовало бы забывать никогда. Но израильские ястребы и их американские партнеры не хотят считаться с объективными фактами.

В Ливане идет большая охота на людей...

„Нет во

Выйдя из толпы ленинградцев, стоящих вдоль набережной Невы, старушка на мгновение останавливается в нерешительности, как будто отыскивает взглядом кого-то в пестрой колонне участников Марша мира. Затем подходит к девушке с ярким рюкзаком за спиной — просто к той, что ближе всех,— обнимает ее, целует, говорит, глядя в глаза. Говорит тихо, почти шепчет, но тем, кто рядом, слышно: «Пусть, милая, войны больше не будет... Пусть не будет!..» У самой на глазах — слезы. Вытирая их платком, она поворачивает обратно, сливается с толпой...

Кто она? Мы не знаем ни ее имени, ни ее судьбы. Была ли она среди тех, кто пережил незабываемые и страшные 900 дней блокады? Воевала ли? Кого из своих близких потеряла в те годы? Ясно главное: есть у этой старой женщины свой счет к минувшей войне, ко всем войнам, когда бы и где они ни происходили.

«Остановить гонку вооружений!», «Запретить ядерное, нейтронное, химическое оружие!», «Весь мир — за мир!» — под этими и многими другими антивоенными лозунгами идут по Ленинграду участники Марша мира-82, который прибыл в нашу страну из Финляндии. В этот далекий путь

Участники Марша мира на улицах Ленинграда.

«...йне!..»

марш отправился из Стокгольма, где был организован активистами ряда общественных организаций Норвегии, Дании, Финляндии и Швеции.

— Многие из нас,— рассказывает Мариана Скарп, секретарь финского комитета Марша мира-82,— участвовали в прошлом году в марше по маршруту Стокгольм — Париж. Сама я не была там, но в менее крупных по своим масштабам манифестациях принимаю участие, как мне кажется, всю жизнь.

— В древние времена викинги отправлялись в походы на юг, на запад, на восток,— говорила на первой встрече участников Марша мира с ленинградцами инициатор датского движения «Женщины за мир» Яна Ховман.— Мы отправились в поход из тех же мест. Но наша цель абсолютно иная — мы идем с миром. Мы испытываем чувство тревоги, мы ищем людей, которых тревожит то же самое, что и нас, и которые, так же, как и мы, хотят мира. Скептики ссылаются на то, что войны были всегда, утверждают, что это будто бы свойство человеческой натуры. Когда-то то же самое говорили о рабстве. Но человечество ликвидировало рабство. У человечества сегодня один общий враг — это ядерное оружие. И оно должно быть уничтожено.

Весьма знакомый всем альянс,—
И шаткий ядерный баланс...

Рисунок М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

Фото В. Дунаева

Тревога за судьбы мира, за судьбы всех живущих на нашей планете людей, тревога и надежда — вот те чувства, что объединяют участников марша и ленинградцев, которые открывают сегодня свои окна и двери балконов, приветствуя борцов за мир, или, выйдя на улицу, присоединяются к шествию. Слышны песни — на русском, английском, шведском, финском языках. Особенно часто повторяются две из них: «Пусть всегда будет солнце» и «We shall overcome» («Мы преодолеем»); эти песни давно уже стали гимнами борцов за мир и разоружение.

...Марш мира направляется на Пискаревское кладбище. Идут по раскаленному солнцем асфальту люди, чтобы отдать священный для каждого долг — почтить память погибших в годы войны. Чтобы еще раз сказать войне свое «нет!». Среди участников марша есть и несколько человек, чья родина — Япония, страна, пережившая ужас двух ядерных бомбардировок. На протяжении всего марша они на традиционных ударных инструментах выбивают постоянный ритм, который звучит как набат, напоминая о погибших.

— Мы решили по своей инициативе принять участие в Марше мира,— говорит один из них, Г. Есира,— потому что постоянно помним о трагедии Нагасаки и Хиросимы и понимаем, что такая же трагедия может охватить весь мир. Если мы все вместе не сможем остановить гонку вооружений, человечество будет уничтожено.

Анике Мальмстрем, выпускница колледжа из Стокгольма, почти все время идет во главе манифестации. Она одна из самых юных участниц марша.

— Но тем не менее,— говорит Анике,— я уже около двух лет участвую в движении за мир. Ведь это — самое важное для меня, для всех нас. Я хочу жить и хочу, чтобы жили мои дети, которые обязательно у меня будут. Поэтому все мы, как можем, стараемся бороться против войны, против ядерного оружия,— ведь опасность, которая грозит миру, становится все больше и больше...

Марш мира-82 продолжается. Позади — многие километры пути по дорогам Швеции и Финляндии, по набережным и проспектам Ленинграда. Впереди — Москва, Минск, Хатынь...

А. СОКОЛОВ

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

И НАПОИТЬ СТЕПИ ВЛАГОЙ

Ю. ЮРЬЕВ.
Фото автора

Стрела Большого Алмаатинского канала стремительно вырвалась из теснины Бартогайского ущелья и вонзилась в сухие степи. Где-то рядом играли воды Чилика, который в самом ближайшем будущем наполнит канал. А пока в его русле царила техника. Бетонировалось ложе, и я узнавал, что уложить бетон в его откосы дело совсем не простое, что специальные машины для этой цели раньше приобретались за золото в США, но теперь конструкторы и рабочие «Главриссовхозстроя» создали свои, ни в чем не уступающие зарубежным...

На третьем участке канал упрятывали в огромные, почти трехметрового диаметра железобетонные трубы, похожие на чудовищных размеров колбасы. Они пересекали из конца в конец обширную ложбину, чтобы соединиться на другом берегу с бетонным руслом канала. Это был дюкер — переход через реку Ассы, а точнее — под рекой. Подобных переходов по всей трассе канала будут многие десятки — в местах пересечения с другими реками, водотоками, железной дорогой.

— Но разве это река? — с сомнением показал я на хилый ручеек, который курица перешла бы вброд.

— Не скажите,— ответил экскаваторщик Масылхан Омаров,— в паводок этот «ручеек» способен нести 27-тонные железобетонные трубы словно спички. Было однажды такое...

Вода прорвалась ночью и за считанные минуты затопила всю стройплощадку. На размышления оставались секунды. Бульдозерист Николай Ситников, услышав тревожное: «Дюкер затапливает!» — ринулся, наскоро одеваясь, в ночь. Взревел бульдозер и пошел тараном в поток, пытаясь остановить его грудой камней. И вот уже восемь... десять... двенадцать машин наращивают перемычку. Поток вроде бы успокоился, отступил, и люди вздохнули с облегчением. Но в ту же секунду река с удвоенной мощью ударила в перемычку и снесла ее буквально на глазах. Оставалась единственная надежда: перекрыв реку выше, где напор слабее, направить поток по другому, временному руслу. «Ручеек» удалось укротить только через несколько часов упорной борьбы. Вот почему делаются под руслами пересекаемых каналом горных рек дюкеры из мощных железобетонных труб-туннелей.

Между прочим, трубы такого диаметра никогда ранее в нашей стране не применялись и нигде не делались, но вот возникла нужда, и рабочие Бурундайского завода железобетонных изделий в короткий срок решили эту проблему. А нужда простая: уже в будущем году первая очередь канала должна утолить многовековую жажду земли, чтобы внести свою лепту в решение Продовольственной программы страны. Мелиораторам Казахстана в соответствии с этой программой предстоит: «За десятилетие ввести в эксплуатацию 820 тыс. гектаров орошаемых земель (причем половину из них в текущей пятилетке.— **Ю. Ю.**) и обводнить в пустынных и полупустынных районах не менее 22 млн. гектаров пастбищ. Продолжить работы по орошению земель в Кызылкумской степи, а также строительство сети групповых водопроводов сельскохозяйственного назначения. Создать специализированные зоны по возделыванию сои на орошаемых землях и осуществить комплексное строительство совхозов, специализирующихся на ее выращивании».

Особое место в этих планах отводится Большому Алмаатинскому каналу. Издавна междуречье Чилика и Чемолгана — а это 270 тысяч гектаров прекрасных земель — страдало от недостатка воды. Горные реки бурны и полноводны только в паводок. Вслед за ним приходила засуха и губила все живое. Специалисты подсчитали, что для утоления жажды этих земель потребуется не менее 250 миллионов кубометров воды. В паводок по Чилику проходит и больше. Значит, необходимо как-то удержать паводковые воды. Так родилась идея перекрыть в урочище Бартогай реку Чилик и создать там водохранилище емкостью 320 миллионов кубометров. Такой гигантский аккумулятор воды и будет бесперебойно питать Большой Алмаатинский канал, а тот — страдавшие от засухи земли.

— В обычной практике возведения горных плотин,— пояснил начальник строительства водохранилища Роберт Арташесович Мартиросов,— сперва в скалах пробивают туннель катастрофического сброса, по которому отводят воду из котлована, где сооружают плотину. Но туннель — это два года работы. Ждать столько мы не могли и, тщательно взвесив все обстоятельства, неоднократно рассчитав возможные варианты, пришли к необычному решению. Мы отгородили насыпью половину русла реки и сразу начали работы в котловане. Чилик все время просачивался через нашу насыпь, норовил прорвать ее. В своей подготовке этот ход мы тоже предусмотрели. Мощные насосы круглосуточно откачивали воду, бульдозеры находились в постоянной готовности, и дебют остался за нами. Одновременно шла проходка туннеля (причем мы уменьшили его диаметр, а значит, и удешевили), цементация основания плотины, готовились водопропуски. Риск оправдался, сроки строительства сократились, и уже в этом году начнется заполнение первой очереди водохранилища...

А будущей весной животворные струи вольются в канал, который утолит наконец жажду земли. Я выехал из ущелья и увидел стрелу канала, вылетавшую из гор. Его линия была так стремительна, что мне на секунду показалось — по каналу несется поток прозрачной горной воды. И миг этот действительно близок. Ждать осталось недолго.

Начальник строительства водохранилища Р. А. Мартиросов.

Вот он, Большой Алмаатинский канал.

НА БАМЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖДУТ ШПАЛ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

Михаил ЩУКИН

«Штраф под рельсы не положишь» — под таким заголовком в «Огоньке» № 41 за прошлый год было опубликовано критическое выступление об остром дефиците железнодорожных шпал на БАМе. Их нехватка остро сказывалась на темпах работ многотысячного коллектива строителей. «Где же выход! — говорилось в выступлении. — В самом естественном — в четком взаимодействии всех звеньев цепочки. Давно, очень давно пора министерствам найти общий язык, установить жесткий контроль за соблюдением договорных обязательств».

Речь шла о трех центральных ведомствах: Министерстве путей сообщения, Министерстве транспортного строительства и Министерстве лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Все они так или иначе причастны к изготовлению и доставке шпал.

Прошло более полугода. За это время редакция журнала так и не получила официальных ответов. Наверное, потому и не получила, что положение дел практически не изменилось. В начале года почти на всех участках БАМа строителей снова лихорадило, снижались темпы работ, простаивали путеукладчики — нет шпал.

А вот и самые свежие данные: за первые шесть месяцев этого года шпалопропиточные заводы Министерства путей сообщения недогрузили Главбамстрою 146 тысяч шпал и 53 комплекта переводных брусьев.

— И опять мы первые! — воскликнул заместитель министра путей сообщения Борис Александрович Морозов, когда узнал, о чем пойдет речь.— Сейчас ведь модным стало ругать железную дорогу, винить ее во всех грехах. А, впрочем, эмоции к делу не пришьешь. Начинайте с фактов и документов. Что нужно, вам покажут и расскажут.

Показывали документы и приводили факты заместитель начальника главного управления пути МПС В. И. Цурин, начальник отдела шпал главного управления С. Н. Сидорович и заместитель начальника технического отдела Б. С. Сидоров. Попытаюсь изложить этот коллективный ответ дословно.

— Шпалопропиточные заводы, которые подчиняются нашему министерству, образно говоря, являются ателье, которые шьют из материала заказчика. На практике все выглядит следующим образом. Заказчик, а им является Минтрансстрой, должен поставить нам свой «материал» — непропитанные шпалы. Мы их пропитываем и возвращаем ему же. В прошлом году поступило столько же, сколько отправлено. Другое дело, что это составляет 82 процента от плана. Но мы здесь ни при чем.

Тут необходимо прервать рассказ, чтобы сделать пояснение. Непропитанные шпалы Минтрансстрой получает от Минлесбумпрома. А лесозаготовители, в свою очередь, регулярно не выполняют планы. В прошлом году только Иркутсклеспром и Красноярсклеспром задолжали Минтрансстрою более семисот тысяч (!) штук шпал. Не доставленные на шпалопропиточные заводы, они, вполне понятно, не пришли и к заказчику, в том числе и на БАМ. Урон понесли не только строители, но и заводы. В 1980 году двадцать два завода из-за нехватки сырья простояли в совокупности 430 дней. В прошлом году положение было еще хуже. На запросы и просьбы, похожие на голоса жаждущих в пустыне, МПС и Минтрансстрой получали от партнеров-лесозаготовителей ответы, которые пестрят формулировками «дано указание усилить, увеличить» и т. д. А дело-то не усиливается и не увеличивается. Но к лесозаготовителям мы ещё вернемся, а сейчас продолжим рассказ железнодорожников.

— Исторически сложилось так, что основная часть шпалопропиточных заводов (двадцать из двадцати четырех) располагается в европейской части страны. Между тем в последнее время центр строительства сдвинулся на восток. Основные запасы древесины тоже там. Приходится тратить очень много времени, платформ и вагонов на перевозки и древесины и готовых шпал. Чтобы как-то уменьшить эту диспропорцию и учитывая, что начинают разворачиваться работы на БАМе, было принято решение о строительстве Аурского шпалопропиточного завода в Амурской области, который бы обеспечивал восточные участки магистрали. Первый кирпич в основание будущего завода положили еще в 1975 году. В строй он должен был вступить в 1978 году. Подрядчиком стал Минтрансстрой. И вот уже почти семь лет стройка обрастает «бородой». Работы ведутся из рук вон плохо, и ввода в эксплуатацию очень нужного объекта в ближайшем будущем не предвидится. Между тем морально стареет оборудование, стареет сам проект...

Еще раз прервем рассказ. Так когда же вступит в строй Аурский шпалопропиточный завод? Вопрос был задан начальнику главка по Уралу и Сибири Минтрансстроя Владимиру Михайловичу Минину.

— В список сдаточных объектов, который мы утверждаем вместе с МПС, на нынешний год Аурский завод не включен. Не был он также сдаточным в прошлом и позапрошлом году. Может быть, раньше включали его, но последние три года — нет. Заказчик дает средства, а мы из них исходим.

— Выходит, недостаточно отпускается денег?

— Тут вопрос еще вот в чем — у нас вообще и на строительстве Аурского завода в частности не хватает рабочих. Заработки невысокие, надбавок никаких нет. Вот если бы нам помог главный потребитель шпал в этом районе — сам Главбамстрой: направил бы в будущем году в Аур необходимое число рабочих соответствующих специальностей...

— И все-таки когда завод вступит в строй?

— Если все будет хорошо, включим в список пусковых объектов в будущем году. Завод, конечно, давно пора было пустить.

Давно пора... Наверное, и вопрос с рабочими или со строительным десантом, с оплатой труда тоже давно пора решить.

После нескольких дней хождения по широким министерским коридорам возникло вот какое впечатление — никто не горит желанием признавать свои недоработки. И в каждом министерстве пытались убедить, что причины недостатков кроются не у них, а за забором соседнего ведомства. И за каждым забором не только свой взгляд на проблему, но, случается, даже и свои цифры.

Еще минувшим летом во время командировки на Тайшетский шпалопропиточный завод мне пришлось услышать жалобы на плохую поставку вагонов. Так, в середине июня на Ангарской лесоперевалочной базе скопилось пятьдесят тысяч шпал, предназначенных для Тайшетского завода, который буквально сидел в это время на голодном пайке. Не было вагонов. И такой случай, к сожалению, не из числа единичных. И вот уже в начале этого года прошу работников МПС как-то прокомментировать эти факты.

— Вот цифры, пожалуйста,— говорит В. И. Цурин.— Я сам в декабре был в Иркутской области. Возле железной дороги находилось в общей сложности 175 тысяч штук шпал. Крохи.

— Кто вам дал такую информацию?! — воскликнул ответственный работник Минлесбумпрома Владимир Николаевич Шувалов, когда услышал о «крохах».— Возле железных дорог только в Иркутской области находится 397 тысяч шпал, а всего по Восточной Сибири — 494 тысячи. Поставки же вагонов по Восточно-Сибирской железной дороге не превышают 60—65 процентов от потребности.

Снова звонок В. И. Цурину: как же так?

— Это требуется уточнить. Наверное, что-то изменилось...

В начале года получилась неразбериха с отправкой готовых шпал на БАМ с Тайшетского и Ушумунского шпалопропиточных заводов. Географически они расположены так, что один находится ближе к восточному, а другой — к центральному участку магистрали. Казалось бы, где ближе, туда и должны везти шпалы, но повезли в противоположные стороны, с крюком чуть ли не в две тысячи километров. Как же так? Зачем, для чего делать ненужные прогоны транспорта на такие расстояния? Оказывается, Минтрансстрой должен подавать заявку в МПС за сорок пять дней до начала планируемого квартала. Но припозднились, подали за месяц. В МПС торопились поскорее сверстать план и сверстали — не до тонкостей, лишь бы к сроку. Неповоротливость одного ведомства и канцелярская ошибка другого привели к несуразному случаю, и готовые шпалы, которые позарез нужны были в это время на БАМе, совершали «путешествие» по необъятным просторам.

Таких примеров можно было бы привести немало, но дело в конечном счете не в них. Дело опять же в четком взаимодействии трех заинтересованных министерств. Ведь они звенья одной цепочки, а цепочка рвется в разных местах. Первое звено — Минлесбумпром, которое регулярно срывает планы поставок непропитанных шпал. Так регулярно, что уже почти никто не верит, что спущенные планы будут выполнены.

— Причин для этого много,— говорил В. Н. Шувалов.— Но данный вопрос не в моей компетенции, обратитесь к товарищу...

И он назвал фамилию, номер кабинета, а я пошел было уже на другой этаж здания, но посредине пути остановился от внезапной и очень простой мысли. Она такая: приду, попрошу рассказать, мне любезно назовут добрый десяток причин, все они окажутся очень важными, и останется только развести руками. Но, помилуйте, ведь есть государственный план, утвержденный соответствующими органами, который приобрел силу закона. План — закон. И его надо выполнять. Об этом не раз говорилось, говорилось и с высокой трибуны партийного съезда. Что же тут остается добавить?

Если бы Минлесбумпром выполнял планы и не подводил своих партнеров, то больше половины всех вопросов, связанных с нехваткой шпал, сразу же было бы снято. О них попросту бы забыли.

Второе звено цепочки — МПС. Не будем на него сваливать все грехи. Обеспечат «материалом», и «ателье» станет шить исправно — это действительно так, ничего не возразишь. Но вот доставка шпал к заводам и от заводов к строителям БАМа требует куда большей четкости и оперативности. Каждая задержка в пути оборачивается километрами магистрали, по которым не прошли путеукладчики.

И последнее звено цепочки — Минтрансстрой, которое более всех страдает от нехватки шпал. И тем более удивляют «долгострой» Аурского шпалопропиточного завода и такие накладки, как не вовремя поданная заявка.

Из таких вот частей она и состоит, недавно появившаяся проблема железнодорожных шпал. А решение ее вполне по силам, и хорошие результаты обязательно будут. Только для начала нужно первым делом разобрать ведомственные заборы и почаще вспоминать не только о чести мундира, но и о важном общем деле. А оно и вправду общее и важное — строительство великой Байкало-Амурской магистрали.

Вадим ОЛЬШЕВСКИЙ

ВАСИЛИЙ ПЕРОВ

В «перовском» зале Третьяковской галереи — уют и тишина. Здесь все дает сосредоточиться взгляду, принаровить себя к неспешному разглядыванию картин. В них обаяние того старого мастерства, когда живописец знал цену тщательному труду и картину его можно было читать, как рассказ. «Чаепитие в Мытищах» и «Приезд гувернантки», «Тройка», «Проводы покойника», «Сельский крестный ход на пасхе» — их будешь смотреть, внимая целому, вбирая в себя сюжет, характеры, а переходя от детали к детали, станешь любоваться тонкостью письма, и сложное тобой завладеет ощущение — повеет человечнейшей красотой этого искусства и явит себя жизнь людей, что жили до нас. И жизнь была иная и нравы иные. Но что же так влечет нас к этим людям, которыми населил художник свои картины, и отзываются в нас их боль и печали — будто вместе с художником хочешь защитить обездоленного, вознегодовать на неправду?..

Когда в очередной раз вы будете стоять перед картиной «Тройка» — это где дети везут обледенелую бочку с водой,— обратите внимание: у мальчишки, «коренного», среднего в «тройке», — щербинка во рту. Бочка тяжелая, мальчик дышит с трудом, и видно, как у него не хватает нескольких верхних зубов.

Мы знаем его, о том сохранился рассказ самого художника.

Как-то у Тверской заставы он повстречал старушку с мальчиком. Тип мальчика был совсем такой, какой виделся для начатой картины. Художник позвал их к себе, показал картину и объяснил, что мальчик — звали его Вася — как раз подходит в картину, на холст. Старушка никак не хотела согласиться, мол, это грех — писать живых людей, и люди оттого чахнут, а художник доказывал, что даже архиереи позволяют писать с себя портреты, и в конце концов старушку уговорил.

Пока художник работал, она рассказывала про свое житье-бытье. Оказалось, лет ей было не так уж и много, но невзгоды состарили прежде времени, и сынок Васенька — единственная ее отрада и утешение.

Картина уже висела на стене у Третьякова, но однажды старушка появилась на пороге. Страдание проглядывало во всем ее облике. Васенька, сынок, заболел и умер, и вот, распродав нехитрый свой скарб, она пришла, чтобы купить картину. Как мог, художник растолковал, что картину уже не купить. Но хотя бы посмотреть? Вдвоем они отправились к Третьякову. Как трава, подрезанная взмахом косца, говорит художник, старушка повалилась на пол перед картиной. И час и другой она стояла на коленях и молилась на изображение сына.

Художник обещал написать портрет Васи и выслать в деревню и свое обещание выполнил. И годы прошли, завершает он рассказ, а эта простая деревенская женщина в ее убогом наряде встает перед ним во всем величии человеческой души, материнской любви и самоотречения.

Трогательная эта история одновременно рисует и самого художника и облик людей, которые были ему в искусстве и в жизни всего дороже. Всей душой он сочувствовал таким, как эта мать-крестьянка, и умел понять чистоту ее натуры и ее нравственную высоту. И случай, который им пересказан, тем глубже заставит нас ощутить смысл картины. Нет, здесь не сцена зимних детских забав с санками и катанием с гор, а что может быть естественнее таких сюжетов; здесь, в картине, сюжет, который весь вылился в обиду за этих детей — с малых лет подневольных, с малых лет лишенных детства. Не потому ли всего неотразимее в картине лица и глаза детей, в которых все запечатлено: одиночество, усталость, напряжение непосильного труда. Тема обездоленного детства пройдет через все творчество художника, и, быть может, это самое горькое, о чем он думал, чем поверял свое несогласие с бесчеловечием современной ему жизни. Неспроста с этого мы и начинаем о нем рассказ.

Василий Григорьевич Перов пришел в искусство вслед за Венециановым, за Федотовым — Венецианов открыл поэзию русской крестьянской жизни, Федотов дал первые образцы русского сатирического жанра, и Перов оказался взращен этим рождающимся демократизмом отечественной живописи. Еще впереди был знаменитый «бунт тринадцати» в стенах императорской Академии художеств, когда ее питомцы, дипломники, говоря нынешним языком, отказались писать картины на заданную академическую программу, впереди еще было создание Товарищества передвижников, которые обратили русскую живопись на путь народности и реализма, но Перов был их предтечей. Духовный собрат Некрасова, единомышленник Добролюбова, Чернышевского, он отразил в своих произведениях целую эпоху народно-освободительного движения 60-х годов. Горячее сочувствие к бесправному положению крестьянства и городского люда, открытый социальный протест, направленный против того «темного царства», в котором выражали себя нравы и нормы морали власть имущих, налагают на самую личность Перова — художника и человека — печать благородства и высокой честности перед Россией, перед народом, перед русским революционным движением, которому он послужил своим искусством. Вспомним слова Чернышевского из романа «Что делать?» о том, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером. Картины Перова и стали выражением революционных умонастроений передовой русской интеллигенции тех лет. Как роман «Что делать?» явился путеводной книгой для нескольких поколений революционеров-демократов, как некрасовские стихи и поэмы принимались поэтическим выражением лучших побуждений времени, так Перов стал главой русского идейного реализма, художественным вождем поколения шестидесятников.

Перов — эту фамилию внебрачному сыну губернского чиновника-администратора дал сельский дьячок, обучивший его грамоте, за способность к чистописанию, за бойкость и ладность пера. Семья переезжала с места на место; отец, уволенный с казенной службы за либерализм, служил управляющим в помещичьих имениях, и мальчик с ранних лет привык всматриваться в деревенскую жизнь. Случай пробудил в нем интерес к художеству. Однажды в дом был приглашен заезжий живописец, чтобы подновить старый семейный портрет, и совершившееся на глазах чудо живописания заставило мальчика взяться за кисть. Отец был образованным человеком, не чуждым художественным наклонностям, и всячески поддерживал в сыне пробуждающиеся ростки дарования. А потом последовала школа живописи в близлежащем Арзамасе. То было первое в России частное художественное учебное заведение, основанное педагогом-энтузиастом Ступиным, который выискивал одаренных людей, в том числе из крестьян-крепостных, и давал им начальные наставления в искусстве. И не зря говорили тогда: «Арзамас-городок — то Москвы уголок»,— пришло время, и юноша Перов перебрался в Москву, в Училище живописи и ваяния.

Впоследствии, спустя много лет, он вернулся в это училище профессором, общепризнанным кумиром молодежи, и его таланту, обаянию художника-педагога стали обязаны многие из тех, чьи имена украсили затем наше искусство, и расцвет училища оказался связан именно с педагогической деятельностью Перова.

Вот рассказ одного из его питомцев: «...Перов сделался нашим общим любимцем в школе. Он скоро сошелся с учениками, вошел в нашу жизнь и наши интересы. Не раз целыми часами беседовал Перов с приходившими к нему учениками, забывая даже при этом свою работу, а ученики после этих бесед чувствовали, как перед ними шире раскрывается горизонт и как в душе их загоралась новая вера и в искусство, и в самого себя...» Училище стало при Перове центром передвижничества в Москве, ученические выставки, которые устраивались по его инициативе, смыкались с передвижническими. А имена выучеников Перова говорят за себя — это С. Коровин, А. Архипов, А. Рябушкин, М. Нестеров, Н. Касаткин, то есть именно те, кто с честью продолжил потом традиции идейного реалистического творчества. И много лет спустя Михаил Васильевич Нестеров, уже знаменитый, прославленный художник, писал о Перове, как он оставил в учениках свое искусство и в нем свое большое сердце. Но все это стало потом,

В. Перов. 1833—1882 гг. ПРИЕЗД ГУВЕРНАНТКИ В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ. 1866.

В. Перов. СПЯЩИЕ ДЕТИ. 1870 г.

а в пору ученичества самого Перова состав учителей не блистал преподавательским даром и личным творческим примером, и иными путями шло духовное, художественное взросление Перова.

Всего хлебнул в юности художник: и бедности и бездомья. Не потому ли понятней становились ему все те, кто пришел потом в его картины? А жизнь была подлинной школой, и Перов мог бы повторить слова своего предшественника, Павла Федотова: «Моего труда в мастерской немного... Главная моя работа — на улицах и в чужих домах. Я учусь жизнью. Я тружусь, глядя в оба глаза. Мои сюжеты раскиданы по всему городу, и я сам должен их разыскивать...» Острая социальная тенденция, реалистическая трактовка типов, характеров, ясное прочтение сюжета, почерпнутого из жизни,— вот цели, которые ставил художник. Рассказывают, что, показывая эскизы товарищам, он первым делом допытывался, понятен ли, наглядно ли разработан сюжет, насколько ясно прочитывается картина, видна ли мысль, и снова и снова углублял психологические задачи, и человек, душевное состояние человека, его социальная обрисовка были ему всего важнее.

С первых же картин пришел к нему успех. Они говорили о безответности крестьянина и о нравственном убожестве мелкого чиновника, к тому времени разительно высмеянного в литературе, но сатирическому дару художника еще предстояло развернуться в полную силу. «Сельский крестный ход на пасхе» — вот картина, которая по-боевому встала в строй обличительного искусства шестидесятых годов, призвавшего себя произнести приговор над явлениями социальной жизни, быть судьей и учителем общества. Вслед за «Проповедью на селе», где наглядно, в лицах была показана та пропасть, которая отделяла рваные мужицкие армяки от довольного и ленивого барства, художник поднялся к осуждению самих устоев господствующего строя. «Самодержавие, православие и народность»,— звучало в ту пору с правительственных верхов, и своей картиной Перов прямо заявил: вот оно, смотрите, какое оно есть, казенное российское православие! Неспроста показанную на выставке картину поспешили убрать с глаз долой, хотя пользовалась она у публики колоссальным успехом, а Третьякову, купившему картину, было велено не выставлять ее и не воспроизводить в печати. Перову предстояла в ту пору заграничная поездка, но «Перову вместо Италии как бы не попасть в Соловецкий»,— писал Третьякову один из друзей художника.

И надо всем в картине, в прямом и переносном смысле, тяжкое, низко нависшее небо этой убогой жизни, которой сострадает художник, ее беспросветной темноте. Наступает тот момент, вырастает та грань, когда кончается смех — над пьяным попом, над всем этим недостойным зрелищем — и приходит гнев. Да, для нас все это история, но вот вы живете в шестидесятых годах прошлого века, это о вас сказано Чернышевским — вы правильно думающий и действительно порядочный человек, коего реальный образ мыслей и нравственная порядочность зовут к нетерпимости перед лицом социального зла,— в каком направлении поведет вашу мысль картина Перова? В том и сказалась революционная направленность картины. И сказалось еще то, что казенное православие — оно лишь как застойная тина в народной жизни, и не в том будущность России, чтобы искать выявления русского национального характера на путях религиозности и жертвенного смирения. Нет, смирение — это пьяный поп и духовное убожество, и не смирение, а гнев, здоровое осознание своих сил нужны России, ждущей обновления. Тем самым в картине Перова отозвался голос, который прозвучал у Некрасова,— «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка-Русь!» — голос сына России.

Продолжением «Крестному ходу» стало «Чаепитие в Мытищах». Подмосковные Мытищи по дороге в Троице-Сергиеву лавру славились своей родниковой водой, и истинные чаевники наезжали сюда ради самоварной утехи. Вот и в картине сановный служитель церкви услаждает себя чайком — прихлебывает с блюдечка, отдувается, блаженствует, и все в нем говорит о сытости и довольстве. Но рядом нищий солдат-калека тянет к нему руку за подаянием. Мы видим медальку, приколотую к шинели,— быть может, под Севастополем оставил ногу горемыка-солдат? И это все, чем царская Россия наградила своего воина. Отталкивает его прочь служанка, неприязненно скосил взгляд блаженствующий иерей, а мальчонка-поводырь стоит, не смеет протянуть за милостыней отцовский картуз, и в который раз звучит у Перова эта горькая нота сочувствия к детям! Нет горше обиды, чем обида ребенка, и нестерпимо видеть в картине эту робкую фигурку мальчонки — голодного и босого — рядом с равнодушным чревоугодием; боязливые его ручонки — рядом с рукой выхоленной, пухлой, держащей чайное блюдце; маленькие босые его ноги — рядом с вычищенными щегольскими сапогами. И снова отмечаем красноречивейшую перовскую выразительность деталей и красноречивость всей режиссуры, направляемой возвышенным и благородным сердцем.

А время было тяжкое — отмена крепостного права принесла новую кабалу. Чуткой душой воспринимал художник все горести народа. Так вылилась из-под его кисти — буквально как песня — картина-песня «Проводы покойника». Какая простота в ней и какая скорбь! Понурая лошаденка тянет сани по зимней дороге, согбенная спина крестьянки и ребятишки у гроба. Угасает ненастный день, темные, суровые облака, как безысходность, нависают над осиротевшей семьей. Вот и весь рассказ художника, но как западает он в память! И хоть раз увидевши картину, не забыть, как девочка держится за гроб, будто в последний раз обнимая отца.

Есть подлинная народность в этой картине Перова. И как не вспомнить здесь ту старушку, тетушку Марью, что молилась перед холстом художника за своего сына? И словно не просто похороны крестьянина написал художник, а все горе России, тяготы всех судеб народа.

Он говорил в своих картинах об отверженных и одиноких. Гитарист-бобыль, пригорюнившийся за стаканом вина и задумчиво перебирающий струны гитары; учитель рисования — старый и позабытый; странник-крестьянин, о котором художник оставил рассказ,— он принял живое участие в судьбе старика, и со страниц рассказа встает образ высокого бескорыстия и благородства... Вот люди, которые проходили перед его взором, и повесть художника о них человечна и безыскусна.

Он был превосходный писатель, и жаль, что его рассказы не переиздаются, а это хоть и малая, но живая частица русской литературы прошлого века. В числе этих рассказов есть такой. Художник ищет натуру, чтобы написать утопленницу (свидетельством этому и осталась картина Перова «Утопленница»), его приводят в покойницкую; сторож показывает труп молодой красивой женщины, и художник узнает ее: Фанни!

А случилось так, что его учителю Егору Яковлевичу был заказан большой запрестольный образ божьей матери, и поиск натуры привел старого живописца в один из тех домов, которые не называют и каких много было в ту пору в Москве на Трубной площади и на Цветном бульваре. Фанни позировала со всей охотой, и Егор Яковлевич был рад натуре. Но после очередного сеанса, когда работа уже шла к концу, она спросила: а кого же вы с меня пишете? Живописец ответил: божью матерь. И тут случилось ужасное. Вот как это описано в рассказе:

— С меня... матерь... божию... Да ведь вы знаете, кто я такая!.. И с меня изображать лик пречистой девы Марии... матери божией!.. Нет! Это невозможно!.. О! Я проклятая... проклятая!!!

И вот покойницкая, ледник, угрюмый и ко всему привыкший сторож — и труп Фанни.

Сколько таких житейских драм повидал художник! Как в пьесах Островского представала перед ним Москва купеческая, Москва обнищалого люда — торжествующих Тит Титычей и униженных и оскорбленных. Вот в ряд к старому одинокому гитаристу и учителю рисования встает еще одна судьба — девушка-гувернантка вступает в купеческий дом. Что ждет ее, ценой каких унижений будет она зарабатывать свой хлеб? Самодур-купец, словно товар для своей лавки, оценивает стоимость барышни из «благородных». Купчик-сынок презрительно кривит рот на бедность и робость. Власть денег? Она выступает раскрыто и нагло. И вроде ничего особенного не происходит в картине — девушка-гувернантка вступила в купеческий дом: пока только, как в пьесе, обозначены действующие лица, а вы чувствуете предвестие беды — насилия над личностью человека.

Чем так привлекает картина? Ведь не только же превосходной читаемостью сюжета, возможностью раздвинуть рамки изображения и увидеть за настоящим прошлое и будущее — как складывалась, как сложится жизнь гувернантки. Конечно, это не так. Но ведь и пьесы Островского привлекают нас не только тем, что они постановочны, сценичны, дают характеры и движение их, но главное, они говорят, как против тьмы и жестокости выступает светлый человек и пусть ценой гибели, а разрывает власть тьмы. Да, погибнет Катерина в «Грозе», будет унижен мечтатель Кулибин. Однако «луч света в темном царстве» — не это ли дает бессмертие пьесам великого драматурга? Их называют комедиями. Они трагедии. И картина Перова — трагедия.

Но и в противоборстве с властью тьмы искусство Перова выдвигает своего героя. Этот герой — те, в кого он верит. Этот герой — народ. Страждущий, угнетенный, бесправный, но сильный в своей правоте, в своем праве на лучшую долю. Этот герой — люди России в современном художнику дне и в ее истории, неспроста Перов, жанрист по призванию, в свои более поздние годы увлекся исторической темой и писал картину о Пугачеве, и не просто о Пугачеве, а «Суд Пугачева». А в лирических его полотнах об охотниках на привале, о голубятнике, птицелове, рыбаке выступают тургеневские ноты единства русского человека с русской природой, и эта природа, земля России — тоже герой художника.

Его любовь, его герой... Он был не только судьей над злом — он утвердил в своих портретах достоинство людей, составивших передовую русскую интеллигенцию. Перовские портреты Островского, Достоевского, Даля положили начало той «галерее в галерее» — череде портретов лучших людей России, которыми гордится третьяковская сокровищница отечественной живописи. Каждый из них, из этих портретов, целый мир глубокой душевной работы, каждый дает сложность мыслей, переживаний, неповторимость богатой и одаренной личности. В достоинстве своих дум — драматург Островский. В мучительности душевных сомнений — Достоевский. Какой это прекрасный портрет и как он написан! Ни одного резкого всплеска цвета, сосредоточенность, напряженность, и кисть вся наполнена жизнью. Трудная, трагическая дума — вот существо портрета, и кажется, что это портрет не только самого писателя, но и весь круг сюжетов Достоевского незримо присутствует здесь. Посмотрите, как внутреннее становится внешним — как в изображении художника мысль, сознание выявляют себя в позе и ракурсе, взгляд отстранен от впечатлений реальных и словно бы обращен вовнутрь, к некоему духовному зрению, а руки неосознанным жестом сцеплены на коленях — так бывает в минуты отрешенной задумчивости. Портрет, истинно прочувствованный, всегда несет на себе отпечаток личности портретиста. И не потому ли так поразительно верно представил Перов Достоевского, что сам мог бы сказать о себе его словами: «Подле меня будут люди, и быть **человеком** между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унывать и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою».

Не с теми ли мыслями шел в своем искусстве Перов? Он и себя написал — в его автопортрете мы видим тонкое, худощавое лицо, взгляд обращен на нас, и, как живой, смотрит он своими испытующими, как бы взывающими к совести людей глазами. Что ж, в этом портрете он тоже герой своего искусства. Он проложил дорогу передвижничеству и первым в ряду русских художников-реалистов поднял голос во славу идеалов передовой России.

Честь ему — художнику и гражданину, верившему в судьбу своей отчизны.

К 40-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ НАЧАЛА
БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

БОИ, ВОШЕ

И. Г. ПАВЛОВСКИЙ,
генерал армии,
Герой Советского Союза

Среди важнейших событий Великой Отечественной войны особое место занимает битва за Кавказ. Это сражение, которое длилось около пятнадцати месяцев, охватило огромную территорию — от нижнего течения Дона до перевалов Главного Кавказского хребта и от Черного моря почти до побережья Каспийского.

К лету 1942 года гитлеровское командование уже не имело возможности проводить крупные наступательные операции по всему фронту. Еще в январе в беседе с японским послом Гитлер заявил: «Я намереваюсь пока в центре фронта больше не проводить наступательных операций. Моей целью будет наступление на южном фронте. Я решил, как только улучшится погода, снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление — важнейшее. Нужно выйти к нефти, к Ирану и Ираку».

Чтобы скрыть свой план и дезинформировать наше командование, фашистское руководство разработало специальную операцию «Кремль». Целью этой операции было создание видимости подготовки крупного наступления на западном направлении и захвата Москвы.

Во второй половине июля обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко ухудшилась. Противник прорвал фронт наших войск в междуречье Дона и Северского Донца и создал непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Началась великая битва на Волге и битва за Кавказ.

Выйдя к нижнему течению Дона, немецко-фашистское командование 25 июля 1942 года приступило к осуществлению плана по захвату Кавказа (операция «Эдельвейс»). Для этой цели гитлеровцы создали группу армий «А», в которой насчитывалось 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до тысячи боевых самолетов.

Противник рассчитывал окружить и уничтожить советские войска между Доном и Кубанью, чтобы открыть беспрепятственный путь своим бронированным армадам на Северный Кавказ и в Закавказье. Имея численное превосходство над войсками Южного фронта: в людях — в полтора раза, в танках — более чем в девять раз, в артиллерии — в два, в самолетах — почти в восемь раз,— враг надеялся на быстрый успех. С выходом в Закавказье фашистское руководство надеялось принудить Турцию вступить в войну против Советского Союза.

В это время Ставка Советского Верховного Главнокомандования приняла решение объединить Южный и Северо-Кавказский фронты в один Северо-Кавказский под командованием маршала С. М. Буденного, подчинив ему в оперативном отношении Черноморский флот и Азовскую флотилию.

Боевые действия войск Северо-Кавказского фронта в конце июля — начале августа протекали в чрезвычайно сложных условиях. Противник быстро продвигался к Ставрополю и Кропоткину. Упорное сопротивление наших войск на Сталинградском направлении вынудило фашистское командование повернуть на это направление часть сил 4-й танковой армии, что ослабило его кавказскую группировку. Но превосходство в силах оставалось на стороне противника. 5 августа враг овладел Ставрополем, 10 августа — Майкопом, 12-го — Краснодаром.

Тяжелая обстановка, сложившаяся на Северном Кавказе, требовала решительных мер. В начале августа была проведена перегруппировка войск, усилены важные оперативные направления — Грозненское и Орджоникидзевское, на реки Терек и Урух были выдвинуты соединения из Закавказья. Принимались меры по усилению обороны перевалов на Главном Кавказском хребте.

Для укрепления политического аппарата партийные организации Северного Кавказа, Азербайджана, Грузии и Армении направили в войска более шести тысяч коммунистов.

Были созданы четыре особых ударных отряда по пятьсот коммунистов и комсомольцев. Формирование этих отрядов было поручено генерал-майору В. Ф. Воробьеву, полковникам Л. И. Брежневу, В. И. Рожкову и С. И. Свинцову.

Опасность, нависшая над Кавказом, еще теснее сплотила советских людей. На территории Северного Кавказа готовилось партийное подполье, создавались партизанские отряды.

Во многих городах и селениях проходили митинги, принимались обращения ко всем народам Кавказа. В одном из таких обращений говорилось:

«...Мы, народы Северного Кавказа, знаем, что наша сила в неразрывной дружбе между собой и братской помощи нам со стороны великого русского народа. Так поднимемся же все, как один, без различия возраста и национальности, на священную войну с гитлеровскими убийцами и насильниками. Добудем желанную победу в смертельной схватке с ненавистным врагом!»

И воины с честью выполняли свой священный долг. Вот лишь некоторые примеры. Мужественно сражались войска 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, прикрывавшие Туапсинское шоссе, и 3Э-й Иркутской дивизии, которые действовали под Краснодаром в районе Горячего Ключа. За боевые отличия 17-й Кубанский казачий кавалерийский корпус получил наименование 4-го гвардейского. Мужество и стойкость наших воинов вынудили гитлеровцев прекратить наступление на Туапсинском направлении. Отступая, наши части изматывали врага. Потери гитлеровцев росли с каждым днем.

На подступах к Тереку два советских бронепоезда под командованием капитанов С. Н. Бородавко и И. П. Кучмы вели тяжелые бои с танками противника. Когда оба бронепоезда охватил огонь, оставшиеся в живых с гранатами вступили в единоборство с вражескими машинами и подбили восемнадцать танков противника.

Для лучшего управления войсками 8 августа была создана Северная группа войск Закавказского фронта под командованием генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. В ее состав к середине августа были включены 44-я, 37-я, а также 9-я армия, в которой я начинал войну на советско-румынской границе, сражался с немцами на Северском Донце, участвовал в тяжелых боях на Дону и Тереке. Второй эшелон в обороне Северной группы составляла в районе Махачкалы 58-я армия. Это позволило создать в восточной части Северного Кавказа превосходство над противником в личном составе и артиллерии.

По плану немецко-фашистского командования войска группы армий «А» вели наступление одновременно на трех направлениях. 23 августа гитлеровцы перешли в наступление на Моздок. Геройски сражались против них бойцы и командиры 11-го гвардейского стрелкового корпуса. Один из батальонов подвергся массированной атаке вражеских танков. Гвардейцы не дрогнули. Когда наводчик противотанкового ружья белорус Маломуш погиб, его место занял украинец Луценко. Он тоже был сражен. Но бронебойка продолжала стрелять — огонь теперь вел парторг роты сержант Демцев. Убило и его. Тогда к ружью бросился политрук Аршак Амбарцумян. В поединке с последним фашистским танком смертью храбрых пал и Аршак. Но танки врага не прошли.

Гитлеровцы рвались к Моздоку. Решением командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора И. П. Рослого 8-я гвардейская стрелковая бригада выслала усиленный батальон с задачей обеспечить завершение инженерных работ и организацию обороны соединений корпуса на правом берегу Терека. Как заместитель командира 8-й гвардейской стрелковой бригады, я получил приказ оказать помощь комбату в организации оборонительного боя в Моздоке.

Бой за Моздок продолжался несколько дней. Противник вводил в бой новые резервы и непрерывно возобновлял атаки. В уличных боях гвардейцы и курсанты Ростовского артиллерийского училища отстаивали каждый квартал, каждый дом, навязывая противнику рукопашные схватки.

Более тридцати пяти танков, десять бронемашин и около сотни убитыми потерял противник в этих боях. Гвардейцы показали стойкость и умение вести оборонительный бой. Но удержать Моздок было трудно. В ночь на 29 августа мы незаметно для противника оставили позиции в южной части города и переправились на правый берег Терека.

Более десяти дней 9-я гвардейская стрелковая бригада, как и соседние части, отражала яростные атаки танков и пехоты гитлеровцев, рвавшихся к Малгобеку, Грозному и Терскому хребту. Бои шли в Терской долине, которую фашисты назвали «долиной смерти».

В одну из сентябрьских ночей противник при поддержке сотни танков внезапно нанес удар в стык 8-й и 9-й бригад. Танки двигались в два эшелона вместе с пехотой. Не считаясь с потерями, гитлеровцы рвались к Терскому хребту. К исходу 24 сентября они захватили Малгобек.

Однако в Малгобеке фашистам долго хозяйничать не пришлось. Фланговыми ударами наших войск враг был выбит из города и сброшен с Терского хребта. Гитлеровцы были вынуждены прекратить наступление.

Ставка Гитлера была крайне недовольна действиями группы армий «А». Генерал-фельдмаршала Листа сняли с поста главнокомандующего этой группой. Фактически взяв на себя командование войсками на Кавказе, Гитлер требовал скорейшего захвата Грозного. Ведь еще 1 июня 1942 года на совещании в штабе группы армий «Юг» он заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну...»

Не удалось фашистам получить ни майкопской, ни грозненской нефти. Они сумели лишь немного продвинуться южнее Моздока, потеряв при этом более шести тысяч солдат и офицеров.

Усилив свою моздокскую группировку моторизованной дивизией СС «Викинг», противник решил наступать через Эльхотовские ворота в направлении Орджоникидзе и вдоль железной дороги Прохладный — Грозный. 27 сентября враг захватил Эльхотово, но прорваться через Эльхотовские ворота к Грозному не смог и был вынужден отказаться от дальнейшего наступления.

Следует отметить такой удивительный факт: несмотря ни на что, наша страна продолжала получать грозненскую нефть. Нефтяные скважины работали прямо на переднем крае, и по трубопроводам нефть перекачивалась в ближайшие тылы. А одна такая скважина давала нефть, находясь на «ничейной» земле перед вторым батальоном нашей бригады.

ДШИЕ В ЛЕГЕНДУ

Одновременно с боями на Моздокском направлении разгорелось сражение за Новороссийск. 21 августа противник захватил станицу Абинскую, а затем Крымскую и создал угрозу прорыва к Новороссийску. Однако частям Новороссийского оборонительного района удалось приостановить дальнейшее продвижение врага. Тогда, перебросив с Туапсинского направления в район Крымской 125-ю пехотную дивизию, гитлеровцы вновь перешли в наступление. Теперь они решили прорваться к Новороссийску в обход с северо-запада. Ценой больших потерь врагу удалось потеснить 83-ю морскую стрелковую бригаду, выйти на побережье Черного моря и захватить Анапу.

1 сентября для удобства управления войсками Ставка Верховного Главнокомандования преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск Закавказского фронта. Командующим группой был назначен генерал-полковник Я. Т. Черевиченко.

Бои за Новороссийск становились все ожесточеннее.

4 сентября гитлеровцам удалось окружить на перевале Волчьи ворота сражавшихся до последнего снаряда морских артиллеристов под командованием старшего лейтенанта В. И. Лаврентьева, которые прикрывали подходы к Новороссийску. В тот же день при поддержке авиации и танков враг захватил Абрау-Дюрсо, Южную Озерейку и 6 сентября прорвался к северо-западной окраине города. Разгорелись ожесточенные уличные бои. Имея здесь до пяти дивизий, гитлеровцы 9 сентября заняли большую часть западного района Новороссийска. Однако наступление вражеских войск с каждым днем замедлялось.

Кто бывал в Новороссийске, конечно же, видел стоящий на постаменте железнодорожный вагон. Собственно, это уже не вагон, а лишь его остов, изрешеченный пулями. На вагоне надпись: «Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город».

О невиданной стойкости защитников города говорит такой факт легендарной новороссийской эпопеи. В одну из ночей стрелковый взвод под командованием младшего лейтенанта Турсунбекова захватил небольшой каменный сарайчик рядом с цементным заводом «Октябрь» — это в полутора десятках метров от линии немецких окопов. На этот сарайчик много раз шли фашисты. Его забрасывали гранатами — сыпался кирпич, рушились стены. Но бойцы держались стойко. Гарнизон отбил за год в общей сложности 189 жесточайших атак. Не помогли фашистам и попытки уничтожить отважных защитников легендарного дзота артиллерийским огнем.

Триста шестьдесят дней и ночей держали героическую оборону мужественные защитники Новороссийска. Врагу так и не удалось использовать Новороссийский порт в качестве своей военно-морской базы.

После провала наступления восточнее Новороссийска гитлеровцы попытались развить наступление вдоль Черноморского побережья на Туапсе.

Девятнадцатого сентября 3-я румынская горнопехотная дивизия перешла в наступление. Врагу удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до шести километров. Тогда советские войска перешли в контратаку. За два дня ожесточенных боев 3-я румынская горнопехотная дивизия была почти полностью уничтожена. После этого разгрома враг перешел к обороне и больше не предпринимал попыток наступать здесь крупными силами.

В середине августа начались бои на перевалах Главного Кавказского хребта. Части 1-й немецкой горнопехотной дивизии «Эдельвейс» захватили некоторые перевалы, но выйти в Закавказье не смогли. Отважно оборонялись бойцы 46-й армии. В дождь и снег, на пронизывающем ледяном ветру трудно было сутками лежать на голых камнях. Здесь не всегда удавалось оборудовать позиции, окоп, простейшее укрытие — скальный грунт не поддавался лопате. Но советские воины отважно сражались на заоблачном фронте. В разгар боя на клухорском направлении геройский поступок совершил наводчик 815-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии рядовой И. Т. Сванидзе. Пренебрегая опасностью, он вынес с поля боя в собранном виде два 82-миллиметровых миномета, расчеты которых погибли, и, заняв огневую позицию, открыл огонь по наступающему противнику.

В конце сентября гитлеровское командование предприняло новую попытку прорваться к Туапсе. Противник рассчитывал выйти к побережью Черного моря, отрезать Черноморскую группу войск от основных сил Закавказского фронта и лишить наш Черноморский флот баз и портов.

Для этой цели была создана группа «Туапсе», значительно превосходившая в живой силе и вооружении нашу 18-ю армию, оборонявшуюся в это время на туапсинском направлении. В конце октября передовые части врага вышли к долине реки Туапсинки, от которой до города оставалось около тридцати километров.

Обстановка сложилась крайне опасная. В войска выехали командующий и член Военного совета Черноморской группы, командующий 18-й армией и офицеры их штабов. В низовые партийные организации частей были направлены наиболее опытные политические работники политуправления группы и политотдела 18-й армии. Непосредственное участие в руководстве партийно-политической работой в частях принимал Л. И. Брежнев. Была проведена мобилизация всего партийного и комсомольского состава города Туапсе.

Для усиления советских войск под Туапсе были переброшены из Северной группы войск 8-я и 9-я гвардейские стрелковые бригады. В то время мне довелось командовать 9-й гвардейской стрелковой бригадой. Я хорошо помню: едва мы выгрузились в Туапсинском порту, как командующий 18-й армией генерал-майор А. А. Гречко бросил наши бригады в бой. Перед моей бригадой стояла задача овладеть горой Каменистой и во взаимодействии с 383-й стрелковой дивизией генерал-майора К. И. Провалова разгромить прорвавшуюся вражескую группировку в районе горы Семашхо.

Советские воины упорно продвигались вперед, проявляя при этом чудеса храбрости и героизма. В одной из атак погиб командир взвода младший лейтенант Хозяев. На какое-то мгновение в рядах атакующих наступила растерянность. Тогда санинструктор Татьяна Шаптоха поднялась во весь рост и с криком «За Родину!» увлекла взвод в атаку. Отважная девушка в этом бою лично уничтожила двух гитлеровцев.

Советские воины наступали в тяжелых условиях горно-лесистой местности, из-за сильных туманов видимость иногда была всего до одного-двух десятков метров. Но, несмотря на все трудности, семашхская группировка противника была ликвидирована, а ее остатки отброшены за реку Пшиш. Так была устранена последняя угроза прорыва немецко-фашистских войск к Туапсе.

А в это время в полосе действий Северной группы войск гитлеровцы продолжали отчаянные по-

Бой на горных перевалах.

ПЕВУЧАЯ ДУША РОССИИ

Восемьдесят лет назад в глухой тверской деревушке Князево — к ней еще и сегодня не так легко добраться — родился мальчик, которому суждено было стать гордостью страны, «певучей душой России», по точному определению писателя Ю. Нагибина.

Сергей Яковлевич Лемешев — целая эпоха в развитии советского и мирового оперного искусства. Известность, популярность его необычны. Он был рожден для музыки, и это понимали все — от изощренного ценителя вокала, смакующего удачно взятую певцом высокую ноту, до простого любителя песни где-нибудь в глубинке, куда радио и пластинки доносили чарующий, неповторимый лемешевский голос. Раз его услышав, забыть или не узнать было невозможно. Что-то в нем таилось глубинное, искреннее, истинно народное, кроме удивительного тембра, что брало за душу, приобщало к музыке людей, вовсе от нее далеких. И можно поверить — в легенду или быль? — одну из многих, которые складывались вокруг имени Лемешева. Рассказывают, что изувеченный войной безногий солдат возвращался в родную деревню, но в последнюю минуту им овладела слабость, и не решился он явиться к жене и детям на деревянных колодках, задумал утопиться. И вдруг услышал льющуюся издалека песню: «Это русская сторонка, это родина моя». Кто-то поставил на патефон пластинку Лемешева, и спас жизнь солдату, вернувшемуся с войны; он нашел в себе силы жить... Наверное, так и было...

Лемешев пел с детства. Еще не зная нот, он «на слух» исполнял арию Ленского. Он очень хотел учиться петь, но поступил в тверскую кавалерийскую школу. И все-таки запевалу кавполка, «одаренного голосом», как было сказано в письме Тверского губернского подотдела искусств, отправили в Москву, в консерваторию, «дабы в будущем он имел возможность проявить себя на концертной эстраде, в оперном театре». И более чем сбылись надежды товарищей из Тверского подотдела искусств, лишившихся запевалы, — Лемешев блистательно проявил себя на сцене.

Сначала же была у него Московская консерватория, а потом, в 1925 году, оперная студия.

Из воспоминаний С. Я. Лемешева:

«Как сейчас помню, в зале с колоннами в Леонтьевском переулке царила торжественная тишина. Мы же собрались в соседней комнате, откуда выходили прямо к роялю. Наступила и моя очередь. Я вышел, поклонился и прямо перед собой увидел белую голову Станиславского, смотревшего на меня строгим, проницательным и вместе с тем доброжелательным, подбадривающим взглядом. Я прислонился к белой мраморной колонне и приготовился петь романс Вертера».

Станиславский поставил Лемешеву высшую оценку: 5, хотя теноров не особенно жаловал, уверяя, что все партии они поют на один манер. Поэтому, работая с Лемешевым над романсами Чайковского и Кюи, Станиславский требовал от певца умения передавать самые тончайшие оттенки настроения, разнообразие интонаций.

Много позже, может быть, вспомнив уроки своего великого учителя, Лемешев исполнит концертный цикл, включающий почти все романсы Чайковского... А в оперной студии Лемешев прошел хорошую школу сценического мастерства, понял неразрывную связь выразительного пения со сценической выразительностью образа. Здесь же началась работа над образом Ленского. Сначала был ввод — вместо заболевшего исполнителя. Только потом эта роль станет одной из самых лучших в репертуаре Лемешева.

Годы работы в периферийных оперных театрах страны положили начало созданию своего, лемешевского, репертуара. А затем прославленная сцена Большого театра, на которую выходил юноша эпохи Возрождения, пылкий и нежный, отважный и романтичный, в мягкой коричневой шапочке с пером, так идущей открытому лицу Ромео; очаровательный и беспутный герцог Мантуанский; захваченный чистой любовью Альфред из «Травиаты»; страдающий Вертер; изящный граф Альмавива; юношески трогательный, доверчивый, чистый, совсем «пушкинский» Ленский; смешной Афанасий Иванович из «Сорочинской ярмарки»; благородный царь Берендей. И еще «разные, разные лица» оперных героев создал Сергей Яковлевич Лемешев.

И все они принадлежат истории советского оперного театра. Они стали его славой и гордостью.

Владислав ПЬЯВКО,
народный артист РСФСР

пытки выйти к нефтяным районам Грозного и к Орджоникидзе. 2 ноября противник бросил в бой до ста танков и, прорвав внешний обвод укрепленного района, передовыми частями вышел к пригороду Орджоникидзе. К исходу дня он захватил Гизель. У стен города защитники Кавказа стояли насмерть. Для всех воинов примером беззаветной преданности Родине служили коммунисты.

В Москве в Музее пограничных войск хранится клочок обгоревших обоев с еле заметными буквами — протокол общего партийного собрания заставы № 12 от 4 ноября 1942 года.

Этот протокол был написан в одном из дотов на подступах к Орджоникидзе. В доте находились четыре красноармейца: коммунисты Георгий Михеев, Павел Куприянов, комсомолец Иван Величко и беспартийный Федор Алтунин.

Более четырех суток отважные воины отражали яростные атаки врага. Во время короткой передышки сержант Алтунин обратился к коммунистам с просьбой принять его в партию.

Состоялось необычное партийное собрание. Для ведения протокола нашелся огрызок карандаша и клочок обгоревших обоев... Враг не смог сломить сопротивление отважной четверки. Подразделения 26-го пограничного полка, отразив натиск гитлеровцев, освободили храбрецов. Вокруг дота было обнаружено сорок два трупа фашистских солдат. Алтунин, Куприянов, Михеев и посмертно Величко были награждены орденами Ленина. Коммунисты части утвердили протокол партийного собрания, проведенного во время боя.

Враг продолжал рваться к Орджоникидзе. Но усилиями воинов Красной Армии и отрядов народного ополчения фашистские войска были остановлены. Группировка вражеских войск под Орджоникидзе оказалась в мешке.

У стен столицы Северной Осетии ее отважные защитники совершили немало бессмертных подвигов. Комсомолец Петр Барбашев своим телом закрыл амбразуру вражеского дота. За этот подвиг ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Особенно отличились братья Иван и Дмитрий Остапенко. В одном из боев Дмитрий подбил тринадцать танков, а Иван — семь. Дмитрий Остапенко был удостоен звания Героя Советского Союза, а Иван награжден орденом Ленина.

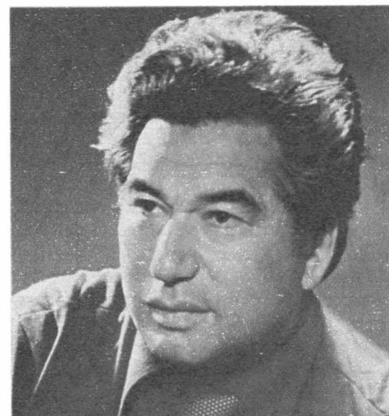
Гитлеровцы не смогли проникнуть через Суарское ущелье и оказать помощь своей группировке, окруженной в Гизели. Первым ворвался в Гизель рядовой гвардейской стрелковой бригады Я. Шапошников. В единоборстве с шестью танками врага он подбил два из них, а затем заменил выбывшего из строя командира роты и умело руководил боем. За этот подвиг Я. Шапошников был удостоен звания Героя Советского Союза. Утром 11 ноября войска 9-й армии овладели Гизелью. В этих боях враг потерял свыше 5 тысяч солдат и офицеров. Наши войска захватили 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, 2350 автомашин, 183 мотоцикла и много другой боевой техники.

В итоге пятимесячных оборонительных боев войска Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом остановили врага и нанесли ему серьезный урон. В ходе летнего и осеннего наступлений на Кавказе войска группы армий «А» потеряли более ста тысяч человек.

Не оправдались расчеты фашистов на распри между народами Кавказа. Сыны и дочери Закавказья и Северного Кавказа сражались мужественно бок о бок с представителями других братских народов нашей страны. А те, кто остался в тылу, всеми силами помогали защитникам Родины. Страна с каждым днем все в большем количестве получала из Закавказья эшелоны с высококачественным бензином, марганцем, медью, каучуком, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. В закавказских республиках были созданы учебные центры по подготовке снайперов, минометчиков, связистов. Добровольцы из закавказских республик вступали в специальные горно-высотные отряды для подвоза всего необходимого в труднодоступные высокогорные районы. Такое кровное единство тыла и фронта, невиданный патриотизм советских людей разных национальностей поднимали моральный дух воинов, вселяли уверенность в победе над врагом, повышали стойкость и боеспособность наших войск.

Оборона Кавказа имела важное стратегическое значение. В ходе ее советские войска сковали крупные силы врага, измотали их и создали предпосылки к последующему наступлению.

ДЕЛИТЬСЯ ПРЕКРАСНЫМ

Чингиз Айтматов

Начало см. на стр. 1.

бражения реальной действительности, как закономерного единства истории, настоящего и будущего, диалектики души самого человека, труженика, одержимого жаждой обновления жизни, и поэта, устремляющего наш дух к звездам, дабы человечество могло увидеть себя со стороны.

Многонациональная советская художественная культура, вобравшая в себя лучшие достижения больших и малых народов,— факт беспрецедентный. Для многих национальностей путь в мир современного искусства пролегал через трудные переходы от устно-фольклорных форм, от патриархально-эпических сказаний к социально-психологическому исследованию характера человека в новых исторических условиях.

Лучшие наши национальные произведения, как правило, несут в себе большие общечеловеческие идеалы, проблемы, осмысленные с точки зрения опыта советского человека, с точки зрения наших взглядов на социальную борьбу, на историю и современность, на личность и общество. Национальное выступает в них в неразрывной связи с интернациональным, с социальными концепциями своего времени, общечеловеческое, интернациональное начало облечено здесь в яркую, самобытную национальную форму.

Есть ли высшая радость для каждого человека, для каждого народа, чем делиться с другим человеком, с другим народом самым прекрасным, чем он владеет?

Искусство, по словам Толстого, призвано объединять людей. То, что мы с полным правом о том или ином художнике другого народа говорим н а ш, — это ли не убедительнейшее подтверждение факта нашего нерасторжимого духовного единства и братства?

Гордиться историей и творчеством своего народа свойственно каждому человеку. Какой бы невосполнимой утратой для общечеловеческой культуры было забвение многих и многих выдающихся поэтов разных эпох и народов! С какой скорбью, пронизывающей годы, звучит для нас жалоба великого грузинского поэта Давида Гурамишвили, назвавшего свою книгу сиротой. Могло случиться и так, что не смогли бы мы сегодня с благодарностью и восхищением внимать голосу талантливейшего импровизатора, непревзойденного певца киргизской земли Токтогула. Сколько великих имен вернула из забвения, сохранила и возвеличила Советская власть!

Трудно представить, какую зияющую пустоту в душе ощущали бы мы, киргизы, если бы лишились «Манаса». «Манас» — эпос-океан. По объему он превосходит все известные в мире эпосы. По широте охвата жизненных явлений занимает одно из выдающихся мест среди мировой эпики. Самую большую гордость я испытываю, что ныне «Манас» стал достоянием культуры всех советских народов.

Нет, пожалуй, такого народа, судьба которого складывалась бы благополучно и счастливо, история которого не была бы летописью бед и страданий. Такой была, в частности, и судьба тюркских народов (казахов, узбеков, киргизов, уйгуров, туркменов и др.), которые еще в V—VIII веках достигли значительных высот в организации общественной жизни и в культурном развитии. Достаточно сказать, что одна из древнейших письменностей на территории Советского Союза — это руническая письменность тюркских народов. Я имею в виду так называемые Орхоно-Енисейские надписи, в частности тексты «Кюль-Тегина» и другие памятники раннетюркской письменной культуры.

И тем не менее потомкам именно этих народов выпала суровая, многострадальная доля. Из поколения в поколение им приходилось отстаивать свою национальную независимость, снова и снова решая вопрос «быть или не быть». И так продолжалось вплоть до XX века. Величие революции, очистительной грозой прошедшей по шестой части света, в том и состоит, что этот многовековой вопрос был решен положительно — «быть».

Музей колхоза «Красная звезда» Ленинпольского района Таласской области.

Перечитывая старые книги и слушая воспоминания людей, знавших прежнюю Среднюю Азию, оглядываясь на прошлую историю и всматриваясь в нынешнюю, с волнением думаешь о том, что, пожалуй, одно из самых поразительных чудес XX века — это взлет народов Туркестана от мрачных руин феодализма к могучим новостройкам социалистического общества. Этот взлет, как яркая, многоцветная радуга, перекинувшаяся над Востоком, ныне свидетельствует о прогрессе, достигнутом Средней Азией в составе СССР.

Интернационализм есть прежде всего взаимопомощь, взаимодействие на основе идейного единства, мировоззрения, которое Николай Тихонов назвал внутренним солнцем поэта. Наше «внутреннее солнце» — чувство, скрепленное общностью исторической судьбы, духом братства. Вот почему более развитая культура берет на себя обязанность помогать другой культуре.

Один из примеров такой практической, ясной, точной помощи — развитие киргизской кинематографии.

Другой пример — научная помощь. Это история издания древнетюркского словаря. Без преувеличения можно сказать, что это настоящий подвиг русских тюркологов. Русским ученым потребовалось ровно сто лет, чтобы собрать и расшифровать древние письмена. В словарь входит более 20 тысяч слов и фраз в переводе на русский язык. Русские ученые вернули нам утраченный язык предков. Это глубоко интернациональный акт. Возвращенное наше богатство. Переводы буддийских текстов, манихейских, христианских книг, переводы на древнеуйгурский язык с китайских и персидских источников. Много зороастрийских текстов, поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», словарь Махмуда Кашгарского XI века. Вот это для меня пример интернационализма! Где мы еще такой пример найдем?

И как закономерный результат столь бурного, небывалого, почти фантастического восхождения национальной культуры — вышедший ныне последний том КСЭ (Киргизской Советской Энциклопедии). Работа, длившаяся с 1968 года, завершена. Задачи издания, которые были четко определены и сформулированы — «осветить историю и современные достижения в области экономического и социального развития с позиций марксистско-ленинской теории; пропагандировать достижения по всем отраслям знаний, стать сводным справочником по странам мира, их истории и современного экономического и культурного положения»,— выполнены на высоком научном уровне.

Как известно, создание энциклопедии было под силу лишь народам, имеющим собственную письменную традицию, развитую науку и подготовленных специалистов. Но даже при наличии всех этих факторов не все народы могли осуществить столь грандиозную задачу. В нашей стране это стало возможным благодаря равноправию всех наций и народов, расцвету содружества и братской взаимопомощи.

«Книга — источник знаний»! — формула, примелькавшаяся и, может быть, раздражающая по этой причине, **вдруг** оживает, обретает свой изначальный смысл, когда с трепетом и удивлением смотришь на тома КСЭ: неужели то, что перед тобой в зримом, осязаемом воплощении,— реальность? В этих книгах — живая история, судьба моего народа. Они — в известном смысле — залог бессмертия, ибо будущие поколения, не сомневаюсь, будут искать и находить в лаконичных, строгих статьях КСЭ не просто справочный «материал», но ощущать в них «душу» людей, жаждущих осмыслить весь мир в целом и себя в этом мире. Ведь **увлекательность** чтения зависит не только от умения автора строить, скажем, детективный сюжет. Самое интересное — реальная, конкретная жизнь. Цифры статистики могут потрясать не меньше, чем та или иная драма. А если «история науки — драма идей», то что же иное — история человечества, история цивилизации, включающая в себя на равных и науку и искусство?

Главная, всепроникающая и всеобъемлющая идея КСЭ, которую непременно почувствует и переживет читатель,— это, я уверен, идея социальная и нравственно-философская. Идея возрождения человека, жаждущего осмыслить судьбу человечества и свою личную во времени и пространстве. Эта идея, хочу подчеркнуть особо, ясно просматривается не только, скажем, в статьях о философии. Она дух и суть всего издания. Она в основе общего замысла. Читая с этой точки КСЭ, мы не только пассивно «приобщаемся» к знаниям, черпаем какие-то необходимые нам сведения (это само собой), но — и это принципиально важно! — осознаем себя активными творцами жизни, причастными к деяниям народа, человечества на великом поприще созидания нового мира.

Это строгий урок и для нас, писателей, призванных создать художественную летопись современности, показать лицо сегодняшнего человека. В чем он? В том, по-моему, прежде всего, чтобы перед взором читателя возникала цельная картина мира, образ жизни-бытия. Разумеется, у художника слова свои средства. Но цель едина. Вот я и думаю, насколько насущной становится проблема издания библиотеки киргизского романа, повести или, наконец, рассказа, которая могла бы дать энциклопедию духовной жизни народа. Кое-что в этом направлении делается, но все ли и с той ли страстью, какую я чувствую у создателей КСЭ?

«Я горжусь, что я не только сын казаха, но сын человека».

Мне кажется, эти слова Мухтар Ауэзов произнес перед лицом восходящего солнца.

Было вечное солнце и бескрайняя, как океан, степь.

Но не было того, что возникло потом, что «дыбилось» и «строилось» в течение «прекрасных и яростных» шестидесяти лет,— прекрасной земли, преображенной трудом советского народа, любуясь которой человек видит в ней себя, свое настоящее, будущее.

Киргизия — страна гор. Но прежде с самой высокой вершины человек мог увидеть только окружающую природу. Сегодня он видит весь мир, ибо вершина, с которой он смотрит,— вершина духа и мужества советского народа, указывающего путь всему человечеству.

СТИХИ

Аалы ТОКОМБАЕВ

В НАШИХ ГОРАХ

Грозными, белыми барсами в ряд
наши вершины спокойно лежат.
Здесь в колыбелях арчовые ветки.
Здесь мои корни.
Здесь мои предки.
Здесь родники носят водную
пыль.
Здесь бархатистый, по пояс,
ковыль.
Пчелы, как желтые капли звезды,
целыми днями
целуют
цветы...
Овцы на пастбищах
издалека
напоминают чуть-чуть облака...
С горных отрогов, где синий
навес,
смотришь на землю, как будто
с небес.
Ведь на высотах,
подобных мечте,
и настроение на высоте!
Солнцу не жалко луча золотого,
чтобы сверкали снега Ала-Тоо.
Милые сердцу родные края,
вера,
надежда,
Отчизна моя!

РОДНАЯ РЕЧЬ

Речь родная, ты в меня впиталась
вместе с материнским молоком.
Все, что узнавал из книг я,—
малость.
Ты была священным родником.
Ты смешалась с нашей кровью
древней
и на все лады звучишь в душе.
Слышу тебя в шелесте деревьев,
в травах,
тростнике
и камыше...
Если ты исчезнешь —
я исчезну,
высохнет великих слов родник.
Мудрости в тебе таится бездна.
Я хочу, чтоб сын к тебе приник.
Он — моих и дел и слов
наследник...
Речь родная,
пульсом ты стучишь.
Даже перед сном моим
последним
пусть прошепчут губы:
«Жакшимыш...» [1].

Перевел В. ШЛЁНСКИЙ.

Темиркул УМЕТАЛИЕВ

ЧИНАРА

Чинара в пустыне средь мертвого
зноя —
Спасенье от смерти и посох
в руках,
Могущество доброе и вековое,
Воспетое в наших восточных
стихах.
Чинара Советов! Ты встала
в пустыне,
Корнями могучими в землю
вросла,
В тени твоей доброй мы ожили
ныне,
Дары золотые нам жизнь
принесла.
Лети же, крылатое сердце поэта,
Вперед молодые крыла устреми!..
Певцом твоим стал я, чинара
Советов,
Мою благодарную песню прими.

Перевела С. СОМОВА.

[1] Жакшимыш — спасибо, хорошо себя чувствую...

Суюнбай ЭРАЛИЕВ

ПО ДОРОГЕ

Вот идут старики с сенокоса.
На сегодня закончен их труд.
Ищут истину в вечных вопросах —
по привычке беседу ведут.
Словно в молодости, о многих
неотложных делах говорят...
И степенно по древней дороге
рядом ослики их семенят.
На коней старики не садятся —
ведь коням нужен строгий уход.
Ну, а осликам,
если признаться,
и не надо великих забот...
Старцы многое нынче успели —
молодым уступать не хотят.
До сих пор фронтовые шинели,
как великую ценность, хранят.
В них они прошагали полсвета
и с победой вернулись домой.
Не жалели себя для победы
в той народной войне мировой.
Память строгую мудро листая,
все подробности в ней берегут.
Словно старость свою почитая,
неторопко
по тропкам идут.
Их седины теперь отражают
седину наших праведных гор.
Старики с сенокоса шагают.
Пусть не кончится их разговор.

Перевел В. ШЛЁНСКИЙ

Сооронбай ДЖУСУЕВ

МОСКВЕ

Ты мне крылья дала для паренья,
Чтоб увидел я мир с высоты.
Ты — исток моего вдохновенья.
Ясный свет озарения — ты!

КИРГИЗСКИХ ПОЭТОВ

Я дышал твоим воздухом вечным,
Хлеб вкушал твой, отведал питье,
И сейчас вот я словом сердечным
Воздаю за доверье твое!

В ПОДМОСКОВЬЕ

Вот здесь, где мы сидим
и говорим,
Жестокое сраженье шло когда-то.
Солдат-киргиз был ранен, рядом
с ним
В бою убило русского солдата.

Смешалась кровь их, впитана
землей...
Нет, не бессмертными герои были,
Но все ж стояли насмерть
под Москвой —
Они Москву сердцами заслонили.

МОЙ БЕРКУТ

Мой беркут, взмах широких
крыл —
И ты свободно воспарил
Над белой облачной грядою,
Прозрачен воздух высоты,
Крутые горные хребты
Сверкают глыбой ледяною.

Мой беркут, весь земной простор
В себя вобрал твой острый взор.
Вычерчиваешь круг за кругом.
И грозным клекотом в горах
Ты на врагов наводишь страх,
Такой, что волк бежит с испугом.

Слежу я взглядом за тобой,
Когда ты в выси голубой
Пáришь, усталости не зная.
И становлюсь сильнее сам —
Я сам взмываю к небесам,
Как будто крылья обретая.

Ты — гордость наших древних гор,
Ты — вечной юности задор,
Ты вдохновеньем наполняешь.
Не ты ли взлет моих стихов
Превыше белых облаков
Мечтой крылатой устремляешь!

Перевел **А. КАФАНОВ.**

Тенти
АДЫШЕВА

ИССЫК-КУЛЮ

С тобой делила я свои печали,
Мы радовались вместе и скучали,
Делились мы раздумьями с тобой,
С тобою мы шептались и молчали.
На зеркало сиреневого плеса
В разлуке с милым я роняла
слезы,
Тебе, седому от минувших бурь,
Я задавала детские вопросы.
В твоих штормах, порывах
и теченьях
Мне виделось мое
предназначенье.
Я вслушивалась в музыку твою
На утренней заре и на вечерней.
Я думала, что гостьей именитой
Приду к тебе, в разлуке
не забытой...
Ты камни точишь. Легкие следы
Той девочки давно тобою смыты.

Перевел **Ю. ГОРДИЕНКО.**

Билим
КАРАГУЛОВ

Из поэмы «Черная Африка»

Поэт Анголы, Агостиньо Нето,
Ты был рожден, чтоб звать народ
и петь,
И силой убежденья поэта
Будить сердца: «Победа или
смерть!»
Ты пел — и понимали эти строки
Все те, кому ты их предназначал...
То были революции истоки,
Начало всех ее больших начал.
Брели века,
И слезы лились долго
Над черною израненной землей.
И лучшие сыны твои, Ангола,
До срока расставалися с тобой...
Ангола — чернокожая бунтарка —
Над Африкой проснувшейся
встает,
В руках ее — свободы факел
жаркий,
Теперь тамтам на новый лад
поет!
И хоть еще не улеглись атаки —
Наемники оружием бренчат,—
Но Африке не быть уже во мраке,
Под грязною пятою палача.
Век белых хищников
Уже низложен.
И небосвод светлей
Встает над ней...
Больное сердце всей земли моей,
Стучи, тамтам!
О, как твой стук тревожен!

Перевели **С. ТОКОМБАЕВА
и У. ТОКОМБАЕВ.**

Муса
ДЖАНГАЗИЕВ

АКСАКАЛАМ

Старцы почтенные,
я вам желаю всегда
песни весенней
и радости полную чашу!
Молодость в вашей душе
не опалили года.
Пусть на пути
помогает вам молодость ваша!
Вы эту светлую жизнь
отстояли для нас,
не обделили потомков
душевным богатством.
Помним мы ваш
самый важный
и светлый наказ —
Родину свято хранить
и беречь наше братство!
Времени бег скоротечен.
Пусть мчатся года...
Мудр и прекрасен пример
и труда
и бесстрашия старших.
Низкий сыновний поклон вам
приносим всегда —
молоды в нас вы,
отцы легендарные наши!

Барктабас
АБАКИРОВ

ЗЕМЛЯ

Мы на Земле счастливые живем.
Обнимет нас Земля, когда умрем...
Заботится о нас планета вечно.
Все беды на себя берет сполна.
Все, что необходимо, даст она,
кружась вокруг оси
в пространстве млечном...

Но отдых нужен иногда и ей.
Об этом помнит труженик полей
и каждый день поит ее водою.
Чтоб щедрым был грядущий
урожай,
закон Земли ты свято уважай —
она за все расплатится с тобою...

Мы на Земле счастливые живем.
И хлеб, что нам она дает, жуем.
Земля сердца нам наполняет
светом.
Она несет нас на своей спине,
Цветами нас встречает по весне...
Прекрасна наша вечная планета.

Туменбай
БАЙЗАКОВ

ВКУС ОСЕНИ

В поле осень — пора отсчета.
Днем и ночью кипит работа.
Осень к людям всегда щедра.
И дары украшают скатерть.
Время дальше и дальше катит.
Изобилья пришла пора.

Это время душой приемлю.
Плод со стуком упал на землю —
подбери меня,
наклонись...
Всем сегодня отведать надо
гроздья грузные винограда.
Стебли щедрые стелит рис...

Ярче светят над нами звезды.
Люди кажутся выше ростом.
Как прекрасен мир, ты взгляни!
И летят по шоссе машины,
и белеют на них вершины —
это хлопок везут они...

Я судьбе своей благодарен —
этой жизни свет мне подарен
в пору осени и щедрот.
Зоревым румянцем объяты
груши, яблоки
и гранаты —
так отведай осенний плод.

Кармышак
ТАШБАЕВ

ИССЫК-КУЛЬ

Ветры с ближних гор подули,
разгоняя облака.
Я спросил об Иссык-Куле
у седого старика.
Мне старик ответил ясно:
«То не озеро,
мой друг,
то упал янтарь прекрасный
у красавицы из рук...»
Я решил проверить слухи.
Я опять спросить рискнул
у морщинистой старухи,
что такое Иссык-Куль.
Оглядев родные горы,
мне ответила она:
«Это плещут слезы горя,
что оставила война...»
Я к ученому,
чтоб снова
точный получить ответ,
важное услышать слово —
сколько Иссык-Кулю лет?
Он сказал:
«Никто былого
точно знать не может,
нет...
Ты спроси у Ала-Тоо,
сколько Иссык-Кулю лет...»
Звезды в озере тонули
и тянули что есть сил...
«Что таится в Иссык-Куле?» —
я колхозника спросил.
Подперев ладонью скулы,
он сказал:
«Богатств не счесть,
что таятся в Иссык-Куле...
Все в нем
для здоровья есть!»
Тянется дороги лента
и тропинки тонкой нить.
У знакомого студента
я теперь решил спросить.
И ответ его был точен.
Он ответил без труда:
«На глаза любимой очень
Иссык-Куль похож всегда...»

Перевел **В. ШЛЁНСКИЙ.**

ВЗЛЕТ ОРЛИНЫЙ

Ю. ЛУШИН,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Я ехал на джайлоо Мамбета. Ехал вдоль шумливой речки Сут-су — Молочной. Воды ее были чисты и холодны, как далекие снега гор, как молоко, только что вынутое из погреба. Красные выветренные скалы, похожие на огромных окаменевших быков, сторожили путь. Белесая трава — чий, из которой киргизы плетут стены юрт, покрывала склоны, перемежаясь с тоо-куйрук — верблюжьей колючкой. Красота гор начинала завораживать меня. Мы ехали все вверх и вверх. Ведь в горах легенды рождаются почти что сами собой. Наконец я спросил спутников:

— Чем знаменит этот Мамбет, на джайлоо которого мы едем?

— Он не знает Мамбета?!— то ли спросил, то ли удивился один из них, обращаясь одновременно ко мне, к шоферу, ко всему окружающему.

— Он не знает Мамбета,— подтвердил явно огорченно второй, и, не сговариваясь, оба воскликнули: — Поворачивай, дорогой, обратно, поворачивай поскорее!

И шофер повернул, и машина козлом запрыгала вниз, обратно, к селу Оргочор, и Сут-су возмущенно шумела: «Он не знает Мамбета».

Мы подъехали к сельскому клубу и вошли в зрительный зал. Там было пусто и темно, но мы уселись в кресла. Ждать пришлось недолго. Засветился экран, и я с изумлением увидел дорогу, по которой только что ехал, и речку, и горы, а на экране возник симпатичный усатый старик в традиционном киргизском колпаке.

— Это Мамбет!— воскликнули мои спутники.

— Это Мамбет Тынаев,— отозвался эхом голос экранного диктора,— Мамбет Тынаев, который первым среди животноводов Киргизии стал лауреатом Государственной премии республики, глава знаменитой династии овцеводов Тынаевых, соавтор по выведению тонкорунных овец киргизской породы...

Я понимаю, что кино, даже документальное,— это не сама жизнь, но все-таки ее зеркало. И в нем я увидел отражение трудной и счастливой судьбы Тынаевых. Свистела на перевале вьюга, хотя внизу было лето. Овцы беспомощно тыкались в разные стороны, скользя по камням, переходили вслед за чабанами вброд реки, карабкались по скалам. Одна из них, попав в расселину, сломала переднюю ногу. Джамаке, старший сын Мамбета, умело наложил на ногу шину, туго перевязал бинтом и повез овечку на лошади. Нежданно став наездницей, она скоро поняла выгоды нового способа передвижения и затихла... Отары поднимались все выше. Там, за перевалом, на сыртах — высокогорных пастбищах — их ждала трава, вкуснее которой не было ничего на свете. Осенью они той же дорогой снова спустятся вниз. И снова их будут подстерегать непогода и волчьи стаи. Потом наступит расплодная кампания — бессонные чабанские ночи, отбивка ягнят, стрижка и купанье овец в специальном дезинфицирующем растворе, потом новый поход в горы. Круг замкнется. И так каждый год, и так всю жизнь...

— Не надоедает одно и то же?— как-то спросили Мамбета.

— Разве солнцу надоедают восходы и закаты? — ответил мудрый старик. Вот с чем он сравнивал свою чабанскую профессию, свою судьбу. Наверное, и детям своим не раз он говорил то же самое, а больше, конечно, являл примером собственной своей жизни.

Дверь в кинозал оставалась открытой. Время от времени в нее заглядывали люди, а заглянув, обязательно заходили и тоже смотрели на экран. Это все были земляки Тынаевых, знали их близко, видели этот фильм, может быть, не один раз, но смотреть снова им скучно не было. Ведь в конце концов он и о них самих, этот фильм, об их совхозе, которому в этом году исполняется пятьдесят лет, об его успехах. Шутка ли — совхоз «Оргочор» выращивает 40 тысяч племенных тонкорунных овец, регулярно перевыполняя все планы. Их отары рассеяны по всем окрестным горам, а слава чабанов известна далеко от берегов Иссык-Куля...

— Хош, хош, хош,— подгоняли овец гортанными криками пастухи. Я вглядывался в их лица, будто отлитые из темной меди. Вот Джаксалык, Токтогул — сыны Мамбета... Чабаном стала и Алмагуль, одна из его дочерей, а самого старого Мамбета уже не было в живых. Но не меркла слава династии Тынаевых, эстафету подхватили сыновья. Вот Джамаке, депутат Верховного Совета республики, вручает символический посох молодому чабану. Вот Джапар на защите своей кандидатской диссертации — теперь он директор совхоза. Директором стал и Совет, а Урузбек — главным зоотехником, Сапарбек — партийным работником...

Мы вышли из клуба. Солнце, поднявшись на высшую точку небесного свода, готовилось покатиться вниз. Люди, сидевшие со мной в зале, о чем-то горячо спорили теперь по-киргизски. Потом все смолкли, и ко мне обратился седобородый аксакал:

— Тебе, сынок, надо ехать к Джамаке. Его отара сейчас у моря, и вместе с ней ты поднимешься на джайлоо. Надо хотя бы раз измерить чабанский путь собственными ногами, чтобы кое-что понять.

Я ехал к синему Иссык-Кулю — киргизскому морю. Дымка застилала противоположный берег, горьковатый аромат полыни кружил голову. У стригального пункта — этой овечьей парикмахерской — овцы выстроились в очередь, ну точь-в-точь как красавицы к модному мастеру. Разница была только в том, что овцы шли сюда поневоле. Лишившись шубы, они смущенно и растерянно жались по углам, стесняясь своей наготы. Я долго наблюдал, как красиво работает один из лучших совхозных стригалей, Байяман Молдоев,— довольно бесцеремонно он усаживал овцу на задние ноги и начинал стрижку. Длинное густое руно падало на пол, ровно жужжала электрическая машинка, и через полторы-две минуты все было кончено.

— Ей зеркало не требуется?— пошутил я.

— Так ведь не успеет посмотреться,— отшутился Молдоев.

— И сколько от одной получается шерсти?

— В среднем по совхозу больше пяти килограммов, но есть и рекордсмены. Джамаке, например...

Джамаке Тынаев готовился к перегону на джайлоо отца. Почти сорок лет пасет он там овец. Начинал еще мальчишкой...

— Да, было это в сорок шестом, вскоре после окончания войны,— рассказывал он.— Собрал отец всех нас и говорит: «Спасибо, сыны, за помощь. Трудное время пережили мы, теперь будет полегче. Поэтому тот, кто хочет учиться, пусть учится. Наша профессия сложна, больших знаний требует». И тогда я сказал: «Отец, разреши мне работать рядом с тобой и мамой, для меня это лучшая наука». Он спрятал улыбку в усах, но я видел, что ему по сердцу моя просьба. А через год я уже гонял отару самостоятельно... Теперь у меня самого семеро детей, и я начал понимать, как нелегко было отцу с нами. Да, отец... Я считаю, что не было ему равных среди чабанов. Он первым вступил в колхоз. Тогда для этого требовалось мужество,— басмачи такого не прощали. В те времена от ста овцематок он получал по сто двенадцать ягнят, тогда как нигде не получали даже сто от ста. Потом эти показатели неуклонно росли. Сейчас в нашем совхозе есть приз имени Мамбета Тынаева, который вручается чабану, получившему не менее ста шестидесяти ягнят... Да, отец... В те времена у нас не было еще ни одной кошары, расплод шел в юрте, а мы сами жили в землянке. Лучшее, теплое место овцам. Тут отец был непреклонен. Таких людей, как он, называют солью земли. На них мир держится.

Я слушал Джамаке и думал о том, что и он сам и его братья — тоже соль земли. В прошлой пятилетке Джамаке получил в среднем от 100 овцематок по 167 ягнят и по 5,8 килограмма шерсти с овцы. Правительство оценило его достижения, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Вероятно, мне так и не понять до конца, какой жар души и сколько чисто физических сил нужно вложить в этот труд. Я могу только догадываться об этом, потому что в то же самое время иные чабаны получали лишь по 120 ягнят, а шерсти чуть больше четырех килограммов. Тут очень кстати вспомнились слова стригаля о нынешнем рекорде Тынаева, и я спросил:

— Хороший нынче настриг?

— По шесть килограммов,— коротко ответил Джамаке.

— Немного больше, чем в прошлой пятилетке,— заметил я.

— Да, совсем немного,— со снисходительной улыбкой согласился он и добавил: — Кстати, на хороший костюм требуется триста граммов шерсти...

Значит в двадцать костюмов одета каждая овечка Джамаке. А их у него свыше пятисот. У другого чабана овцы имеют на два, три костюма меньше.

Киргизия традиционно сильна овцеводством. Это главный ее вклад в Продовольственную программу страны. По численности овец и объему продукции овцеводства республика занимает третье место в СССР, а в расчете на единицу земельных угодий — первое. По прогнозам к 1990 году поголовье овец достигнет здесь 12 миллионов, а в перспективе возрастет до пятнадцати... Я рассказываю о династии овцеводов Тынаевых и жалею, что не могу подробно рассказать о десятках, о сотнях других. Например, о старшем чабане совхоза имени Бокомбаева — это в Таласской области — Карачале Асамбаеве, депутате Верховного Совета СССР, награжденном, несмотря на молодость, двумя орденами Ленина. И отец его и дед отдали жизнь тому же делу. В прошлом году Карачал установил рекорд, который трудно превзойти. Он получил по 190 ягнят от ста овцематок и по 6,2 килограмма шерсти от овцы. Выдающийся результат. Теперь в области создана школа Карачала Асанбаева, так же, как на Иссык-Куле, существует школа Тынаевых. С одной из учениц Карачала я познакомился на берегу чистой горной реки Итагар. Анарбю Джумалиева лишь в прошлом году окончила десятилетку и решила быть чабаном. Асанбаев стал ее наставником, и о лучшем учителе она не мечтала. Правда, успехи ее пока не столь значительны, но все же получить по 150 ягнят от сотни маток тоже дано не каждому, даже опытному чабану.

...Джамаке Тынаев гнал отару в горы, на сырты, гнал хорошо знакомой дорогой отца. По обычаю остановился у его могилы, снял шапку. Усатый старик смотрел прямо на него каменным своим ликом, словно спрашивал о чем-то. Джамаке знал — о чем. «Все в порядке, отец,— шептали его губы,— внуки твои растут и тебя помнят, овцы живы-здоровы, ягнята все до одного целы и веселы. Все в поряд-

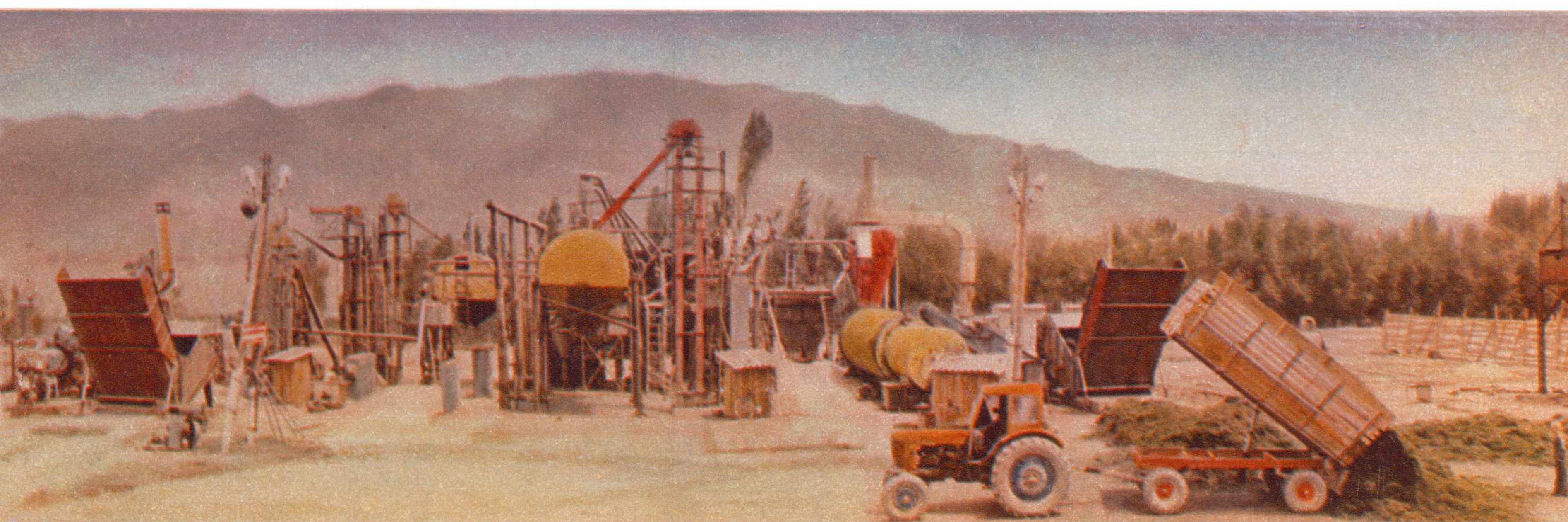

Знатный бригадир бетонщиков Толон Усубалиев работает на строительстве Курпсайской ГЭС.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Старший чабан совхоза имени Боконбаева, Токтогульского района, Анарбю Джумалиева * Урочище Итагар — высокогорное пастбище * Кормозавод колхоза «Красная звезда» Ленинпольского района — один из многих, созданных в республике.

ке...» Отара уходила в горы. Привычно шумела Сут-су, вспоившая, наверное, миллионы овец. Солнце катилось от горизонта к горизонту, и не было прекрасней этой вечной его игры с Землей.

У СКАЛ НАРЫНА

Он знал Нарын с детства. Любовался чистотой и прохладой его струй, восхищался мощью его потока во время паводков, когда Нарын играючи ворочал глыбинами скал, сносил мосты, силой своей бахвалился. Сами горы не стали ему помехой, расступились, дали дорогу, и, ворвавшись в Ферганскую долину, Нарын слился с Карадарьей, став одной из крупнейших рек Средней Азии — Сырдарьей... Нарын снился ему потом, вдалеке от родных гор Киргизии, в промежутках между жесточайшими боями Великой Отечественной. И когда под Орлом тяжелораненого рядового Толона Усубалиева тащили на носилках, он, увидев высоко в небе Семь Архаров, как именуют киргизы созвездие Большой Медведицы, подумал, что оказался на берегах Нарына. То ему мнилось, что он на вершине Манаса и Семь Архаров так близко, только руку протяни — достанешь. То он улыбался в беспамятстве и что-то бормотал по-киргизски, а испуганная санитарка причитала: «Держись, Толик, живой будешь». Он остался жив, снова воевал, добывал победу, одну на всех, за ценой не стоял и вернулся на берега Нарына, чтобы жить. Толон стал шахтером, копал уголек и олово, но ему не хватало днем солнечного луча над головой и мерцания Семи Архаров ночью, потому что в шахтах ночи без звезд, а дни без солнца. Тут и дошла до него странная весть — на Нарыне ГЭС собираются строить.

— Как это?— спрашивал он.

— Реку плотиной загородят, и будет она электричество давать, вращая турбины...

Толон не знал тогда, что такое ГЭС и турбины, но одно его поразило — Нарын собираются запрудить, словно какой-то ручей. Это Нарын-то, который даже мостов над собой не терпел, и, когда требовалось переправлять отары овец на другой берег, то перевозили их паромом, и то не во всякое время. А тут — плотина. Для него это было настолько неправдоподобно, что он отпросился с работы и отправился в Учкурган, где начиналась первая ГЭС Нарынского каскада. Добирался долго. Хорошие дороги только еще строились, и Толон поражался, как много людей появилось в горах: геологи, строители, взрывники, шоферы, механизаторы. И всюду только и разговоров было, что о ГЭС. Время от времени с какого-нибудь высокого утеса он вглядывался в сине-зеленую воду Нарына, брошенного узкой лентой в тесные ущелья. Тогда ему казалось, что река действительно покорится плотине. Но едва он спускался к самой воде, странным образом менявшей вблизи свой цвет, как его оглушал грохот потока, в серебристо-черные струи которого страшно было смотреть — такая в них таилась грозная сила,— и сомнения вновь охватывали его. Кто способен поспорить с этой стихией? Какая сверхсила может ее пересилить? Он и не предполагал тогда, что вскоре сам станет частицей той сверхсилы, что построит Учкурганскую, затем Токтогульскую ГЭС, а потом, в третий раз, перекроет Нарын в Курпсае, что станет одним из лучших бригадиров-бетонщиков, заслуженным строителем республики, что его наградят орденом Ленина...

В створе Учкурганской ГЭС было жарко. Стройка переживала свой начальный этап, когда новичку сложно разобраться, что к чему. Тут прокладывали по краю обрыва дорогу, там подрывали скалу, здесь вязали арматуру: слепили вспышки сварки, на другом берегу пробивали тоннель, и казалось, что все эти действия разрозненны, никак не связаны между собой. Толон стоял оглушенный и растерянный, даже не заметил, как рядом остановилась машина и кто-то весело спросил его:

— Что, джигит, растерялся? Или испугался Нарына?

Герой Социалистического Труда Джамаке Тынаев.

— За вас боюсь,— ответил Толон,— он же все преграды разобьет.

— А ты не бойся. Поспорим, что нашу плотину не разобьет,— азартно предложил незнакомец.

— Ягненка ставлю,— откликнулся Толон и сразу понял, что теперь придется ему остаться на этой неслыханной стройке. Какое-то двойственное чувство овладело им: с одной стороны, он сочувствовал Нарыну и не мог представить его закованным в бетон, с другой — желал теперь... проиграть ягненка. Он хотел посмотреть, что же такое ГЭС, несущая в горы свет. И он остался.

На следующий день Толон Усубалиев впервые в жизни ставил опалубку — своеобразную форму под бетон. Потом он эту форму заполнял, уплотнял смесь глубинным вибратором и немного оробел, когда через несколько дней бригадир скомандовал:

— Давай-ка, Толон, снимай свою опалубку, покажи товар лицом. Но учти, дорогой, бетон сам нам скажет, если ты где-то схалтурил...

Опалубку сняли и обнажилась чистая, без единой раковины бетонная стена. Она оказалась прочна, как скалы, которые соединила теперь между собой на века. И не было для Толона в тот момент картины прекрасней, чем эта самая обычная серая бетонная стена. Он любовался ею, как любуются знатоки живописи талантливым полотном. Вернисаж удался. Бригадир нахваливал Толона:

— Ай да молодец, будет на кого бригаду оставить, когда на пенсию уйду...

Все рассмеялись. Потенциальному пенсионеру было около тридцати, следовательно, ждать оставалось примерно столько же.

Мы сидели с Толоном Усубалиевым на гребне Курпсайской плотины. Краны, казалось, задевали своими стрелами за облака, где-то там наполняя бадьи бетоном и опуская их сюда. Неуклюжий с виду, а на самом деле проворный электромобиль тут же отвозил очередную порцию смеси к небольшому, почти игрушечному бульдозеру, тоже, кстати, электрическому. Тот быстро разравнивал бетонную горку и уступал место электрической виброплатформе. Этот круг забот не кончался ни днем, ни ночью, только сменялись люди, машины же отдыха не знали. Но электрические мускулы их не слабели, потому что внутри ГЭС так же без отдыха нарынская вода падала на лопатки турбин, превращаясь в электричество. Станция работала и одновременно продолжала строиться. Первый агрегат Курпсайской ГЭС пущен недавно — в канун XXVI съезда КПСС, на целый год раньше срока, а сейчас монтируется уже последний, четвертый по счету. Впрочем, это не означает, что дела гидростроителей Нарына кончаются. Напротив, они приобретают новый размах, взлет поистине орлиный. Уже начались работы на Таш-Кумырской ГЭС, которая в текущей пятилетке должна дать ток. Затем наступит очередь среднего Нарына, а весь нарынский каскад составят более двадцати гидростанций, способных ежегодно давать стране 30 миллиардов киловатт-часов электроэнергии...

О перспективах Толон рассказывал с налетом легкой грусти, почти ностальгии по прошлому. Понятно. В этом году ему стукнет шестьдесят — возраст не юноши. Но я смотрел на его тяжелые сильные руки, привыкшие к труду, на крупные черты лица, освещенные как бы изнутри горячим молодым блеском глаз, и что-то не верилось мне, будто он уйдет на пенсию скоро. Я прямо спросил его об этом, он ответил:

— Трудно человеку, когда, вырастая, уходят из семьи в собственную жизнь дети. Еще труднее, когда отец вынужден оставлять их. Гидростанции, которые я строил на Нарыне, для меня все равно, что дети. И покуда хватит у меня сил, я их не оставлю. В общем, мой компас сейчас показывает на Таш-Кумыр — там началось новое строительство...

Мы ехали серпантинами горных дорог. Внизу шумел Нарын, наверху прямо по горам текла другая река — электрическая. Они состязались в скорости. Опоры ЛЭП скакали по вершинам, и, чтобы они не разбредались, их соединили толстыми проводами. По ним стремительно несся ток, ЛЭП несла свет домам и энергию заводам.

Мы ехали плодородными долинами Киргизии, ставшими еще плодороднее благодаря возникшим на Нарыне рукотворным морям. Сотни тысяч гектаров пустовавших прежде земель сделались теперь плантациями кукурузы, табака и свеклы, превратились в тучные нивы и сады. Мы плескались в прозрачных водах Токтогульского моря и угощались на берегу ухой из форели. Мы бродили тенистыми улицами новых нарынских столиц — Токтогула и Кара-Куля, восхищаясь их архитектурой. Мы видели орлиный взлет Киргизии к новым высотам, предела которым нет.

Детский сад колхоза «Красная звезда» посещают 580 ребятишек. «Тихий час» неугомонной Анары Шадочкуловой * На заслуженном отдыхе. Пенсионер совхоза имени Боконбаева восьмидесятилетний Абдыразак Орозбеков * Турумбубу Абдылдаева с женой сына Дарикой продолжают традицию народного киргизского искусства «тус кийз» — изготовления настенных войлочных ковров, украшенных аппликацией (Кок-сай, Кировский район, Таласской области).

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

Недавно вступил я в десятый десяток лет. Оглядывая свой жизненный путь, вижу: светит в нем памятная вершина. Все надежды мои — старого лекальщика питерского орудийного завода, неистребимая вера в светлое будущее — все воплотилось в одном событии: мне посчастливилось штурмовать Зимний дворец в 1917 году.

Среди членов нашей Коммунистической партии есть небольшой по численности отряд. Именуется он — старые большевики. Моя душа наполняется гордостью за принадлежность к этой славной когорте.

Открываю недавно вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» книгу стихов «Солнцу навстречу». Авторы ее и составители — ветераны партии.

Сборник «Солнцу навстречу» — явление примечательное. В нем выступают авторами коммунисты многих поколений: от Маркса и Энгельса до наших современников — старых большевиков. И такие имена, как Сергей Миронович Киров, Михаил Васильевич Фрунзе, Анатолий Васильевич Луначарский, привлекут всеобщее внимание.

Какова же основная, стержневая идея сборника? Отвечу неоднозначно.

Когда мне довелось быть участником штурма в октябре 1917 года, я испытал особое чувство причастности к великому делу Революции. Дух Революции и лежит в основе новой книги.

Авторы стихов говорят о разных, порой полярных вещах: о борьбе на баррикадах и сугубо личных переживаниях, о думах в темнице и широком просторе праздничных площадей, о стройплощадках и нелегком труде журналиста. Но в каждом их слове, чего бы оно ни касалось, присутствует торжество гуманизма.

Смелым вторжением в богатейший духовный мир революционера можно назвать лирику Карла Маркса. Мыслитель гигантских масштабов, мастер логического анализа предстает перед нами со страниц книги как нежнейший лирик. Стихи Карла Маркса, обращенные к Женни Маркс, живо перекликаются с его письмами. Позволю себе привести всего несколько строк:

Женни! Смейся! Ты удивлена:
Почему для всех стихотворений
У меня одно названье
«К Женни»?
Но ведь в мире только ты одна
Для меня источник
вдохновений...

Поэтические произведения Карла Маркса в сборнике задают ноту гуманистическому звучанию всех стихотворений. Знакомясь с ними, читатель видит: беспримерен гуманизм революционеров. Революция не ради революции. Социальный взрыв не ради взрыва, а во имя счастья человека труда. Это о нем, об этом человеческом счастье мечтал в тюремных одиночках Федор Николаевич Петров:

Далеко, далеко —
За тюремной стеной —
Море плещет волной.
Разлилось широко.

За тюремной стеной
Лето в споре с весной,
Солнца блещут лучи,
Прилетели грачи...

Одна из составительниц сборника — Евгения Даниловна Чебанова. О своем поколении она скажет: «В семнадцатом нам было по семнадцать». То были ровесники века и ровесники Октября. И множество ярких событий, которые нужно назвать эпохальными.

В книге есть такие ее строки, обращенные к Мусе Джалилю:

Ты был, Джалиль, тогда со мною
рядом —
Живой, а не закованный
в гранит,
Чернявый паренек с открытым
взглядом,
Ничем не примечательный
на вид.

Прости, что я тебя не разгадала,
Не поняла, что ты — один из
нас —
Броню такого прочного закала
Для испытаний будущих запас.

Недавно в молодежном журнале «Смена» появились нежные лирические стихи. Имя поэтессы мне хорошо знакомо. Это Галина Вадимовна Абуткова. Позволю себе сослаться на слова известного нашего поэта Сергея Сергеевича Наровчатова о новом авторе на нашем поэтическом небосклоне: «Стихи Галины Вадимовны Абутковой проникнуты чувством добра и красоты». К этому нужно добавить, что совсем недавно мы отпраздновали 80-летие Галины Абутковой.

Мне кажется, что дебют нашего автора на страницах молодежной прессы (журнала «Смена» и издательства «Молодая гвардия») интересен и символичен. Неиссякаемая внутренняя энергия, жизнерадостность, вера в человека — все это свидетельствует о духовном богатстве старых большевиков, много переживших людей. В сборнике «Солнцу навстречу» Галина Вадимовна представлена несколькими стихотворениями.

Боевым духом овеяны стихи Н. К. Кузьминой, Р. Б. Сосновской, Л. Е. Карасевой, сражавшейся с белогвардейцами в Приуралье.

К сожалению, с каждым годом тают ряды первопроходцев Революции. Но тем большую ценность приобретает каждое слово, сказанное представителями этого поколения.

Л. Ф. КОНОКОТИН,
член КПСС с апреля 1917 года.

«Солнцу навстречу». М., «Молодая гвардия», 1982, 126 стр.

Стихи

Иван ПЕХТЕРЕВ

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Матушка, мама, Евгения Федоровна,
Плечи расправь и наряды надень.
Видишь, как в небе высоком и ведреном
Светлый июньский рождается день?
Вот он трепещет крылами над хатою,
Кружит над пажитью он, невесом...
Катится солнце с сугора покатого,
Катится вдаль огневым колесом.
Так бы за ним и помчался, как в юности,
Просто без цели, незнамо куда.
Что же стоишь у окна, пригорюнясь ты,
Словно седая ветла у пруда?
Знаю, ты вспомнила бурю над хатою,
Поле, обвитое терном стальным,
Сколько его посносила, проклятого,
С горького полюшка после войны.
Жалили руки колючки те ржавые,
Ноги палили следы от огня,
Но из землицы за песнею жаворонка
К солнцу тянулись твои зеленя.
Щедрое лето пришло, урожайное,
В поле погожее песней маня...
Властвует в небе твой звончатый
жаворонок,
Верный хранитель полдневного дня.

ПАМЯТЬ

Если бы все пули, что во мгле земли,
Совершили чудо — взяли и взошли,
Ржавчиной тогда бы на ветру пыля,
Жестяной травою заросли поля.
Если б все осколки бомб, снарядов, мин
Проросли под солнцем дружно, как один,—
Рощи из металла встали б там и тут,
Где ручьи не плещут, птицы гнезд
не вьют.
Но мертво железо, сеявшее смерть,
Хоть и не успело еще поржаветь.
И порою где-то охнет черный взрыв,
И заплачет эхо гулкое навзрыд.
Отзовутся снова в теле у бойца
Огневые капли старого свинца
И в бои былые память позовут —
Пули и осколки в нас еще живут.

Могилев.

Нина ИЛЬИНА

ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

Каждый час начинается
Тишиною эфира —
Три минуты молчания
Передатчиков мира.
Всей планеты внимание —
Человечьему стону:
Три минуты — спасанию
Тех, кто гибнет и тонет.
Звуки SOS прилетают
Человеческим горем —
Чутко слышны сигналы
Погибающих в море.
И всемирной отдачей
Сквозь гремящую полночь
Застучат передатчики,
Призывая на помощь.
В человеческих чаяньях
Столько дерзкого риска!
Три минуты молчания,
Я вам кланяюсь низко.
Три минуты молчания,
Нарушать — святотатство:
В них величие тайное
Всепланетного братства.
Каждый час начинается
Тишиною эфира —
Три минуты молчания
Передатчиков мира.

Москва.

Платон АФАНАСЬЕВ

РОДОСЛОВНАЯ

Да, я коммунист.
На лице человека отблеск зари,
колосья ржи в руках человека,
мысль человека владеет звездами.
И это я,
моя партия.
Человек собрал слова в песню бури —
это был мой прадед.
Человек объявил о своем бессмертии
на баррикаде — это был мой дед.
Человек повесил в музее клинок —
это был мой отец.
Обладает такой родословной человека
только одна партия —
наша партия!
Человек надкусил спелое яблоко
и был рад.
Человек мыл руки под дождем
и улыбался.
Человек целует глаза любимой и счастлив.
И это я,
моя партия.
Партия,
мои руки для тебя.
Партия,
мое сердце для тебя.
Партия,
мой ум для тебя.
Я — коммунист.

Москва.

Я. Галан. Портрет работы художника С. Грузберга (Львов).

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯРОСЛАВА ГАЛАНА

ПИСАТЕЛЬ-ТРИБУН

Василий **ОСОКИН**

Лучший по красоте вид на Львов открывается с Замковой горы. Здесь когда-то стоял двор князя Даниила Галицкого, назвавшего город в честь своего сына Льва. Разноцветной мозаикой выглядят отсюда здания старинных монастырей, костелов, соборов, военных и гражданских сооружений. И каждый из памятников имеет свою богатую историю, слитую с судьбой этого города, героического и многострадального, прозванного за свою красоту и за то, что в его строительстве участвовали итальянские зодчие, галицийской Флоренцией.

И, как в каждом древнем городе, есть тут люди, которые могут вдохновенно поведать о нем интереснейшие легенды и бывальщины. Одним из таких вдохновенных рассказчиков был львовский писатель Ярослав Галан, имя которого также стало легендой.

Еще в 1960 году в квартире писателя, где он в октябре 1949 года был зверски убит националистами, открылся литературно-мемориальный музей. Он непрерывно растет и пополняется, ибо деятельность Ярослава Галана была столь разнообразной и плодотворной, что повсюду обнаруживаются ее «вещественные» свидетельства, например, в виде само собой выявляющихся, неизвестных ранее его статей, стенограмм выступлений, радиозаписей, фотографий, о которых даже не подозревал он сам. Растет число рисунков к его произведениям, поток писем и воспоминаний лиц, встречавшихся с ним при различных обстоятельствах.

Писатель-трибун, несколько похожий на Владимира Маяковского, такой же неугомонно пламенный человек, Ярослав Галан создавал пьесы и рассказы, очерки и памфлеты. Они написаны ярко, с поразительной силой мысли и чувства, их постоянно переиздают на Украине, переводят и печатают на других языках.

Мне довелось видеть во Львовском драматическом театре имени М. Заньковецкой комедию Я. Галана «Лодка качается». Пьеса была написана в 1930 году как страстный сатирический памфлет против национализма. Автор отдал ее в «Рабочий театр» во Львове — пьесу могли поставить лишь там. Как раз в это время начались массовые аресты коммунистов. Арестовали и некоторых артистов, начавших работать над комедией. Но их тотчас же заменили другие, настолько увлекла театр пьеса. Премьера состоялась с опозданием лишь на один день. И какая это была премьера!

«Около 600 рабочих, присутствовавших на спектакле,— вспоминал бывший подпольщик М. Вовк,— криками и бурными аплодисментами выразили свою благодарность автору пьесы за то, что он высмеял ненавистных рабочим националистов. В зале был проведен сбор денег для МОПРа».

Пьеса вызвала бешенство у «отцов города». Усилились репрессии. Еще более грозно сгустились тучи над головой Ярослава Галана. Но в одной из статей он писал: «Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом».

Внимательный историк, исследователь-новатор, с детства страдавший со своим народом от ига униатства, он блистательно обнажил его корни в книге «Что такое уния». Книга эта вышла в 1946 году во Львове, на украинском языке, под псевдонимом "Володимир Росович". В 1957 году она была переиздана посмертно, уже под настоящим именем писателя.

На обложке мы видим изображение толстого бритоголового ксендза с молитвенником в руках, а за тюремной решеткой — бедняка. Я. Галан пишет, что католицизм с самого своего рождения был воинствующей церковью, глава которой, папа римский, пытался огнем и мечом покорить многие народы. Чтобы добиться этого, папа и его воинство не брезговали ничем, охотно объединялись с разбойничьими державами и помогали им завоевывать соседние некатолические страны. Для этого они сплачивали всяческий сброд в специально созданные ордена. Например, орден крестоносцев до последнего человека извел многочисленный некогда народ прусов, целые столетия терзал наших братьев литовцев. С ним пришлось воевать украинцам, русским, белорусам, полякам.

Но каким же образом иезуиты из далекой Италии и Испании пробрались на Украину? «Где Рим, а где Крым!» — приводит писатель украинскую веселую поговорку. Тут совпали интересы папского Рима и шляхетской Варшавы. Польские паны мечтали окатоличить Западную Русь и Литву, оторвать ее от православия и тем самым от Москвы. Тогда-то и возникла коварная иезуитская мысль об унии.

Я. Галан приводит интереснейшие факты, давно ставшие архивом истории: как папа римский возвел в сан святого епископа — иезуита Иосафа Кунцевича, утопленного жителями Витебска за дикие надругательства над православными; как безуспешно пытались униаты прибрать к рукам Киево-Печерскую лавру; как польские иезуиты и шляхта, воспользовавшись распрями между казацкими старшинами-богатеями, напали на Украину: «Крестьян, казачов, православных священников вешали, сажали на колы, церкви бесчестили, превращали в корчмы и хлевы».

И вот Я. Галан подходит к описанию могучего освободительного движения Богдана Хмельницкого, войска которого доходили до Львова. Он приводит знаменитую речь Хмельницкого на Переяславской раде и ответ его воинства: «Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, чем достаться ненавистникам христовым!» С горечью писал далее Я. Галан: «Но жаль, не вся Украина освободилась от вражеского ярма. Часть нашей родины все еще находилась под шляхетским гнетом, и народ Правобережья, Галиции и Волыни долгие-долгие годы вынужден был вести кровавую борьбу за свое освобождение».

Последняя главка книги называется «Андрей Шептицкий». О Шептицком рассказывают и отдельные работы писателя. Значение этих мастерски написанных очерков и памфлетов трудно переоценить. Шептицкий в представлении некоторой части населения Львовщины, которая не испытала на себе зубы приспешников митрополита (расправлявшихся с «красными» и всеми, кто тяготел к ним), выглядел почтенным, уважаемым человеком. Высокий, осанистый, седобородый старец, крупнейший магнат, слывший меценатом, он умел хитро говорить и еще более хитро действовать. Но когда появился памфлет Я. Галана «Тень чужих богов», а в нем глава «Под знаком свастики», когда читатели узнали неопровержимые факты о непосредственной связи митрополита с фашистами, о его всемерном содействии им, о том, как он благославлял их на разбой, уважение к нему сразу померкло.

Оголтелые националисты и униаты-фанатики занесли Ярослава Галана в черный список.

В годы Великой Отечественной войны он работал на радио в Саратове и Москве, сотрудничал в прифронтовой радиостанции «Днипро», выступал с пламенными памфлетами против фашистов. Когда советские войска освободили Львов, вернулся и Ярослав Галан, продолжив здесь кипучую деятельность писателя-трибуна. Велик перечень его памфлетов, корреспонденций, очерков, рассказов.

...24 октября 1949 года он работал у себя в кабинете над очерком «Величие освобожденного человека». Он писал о том, как боролся трудовой люд Львовщины с врагами родины за свое счастье, каких огромных жертв стоила эта борьба и как, наконец, взошло солнце.

В это время кто-то постучал. Вошли двое. Галан пригласил гостей в кабинет. И тут на него обрушился удар топора.

3 и 4 января 1951 года военный трибунал слушал дело убийц Галана. Отец преступников, братьев Лукашевичей, говорил на суде:

— Будучи сам как священник греко-католической веры настроен националистически, я в таком же духе воспитал и своих сыновей. Я не мог смириться с тем, что мне придется жить и работать при Советской власти.

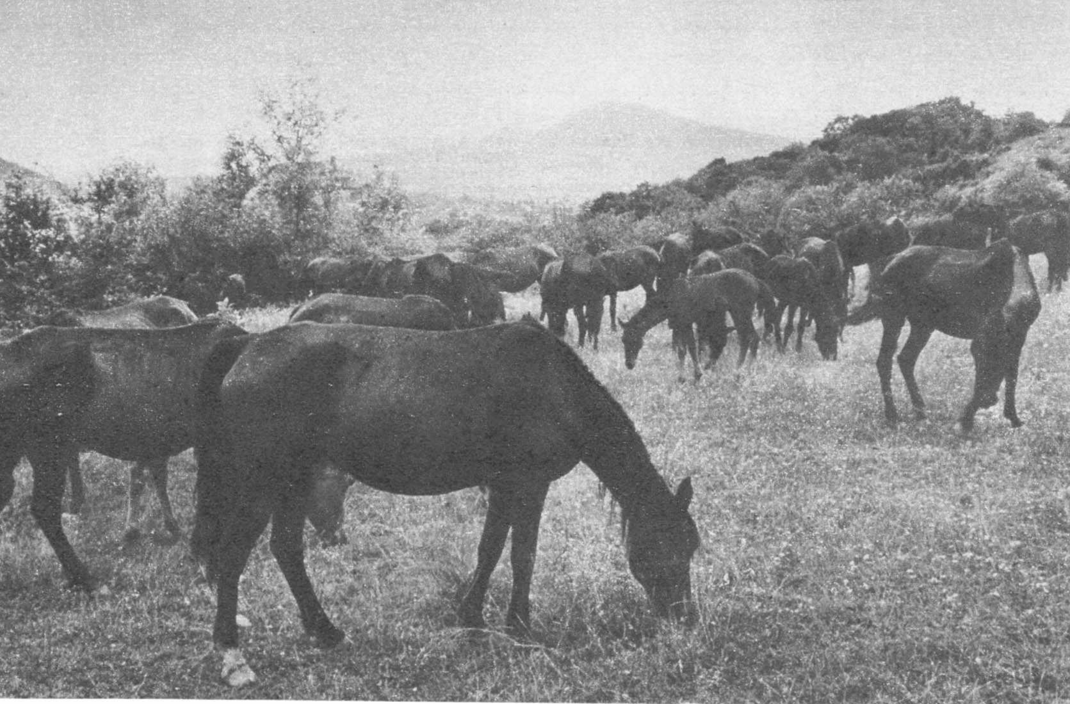
Убийство Ярослава Галана, всколыхнувшее гневом всю Львовщину, явилось последним террористическим актом затаившихся националистов.

...Перед отъездом из Львова я из музея Ярослава Галана возвращался в город, спускаясь по крутой Гвардейской улице. Сиреневые сумерки наплывали на здания, и мне припомнился гордый поэтический очерк писателя «Древний город» — лучшее, что пришлось читать о великолепном Львове:

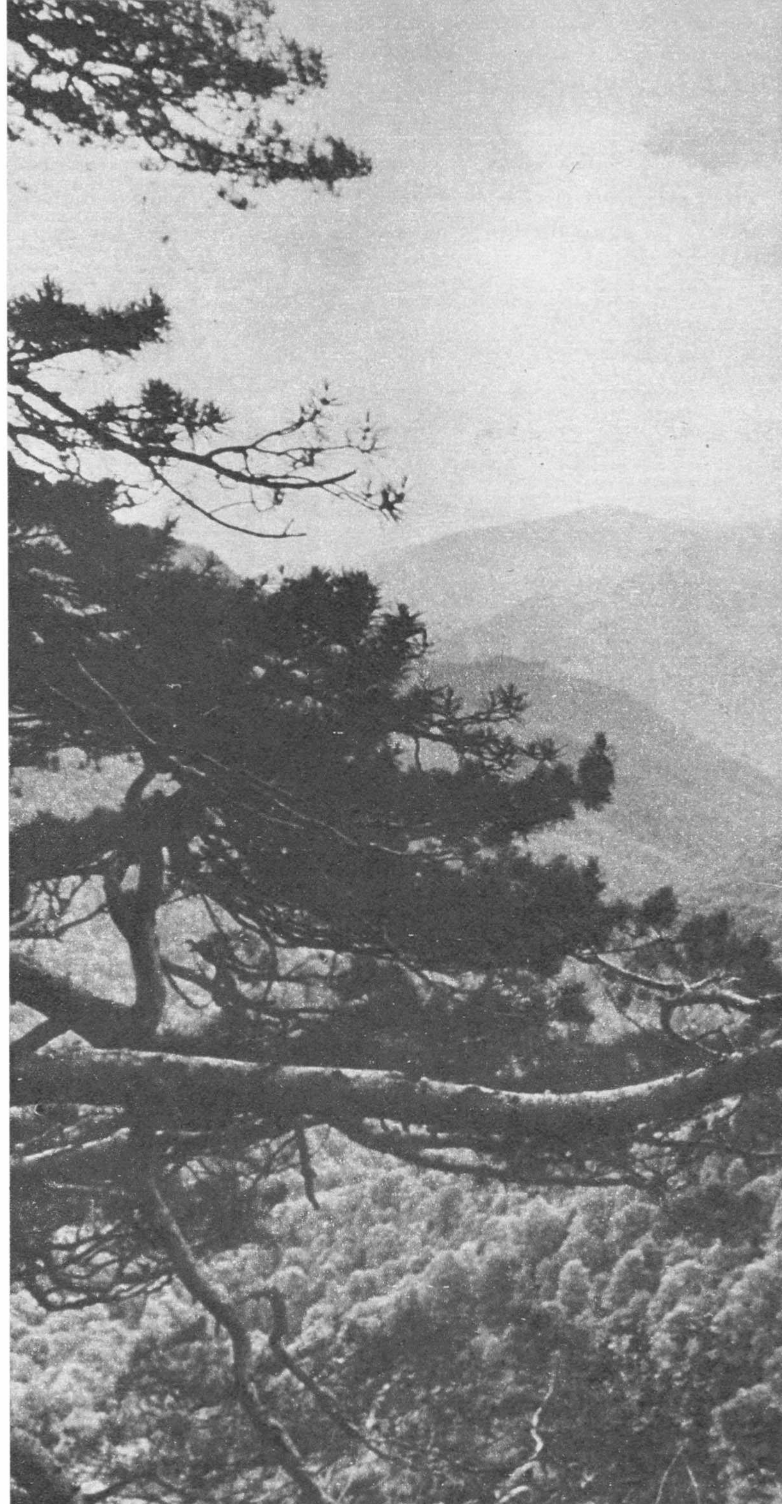
«Бессмысленно было бы затевать сегодня спор по поводу национального характера города Львова. Он был и будет украинским. Украинский крестьянин кормил его, украинские рабочие строили его стены, были ли это стены жилого дома, церковной колокольни или дворца вельможи.

И именно поэтому мы имеем право гордиться тем, что у нас вырос этот город — Флоренция Востока...»

Мы публикуем один из последних очерков, написанный по заданию «Огонька» безвременно ушедшим из жизни известным советским писателем В. Н. Осокиным.

На горных пастбищах сочная трава.

Жатва на полях Адыгеи.

Медосбор обещает быть хорошим. Ю. Буртов — помощник пчеловода.

СОВЕТСКОЙ АДЫГЕЕ — 60 ЛЕТ

А. ПОПОВ,
фото Г. СТРЕЛЬНИКОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЗЕМЛЯ

В воскресенье в городском парке, на правом высоком берегу реки Белой, откуда открывается живописнейший вид на предгорья Кавказа, играет музыка и гуляют сотни нарядных людей. Жители Майкопа отдыхают... Отдыхают весело и шумно, как подлинно южный народ, с удовольствием и даже самозабвенно, как народ, умеющий трудиться. Ведь завтра, в понедельник, большинство из них станут на свои рабочие места у станков, на конвейерных линиях. Они придут на машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, целлюлозно-картонные, деревообрабатывающие фабрики и предприятия легкой, пищевой промышленности. В Майкопе, как мы узнали незадолго до первого знакомства с городом в местном краеведческом музее, десятки самых различных промышленных предприятий. Запомнилось, что в 1922 году промышленность области была представлена несколькими маслозаводами, консервной полукустарной фабрикой, дюжиной мельниц. Конечно, можно понять, что тогда только-только все начиналось, но ведь важно понять, с чего именно начиналось.

Примерно такую же мысль высказал на следующий день секретарь парткома завода «Станконормаль» Петр Артемович Гамаюнов. Более чем в 300 городов нашей страны поставляет свою продукцию это предприятие. Нормаль — по-другому значит крепежный материал: штифты, болты, винты, арматура гидравлики и смазки — необходим везде, где выпускаются любые машины. Без нормалей не будет работать ни один узел, ни один станок.

— Знаете, что, на мой взгляд, представляется самым главным сейчас на нашем заводе?— на секунду задумался Гамаюнов.— Высокая степень — до девяноста семи процентов — механизации основного процесса. Наше оборудование после недавней реконструкции — только автоматы и полуавтоматы. Это позволяет нам выпускать не только продукцию высокого качества, но и прежде всего сделать труд на предприятии для наших рабочих более интересным. Поэтому у нас минимальная текучесть кадров, много молодежи. А ведь с чего начинали? Почти с ручной сборки кроватей, утюгов...

Казбек Тутаришев, сменный мастер Майкопского консервного завода, который входит в Адыгейское производственное объединение пищевых предприятий, словно сговорился с Гамаюновым. Первое, о чем он сообщил,— это о двух новых линиях по переработке кабачков, которые пустили в нынешнем году. «Автоматические линии»,— подчеркнул Казбек. Перерабатывающая мощность каждой — 50 тонн кабачков в сутки. Это позволит увеличить производство продукции в два раза.

— И вот еще что,— продолжил разговор Казбек,— сейчас заканчивается реконструкция двух цехов — в одном делают соки, в другом — минеральную воду, расширено автоклавное отделение, перестроена котельная, пустили новую электроподстанцию. И все для того, чтобы выйти на наш рекорд—

Адыгейский пейзаж.

Много хлопот у председателя колхоза «Родина» Красногвардейского района А. Ф. Асланова.

Выступает государственный ансамбль народного танца Адыгеи.

АДЫГОВ

довести производство продукции в этом году до двадцати миллионов условных банок. Это очень много. И случится впервые за всю историю нашего завода, которому месяц назад сравнялось полвека. Таков будет наш первый существенный вклад в реализацию Продовольственной программы.

Слушая молодого производственника Казбека Тутаришева, я вспомнил встречу с председателем колхоза «Родина» Красногвардейского района Александром Федоровичем Аслановым. Ведь те консервированные огурцы, банки с клубничным джемом, яблочным повидлом, томатным соком, консервы из гороха и свинины — словом, вся продукция, которую выпускают коллеги Тутаришева, прежде всего дело рук односельчан Асланова. Они звенья одной цепи — единого агропромышленного комплекса, к созданию которого, как и по всей стране, приступили в Адыгейской автономной области.

— Наша задача сейчас — все, что выращено, убрать сполна: до единого колоска, до последней вишенки и яблока,— убежденно говорил Асланов.— Сейчас началась жатва. Под зерновые у нас в колхозе занято около трех тысяч гектаров земли. Урожай в этом году отменный. Особенно хороша пшеница. Думаем взять на круг не меньше чем по сорок пять центнеров. Но мешают дожди. Ливни сильно прибили хлеба... Высокая полеглость. Однако люди у нас настроены взять урожай до зернышка, даже готовы выйти в поле с серпами и косами... Без преувеличений, надо будет — все сделают, но хлеб в поле не оставят. Они понимают, какая высокая ответственность ложится на плечи человека земли в эти дни, когда принята Продовольственная программа...

Вечером того же дня мы встретились с одним из известных писателей Адыгеи, основоположником советской адыгейской прозы, лауреатом Государственной премии СССР Темботом Магометовичем Керашевым, и я рассказал романисту о беседе с председателем колхоза. Старый, мудрый человек (в этом году Керашеву исполняется 80 лет) одобрительно кивнул головой:

— Народная педагогика адыгов воспитывала в человеке прежде всего исключительную преданность избранному делу, честность, мужество и самоотверженность. Советская мораль воспитывает человека на таких же принципах, только более развитых и усовершенствованных. Скажите, когда бы еще наш маленький народ смог так широко и раздольно выразить себя! С новой жизнью родился у нас и новый человек: еще более трудолюбивый, талантливый, ищущий. И вместе с тем незыблемо честный и мужественный, преданный и человечный. Так должно быть всегда. Мой младший друг, наш поэт Исхак Машбаш по этому, думается, поводу написал:

Живут адыги на земле людей —
Смеются солнцу, добрых ждут дождей.
Детей растят и собирают в путь,
Благословляя: «Человеком будь!»

Последняя акция Лоренца

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Вновь обретенная любовь обрушилась на Корицкого и Котельникову с утроенной силой, изумившей их обоих. И они, не сговариваясь, постарались не вспоминать, что никто, в сущности, кроме них самих, не был виноват в этой трехлетней разлуке.

Когда диссертация Корицкого была утверждена ВАКом и сослуживцы отметили появление нового доктора технических наук традиционным банкетом в ресторане «Прага», Осокин неожиданно для многих рекомендовал Михаила Семеновича на должность своего заместителя по науке. В министерстве с предложением согласились: в отрасли существовал обычай, по которому директора институтов сами подбирали себе заместителей. Михаил Семенович потом в деталях рассказывал Инне, как его утверждали на коллегии министерства в новой должности.

— Представляешь, затаскали по начальству, которое и без того меня знает. К одному вызывают, к другому. Начальник главка спрашивает: «Ну как, товарищ Корицкий, согласны стать заместителем директора?» А замминистра спросил как-то странно: «Надеюсь, вы окажете серьезную помощь Сергею Аркадьевичу?» Ну а сама коллегия — это уже формальность. Пригласили в зал, за столами человек пятьдесят. Все почтенные мужи, столпы! Вопросы задают: «Над какой проблемой вы намерены лично работать в институте?», «В чем вы видите свою роль заместителя директора института?», «Каков выход разработок института в промышленности?». Пришлось попотеть немного, но, кажется, ответил на все вопросы толково.

Так оно и было. Корицкого в должности утвердили. Министр поздравил Михаила Семеновича с назначением, подчеркнул, что отныне одна из его обязанностей—оберегать директора НИИ от второстепенных дел, от текучки, всякой бюрократической переписки. Особо отметил, что товарищ Осокин получил чрезвычайно важное задание, на выполнении которого должен будет сосредоточиться целиком. Отсюда и особая роль молодого, энергичного заместителя.

Инна слушала и проникалась все большим и большим уважением к этому умному, талантливому, а теперь еще и занятому такими ответственными делами человеку, которому судьба не подарила никакой иной личной радости, кроме ее любви.

Прошло еще несколько лет. Михаил Семенович не только полностью освоился со своим положением и обязанностями заместителя директора, но и научился выкраивать достаточно времени для собственных разработок и руководства группой аспирантов. После того как несколько из них защитили в разных местах кандидатские диссертации, их научному руководителю доктору технических наук Корицкому было присвоено и звание профессора.

Институт уже продолжительное время работал над созданием нового сплава. Этот сплав, обладающий сложным комплексом заранее заданных свойств, с нетерпением ожидали во многих отраслях науки, техники и промышленности, в том числе оборонной. Чтобы создать сплав и разработать технологию его промышленного производства, предстояло решить, «разгрызть» много сложных проблем, почему Сергей Аркадьевич Осокин и дал ему неофициальное, но прочно прижившееся в лабораториях и в министерстве наименование «Орех».

Обобщая результаты первого, подготовительного, этапа работы, Осокин и Корицкий, однако, пришли к разным выводам и направлениям дальнейших поисков. Казалось, оба пути должны привести к успеху, хотя и в разные сроки, с разной затратой усилий и средств. Но вот по вопросу, какое решение более эффективно, Осокин и его заместитель во мнениях решительно разошлись. Корицкий был убежден, что на более правильном пути стоит он, то есть возглавляемая им лично лаборатория.

Научный спор двух ученых мог бы оказаться плодотворным, если бы не болезненное самолюбие Михаила Семеновича. Он и сам не заметил, как из поборника объективности в науке превратился всего лишь в борца за собственный престиж.

— Михаил Семенович,— мягко убеждал Осокин молодого коллегу,— не нужно так однозначно мыслить. Вы нашли неплохое решение. Но не спешите. Ставьте эксперименты, проверьте опыты на одном-двух заводах, посоветуйтесь после этого с производственниками. Я не хочу навязывать вам свою точку зрения, наука не терпит волевых решений и администрирования, равно как и голосования. Однако мне кажется, что ваш метод даст лишь кратковременный эффект. Сплав будет быстро уставать. Ответственное задание требует и ответственного подхода. Мы не одни работаем над проблемой, девять научных учреждений и предприятий завязаны на нее. Мы должны думать и об их времени и усилиях.

Корицкий возражал, и с каждым разом все более нетерпимо. Он уже научился достигать каких-то успехов в науке. Он умел работать. Но он еще не научился ждать. Не умел спокойно, критически, правильно взвесить свое пока не столь уж значительное достижение, а потому не понимал, что в науке маленькая победа может помешать добиться большой. К тому же себя в науке он ценил куда выше, чем науку в себе, и уже в силу этого не мог объективно относиться ни к другим, ни к себе. Все чаще в спорах с Осокиным он стал прибегать к аргументам, уже не имеющим отношения к научному арсеналу. Однажды он заявил Осокину:

— Мы, уважаемый Сергей Аркадьевич, нашли нечто новое, чего не было в мировой практике. Даже американцы, как нам известно, не имеют такого сплава. Жизнь заставляет и нас и их спешить с его созданием в оптимальном варианте.

— Иначе говоря, в худшем или лучшем, не так ли? — уточнил Осокин.

— Я этого не говорил. Повторю только, что время не ждет. Если вы, Сергей Аркадьевич, не согласны со мной, разрешите посоветоваться с товарищами из министерства.

— «Время не ждет» — девиз прекрасный, Михаил Семенович, только пользоваться им надо с превеликой осторожностью, ибо отливается он порой горючими слезами. Опять же в народе не зря говорят: «Поспешишь — людей насмешишь». Что же касается «посоветоваться», то воля ваша,— спокойно ответил Осокин и привычным жестом провел платком по голому черепу, на котором только у висков и сзади венчиком ютился еще седой пушок.

Осокин тогда не придал особого значения этому разговору, но про себя отметил, что ученый должен доказывать свою правоту в лаборатории, а не в министерских кабинетах.

Корицкий между тем действительно направился в министерство. Начальник главка поддержал его, но заместитель министра, наоборот, стал на точку зрения Осокина. Вопрос перенесли на обсуждение к министру. Министр сам был крупным специалистом, членом-корреспондентом Академии наук, и Корицкому пришлось сделать весьма обширный и детальный обзор всех работ, проведенных институтом за последнее время. Выслушав доклад, министр долго молчал. Неверно расценив это молчание, Корицкий счел возможным добавить:

— И вообще в последнее время мне все труднее и труднее стало находить общий язык с Сергеем Аркадьевичем.

Министр поднял голову и с каким-то сожалением в голосе, которое уловили все присутствующие, кроме Корицкого, сказал:

— Это не самая большая беда, Михаил Семенович. Хуже будет, если с такой жалобой придет Сергей Аркадьевич...

Задав Корицкому и другим приглашенным товарищам ряд вопросов, министр подвел итог обсуждению:

— Это даже хорошо, что есть два варианта решения проблемы. Действуйте в обоих направлениях, а наши практики, проверив их, скажут, какое из решений лучше соответствует поставленным задачам.

Корицкий ушел из министерства недовольный. Серьезное предостережение, сделанное ему, он понял, но не сумел воспользоваться той возможностью для продолжения подлин-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—29.

но научной работы, которую предоставляло или, вернее, оставляло ему решение министра. Весь мир, казалось ему, ополчился против него. Кроме Инны...

Да, Инна Александровна с фанатичной преданностью разделяла взгляды и мысли Михаила Семеновича. В его абсолютной правоте всегда и во всем она была убеждена даже тверже, чем он сам. Инна и раньше мало к кому на свете питала сколь-либо теплые чувства, теперь же она вообще стала относиться к окружающим, кроме Юлии Николаевны, с почти открытой неприязнью. И раньше скрытная, теперь она постоянно находилась в состоянии настороженности. Привыкнув жить двойной жизнью, она полагала и всех других людей лицемерами или в лучшем случае говорящими не то, что они думают, делающими не то, что им хотелось бы.

Неудивительно, что неприязнь Михаила Семеновича у нее трансформировалась в прямое озлобление против старика Осокина, которого она и видела-то всего дважды — когда получала от него для журнала статью, а затем согласовывала окончательный текст. Инна забыла, что тогда Сергей Аркадьевич произвел на нее самое приятное впечатление.

Возможно, без вмешательства Инны конфликт Корицкого с шефом после обсуждения в министерстве и заглох бы сам собой. Но она каждодневно внушала Михаилу Семеновичу, что он прав, что Осокин давно отстал от науки и держится на поверхности только за счет своего громкого имени, званий, интриг и бог весть чего еще. Настойчиво и упорно она повторяла, что Осокин мешает Корицкому занять принадлежащее ему по праву место в жизни. Чем дальше, тем глубже Корицкий привыкал к этим мыслям, как к своим собственным.

— Мне непонятна позиция шефа,— сказал он как-то Инне.— Безусловно, он видный ученый, пользуется доверием наверху. Но знаешь, у Осокина за границей есть родственники, сестра с племянником. Она еще до революции, он мне сам рассказывал, вышла замуж за крупного лесовладельца, а после Октября осталась с мужем в Финляндии. У них были владения на Карельском перешейке. Он, мой дорогой шеф, утверждал, что с сестрой не переписывается. А сейчас, представь только, эта сестра вновь объявилась.

— Да ну! — изумилась Инна.

— Факт! Старуха — она старше брата — жива, здорова и содержит салон мод. Приезжала тут с фирмачами в Москву и, конечно, разыскала братца. Муж ее вроде давно помер, есть сын. Совладелец какой-то промышленной фирмы, а может, торговой, точно не помню. Он приезжает к нам регулярно, с дядюшкой, разумеется, встречается, подарки привозит...

Инна даже задохнулась от мысли, внезапно пришедшей к ней в голову. Дикой, чудовищной для любого другого человека, но логичной и естественной для нее, привыкшей все мерить по своей мерке.

— Это уже интересно,— медленно протянула она, закуривая сигарету (с некоторых пор Инна стала курить).

— Что интересно? — не понял Михаил Семенович.

— А все интересно,— как-то нервно рассмеялась Инна. Теперь уже и Корицкий понял, что она имеет в виду.

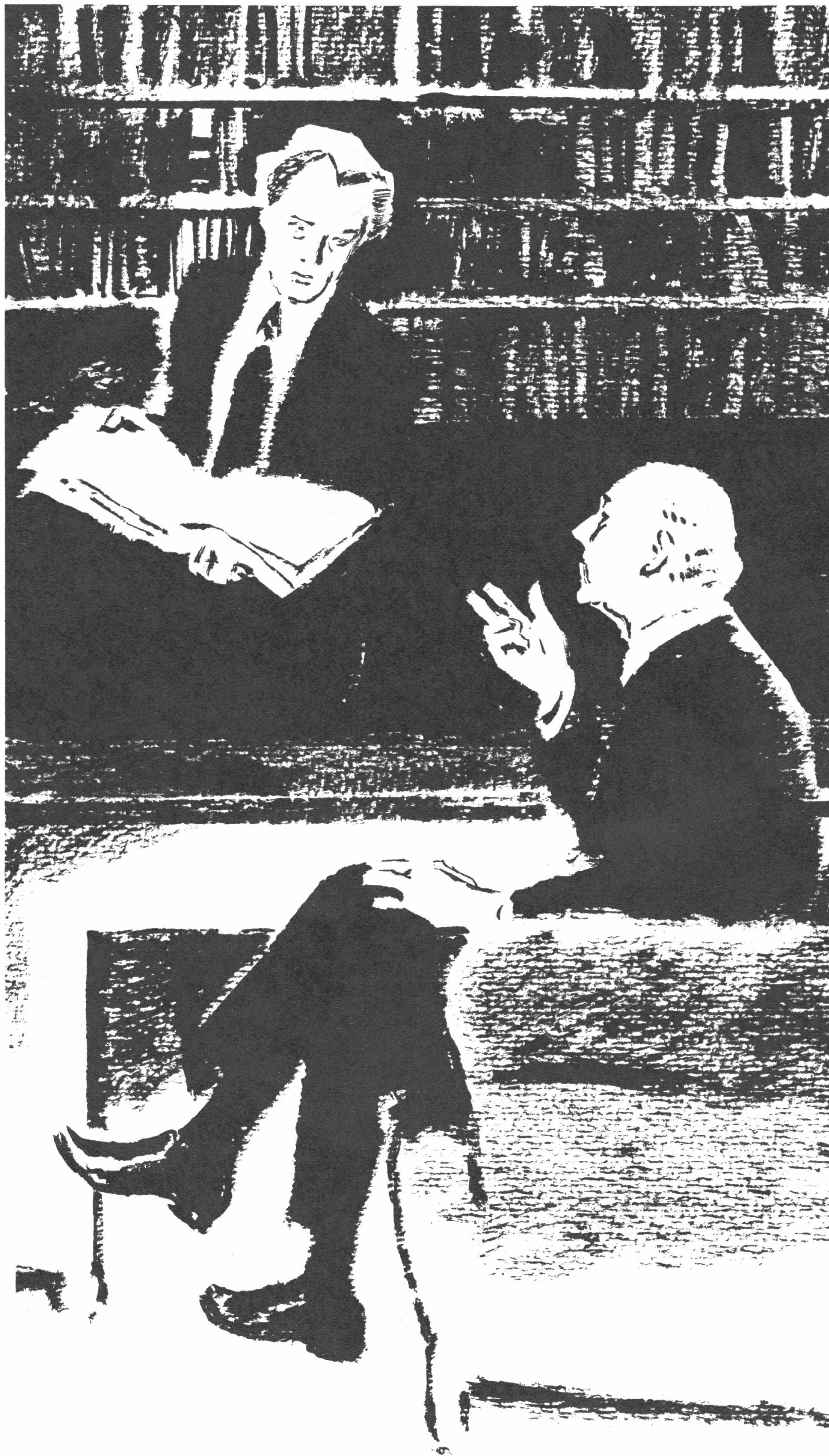
В другое время Михаил Семенович рассмеялся бы и назвал догадку подруги так, как она того и заслуживала,— чепухой. Но не теперь. Теперь он подсознательно стал подводить под нее все, что ему было известно об Осокине, и свои догадки.

— Знаешь,— сказал он Инне при очередной встрече,— возможно, твои предположения не лишены основания.

— Ну? — нетерпеливо взвилась Инна.

— Старика уже несколько лет приглашают в Америку читать лекции. До сих пор он отказывался, а теперь сказал, что подумает. Почему? Их делегации наш институт посещали? Посещали. На приемы в посольство Осокина потом приглашали? Приглашали. Письма от американских коллег он получает? Получает. И литературу тоже. А теперь еще эти визиты сестры и племянника.

Инна Александровна взволнованно ходила

по комнате (до решения своих семейных проблем, с чем по ряду причин они договорились не спешить, Корицкий снимал для встреч с любимой женщиной частную квартиру на Большой Пироговской). Мысли, одна злее другой, роились в ее голове. Возникшее нелепое подозрение перешло в уверенность.

— А если старик с твоей или своей разработкой тянет не случайно?

Корицкий еще не совсем понял ход ее мыслей. Инна раздраженно пояснила:

— Я хочу сказать, что одна из этих разработок перспективнее, лучше, эффективнее. Убеждена, что это твоя разработка. Вот он ее и затирает! Свою протолкнет в промышленность и получит очередную лауреатскую медаль. А твою подарит коллегам за океан... Не безвозмездно, конечно. Сестрица, племянничек... Есть куда перевести гонорар!

Корицкий побледнел.

— Ты с ума сошла! — растерянно сказал он.

— Ничуть! Надо быть такой рохлей, как ты, чтобы столько времени ни о чем не догадываться!

Даже умные люди в чем-то глупеют, когда становятся слепыми рабами охватившей их бредовой идеи. С этого мгновения они слышат и видят только то, что согласуется с их предвзятой убежденностью. Корицкий к тому же был подавлен напором и страстностью Инны Александровны. Раньше она была зеркалом его мыслей, интересов, взглядов. Теперь они поменялись ролями. Отныне все слова, поступки ученого находили у Котельниковой и Корицкого одно-единственное объяснение, разговоры вертелись вокруг одного и того же: Осокин и сестра... Осокин и племянник... Осокин и иностранцы... А главное — Осокин и научная разработка Михаила Семеновича.

Инна Александровна приходила в ярость от мысли, что коварный старик будет пользоваться где-то «там» славой, положением и богатством, которые на самом деле по праву должны принадлежать им с Михаилом Семеновичем, вынужденным до сих пор скрываться от людей. Почему?! Михаил так талантлив, у него столько идей, он так много может сделать... Если ему никто не будет мешать. А мешали Корицкому, а следовательно, и ей, ее личному счастью, по мнению Инны, все: жена Михаила, Котельников, Осокин, сотрудники института и министерства.

Когда она в первый раз сформулировала сама себе то, что уже вознамерилась совершить, ее охватил ужас. Не от чудовищности замысла, а от страха перед возможными последствиями в случае неудачи. Но, повторив про себя эти слова во второй, третий, четвертый раз, она перестала бояться.

Инне не потребовалось много времени, чтобы склонить Корицкого к созревшей у нее мысли. Внутренне Михаил Семенович уже был готов к этому. Только малодушие мешало ему первому произнести решающие слова.

Не день и не два — несколько месяцев Котельникова и Корицкий разрабатывали свой план, стараясь предусмотреть все, не упустить ни одной мелочи.

Для начала Котельникова и Корицкий решили, используя его положение заместителя директора крупного НИИ, одновременно и скопить в Советском Союзе капитал в золоте и драгоценностях и обеспечить счет в твердой иностранной валюте за границей.

ГЛАВА 11

Ермолин подумал, что наконец-то все становится на свои места, вернее, начинает становиться. Теперь ему важно было в первую очередь выяснить, что вынудило Корицкого сделать это признание. Ермолин был уверен, что без какого-либо серьезного побуждения извне профессор никогда бы с повинной не пришел. Он оказался прав.

...Накануне Корицкий возвращался домой в восьмом часу вечера. День он провел в библиотеке Дома ученых. Последнее время Михаил Семенович выискивал любые предлоги, чтобы как можно меньше бывать в ставшей ему, по существу, чужой квартире. Усталый и озабоченный, Михаил Семенович шел по много раз хоженному маршруту к себе на Метростроевскую. Свет уличных фонарей едва пробивался сквозь холодную, насыщенную влагой мглу.

Вчера опять была тягостная беседа с шефом. Михаил Семенович уже не впервые ловил себя на мысли, что при таких трудных разговорах горячится и нервничает он, а не его шеф. Осокин всегда оставался спокоен. Что это — от старости? От житейской мудрости? Или от непоколебимой уверенности в себе? Корицкий стал подмечать, что при этих спорах Осокин держится не с неприязнью к нему, а скорее даже с каким-то непонятным, а потому особенно обидным сожалением.

Работа, работа... И одиночество. Инны нет, семья — фикция, дом — комната, в которой он только спит, и то с помощью двух таблеток эуноктина, и немного читает. Только специальную литературу. Художественную он забросил. В ней обязательно присутствует любовь, а любовь — это Инна, которой больше нет.

Инна ушла из жизни, вместе с ее смертью рухнули все надежды зажить вольготно и счастливо, в соответствии со своими представлениями. Сестра уже намекает, что ему нужно найти себе другую женщину, чтобы утешиться и успокоиться.

Чепуха. Без Инны ему не нужны ни Запад, ни слава, ни деньги. Что же касается научных идей, пора признаться самому себе, он самообольщался, все они, несмотря на его способности, родились под прямым воздействием Осокина.

Что ему остается? «Живи и работай, работай и живи»,— сказала ему когда-то жена. Михаил Семенович продолжал работать, он и чувствовал-то себя по-человечески только в лаборатории, среди своих сотрудников.

Еще существовал страх. Кроме тоски. Корицкий знал, что по делу о смерти велось следствие, что опытные люди изучали все обстоятельства, попавшие в сферу их внимания, чтобы установить, что именно случилось за рубежом с советской гражданкой Инной Александровной Котельниковой. А что, собственно, с нею произошло? Это для него оставалось неизвестным. Знал только, что он боится. Чего конкретно, сформулировать было трудно, но липкое, обволакивающее чувство, неотступное, словно ночной кошмар, не оставляло его ни на миг.

С сестрой Юлией Корицкий старался не встречаться. Она стала ему чужой. Год назад он бы рассмеялся, если бы ему сказали, что Юлия способна увлечься мужчиной, к тому же пожилым, по-настоящему. Вначале он полагал, что сестра просто хочет женить Осокина на себе. Оказалось, наоборот! Осокин предложил Юлии Николаевне стать его женой, а она отказалась. Этого, видите ли, ни ему, ни ей не простит Светлана, его дочь. Надо подождать... Кто мог ожидать от Юлии такого благородства и бескорыстия! Смерть Инны и болезнь вообще ее здорово встряхнули. Она разогнала всех старых приятельниц, всякую шушеру, которая вечно толклась вокруг нее на Гоголевском, перестала быть главным авторитетом по московским сплетням.

Выходит, одних любовь поднимает, а других...

— Добрый вечер, Михаил Семенович!

Корицкий поднял голову. Перед ним стоял мужчина примерно одного с ним возраста, одетый в темно-серое демисезонное пальто. В знак приветствия незнакомец приподнял над головой шляпу.

— Мы с вами лично не встречались. Я иностранец. Вас узнал по фотографии, которая, увы, находится не при мне. Я имею поручение конфиденциально обсудить с вами одно дело.

Еще ничего не поняв, Корицкий вдруг почувствовал какую-то слабость в ногах. Преувеличенно резко, словно чужим голосом, он сказал:

— Я незнаком с вами и не имею желания знакомиться. Честь имею!

С этими нелепыми словами Михаил Семенович сделал попытку пройти. Незнакомец, однако, мягко, но решительно загородил ему дорогу:

— Минуточку, Михаил Семенович! Разве вас не интересует дальнейшая судьба тех материалов, которые вы через свою знакомую передали нам?

— Что-о?

— Вот видите, вас это интересует,— с легким сарказмом произнес иностранец.— Никогда не следует так порывисто уходить от разговора.

— Нам не о чем беседовать. О каких материалах идет речь?— Корицкий говорил торопливо, потому что нужно было что-то говорить, а не стоять просто так и слушать этого человека.

Незнакомец разъяснил:

— Речь идет о тех документах, которые вы передали нам через свою подругу. С ней, к сожалению, произошло несчастье. Кто мог ожидать? Примите наши искренние сожаления.

Корицкий заволновался.

— Что вам известно об Инне Александровне? Кто отравил ее и мою сестру Юлию Николаевну? Или, по-вашему, это случайность?

— Я представляю частную фирму, а не криминальную полицию. Полагаю, что это несчастный случай. Видимо, в буфете аэропорта они съели что-то недоброкачественное.

— Неправда! Сестра мне рассказывала, что, как сообщила ваша полиция нашим следственным органам, все продукты в буфете оказались совершенно свежими.

Незнакомец пожал плечами.

— Это сообщила местная полиция. Каждая страна заботится о своем престиже. Ваша сестра, к счастью, выжила.

Корицкий в ответ хотел сказать что-то резкое, но тут же осекся. Сообразил, что сейчас они говорят не о том, главное же — иностранец знает, что это он передал материалы через Инну.

— Что вам нужно от меня?— уже тихо спросил он.

— Немногое. Документацию последующего этапа технологического процесса, а также те образцы сплава, которые у вас имеются. Давайте погуляем, и я расскажу, что вам следует делать дальше.

Корицкий молча последовал за незнакомцем. Свернув в ближайший переулок, иностранец продолжил разговор:

— Что нужно нам, я уже сказал. У меня мало времени. Встретимся через три дня, в четверг, в семь часов десять минут вечера на углу Метростроевской и Садового кольца, возле Провиантских складов. Завидя меня, не подходите, а следуйте за мной. В удобном месте — его определю я — вы передадите мне сверток, он должен выглядеть так, словно в нем книги. В свертке должны находиться непроявленные фотопленки, расчеты, формулы и прочее. Образцы сплава, полученные на разных этапах работы, пронумеруйте карандашом-стеклографом...

Смысл того, что говорил незнакомец, едва доходил до сознания Корицкого. Но он слушал, не в состоянии прервать эти парализующие его волю слова.

— ...Я передам вам точно такой же по форме пакет в газетной бумаге. На всякий случай, чтобы вы знали, в нем будут детские книги для вашей дочери: двухтомник Марка Твена, «Карлсон, который живет на крыше»... Вы слушаете меня, Михаил Семенович?— вдруг спросил он, заметив отрешенный взгляд Корицкого.

— Да-да, могу повторить.— В голове Михаила Семеновича звенело, но сил, чтобы возразить, у него не было.— Это все?

— Нет, не все,— сказал иностранец, по-прежнему никак не называвший себя.— Мы должны изучить ваши материалы, понять, а на это потребуется какое-то время. Вы спокойно работайте, завершайте ваш сплав и внимательно изучайте исследования в других лабораториях, прежде всего вашего шефа Осокина. Постарайтесь сфотографировать самые важные материалы. Месяца через два мы свяжемся с вами...

— Стойте!— Улица вдруг заколыхалась, кругами заходил фонарь, словно вершина дерева под порывом ветра. Обмякнув, Михаил Семенович судорожно ухватил за рукав своего спутника.

В. Перов. ПОРТРЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. 1872 г.

В. Перов. ПРОВОДЫ ПОКОЙНИКА. 1865 г.

— Что с вами?— встревожился иностранец.— Сердце?

— Так...— Корицкий выпрямился и отпустил рукав. Передохнул. Сердце и впрямь будто сжал кто-то сильно и безжалостно. Потом прошло.— Ничего... Не обращайте внимания. Бывает...

Незнакомец смотрел на него хмуро и подозрительно.

— Тогда слушайте дальше. Вы поставили нам определенные условия сотрудничества. Мы сочли, что это разумные условия. Первоначальная сумма, которую назвала госпожа Котельникова, уже депонирована на ваше имя... Но вам могут потребоваться свободные деньги и здесь, в Союзе. Ваши друзья позаботятся об этом. Вам передадут золото, бриллианты, несколько тысяч советских рублей.

— После смерти Инны Александровны все это меня уже не волнует,— печально произнес Корицкий.

— Так вы что, отказываетесь от своих первоначальных намерений? Не следует ли мне понять вас в том смысле, что вы отказываетесь от сотрудничества с нами?— жестко спросил иностранец.

Корицкий испугался. Он понимал, что может стоять за этой жесткостью.

— Нет, что вы... Я сделаю все, что вы просите.

— Вот и хорошо,— уже мягче сказал незнакомец.— Теперь запоминайте условия наших дальнейших контактов с вами. К вам подойдет человек, он скажет...

Через пятнадцать минут они расстались.

Ночь прошла для Корицкого без сна. А утром он совершил самый мужественный поступок в своей жизни: позвонил в Комитет государственной безопасности.

ГЛАВА 12

Сложные и противоречивые чувства обуревали Ермолина, когда он слушал показания Корицкого, которые в соответствии с существующим законодательством должны были квалифицироваться как добровольная явка с повинной. Владимир Николаевич знал, что у врачей вырабатывается профессиональный иммунитет по отношению к непривлекательным проявлениям некоторых болезней. Но от тех же врачей он слышал, что, спокойные к язвам, сыпи, запахам, они испытывают неприятное ощущение, если больной приходит на прием в несвежем белье. Это объяснимо: и язвы, и сыпь, и специфический запах — объективные симптомы болезни, не зависящие от воли ее носителя. А грязное белье — это уже проявление непривлекательной личности пациента.

Во время войны да и после Ермолин видел старост, бургомистров, полицаев, бандеровцев, власовцев, «лесных братьев». Как правило, это были люди, сознательно ненавидевшие Советскую власть, выходцы из кулаков, помещиков, торговцев и других враждебных классов и кругов. Видел он и людей, ставших на путь предательства из-за малодушия, не выдержавших ужаса фашистских тюрем и лагерей. Но человека, пришедшего к измене таким путем, как Корицкий, Ермолин встретил впервые.

Ермолин разговаривал с Корицким несколько часов без перерыва. Долго и настойчиво расспрашивал Михаила Семеновича о его детстве, юности, студенческой поре; так врач доискивается до корней болезни, вылезшей наружу в зрелые годы. Так дошли они до момента встречи Михаила Семеновича с Инной после расставания.

— Она была единственным человеком, который меня понимал до конца...— с некоторой патетикой заявил Корицкий.

— Иначе говоря,— сказал Ермолин,— она поняла, что вы способны совершить тот шаг, который совершили?

— Вы не так меня поняли,— запротестовал Михаил Семенович.

— Почему же не так? Вас никто не понимал, все считали вас ученым-патриотом, ученым-гражданином. Все эти люди заблуждались, а Котельникова поняла вас правильно.

— Я не это имел в виду.

— Что же в таком случае?

Корицкий подавленно молчал.

— Или вы считаете, что понимать — это разделять веру в вашу особую звезду? Раздувать ваше тщеславие слепым поклонением?

И на сей раз Корицкий промолчал.

— Ну хватит об этом.— Ермолин прихлопнул ладонью по столу.— В конце концов Котельниковой нет, и мы никогда не узнаем полной истины о ваших отношениях. Не имеет значения, будете ли вы наговаривать на нее или, наоборот, возьмете всю вину на себя. Это невозможно проверить.

— Я понимаю...

— Хорошо, что хоть понимаете. Теперь скажите, почему вы не пришли к нам сразу или хотя бы вскоре после похорон Инны Александровны?

— Это трудно объяснить сейчас. Как невозможно, проснувшись, понять, что и почему делал во сне.

— А если попробовать?

Корицкий расстегнул пуговку под воротником рубашки, приспустил узел галстука, нервно дернув подбородком.

— Страх... Первое время я все ждал, вот-вот арестуют. Понимал, что самое лучшее — пойти куда следует и заявить обо всем. Не мог, боялся. Понимал и не мог. Это как паралич, человек видит, слышит, а пальцем шевельнуть не может.

— Чего же вы боялись, наказания?

— Только отчасти. Самое ужасное — это просто сказать: «Я изменил Родине...»

— Как же вы наконец решились?

— Когда мы с Инной разрабатывали наш план, то никогда не упоминали таких слов, как «измена», «предательство». Теперь я понимаю почему. Чтобы не пасть в собственных глазах. А когда я поговорил с этим человеком, оттуда...— Корицкий помолчал, вздохнул, потом закончил: — ...то все пришлось назвать своими именами. Сначала себе, теперь вот вам. Я понял, что не смогу выполнить то, что он от меня потребовал. Страх убил бы меня раньше... И я позвонил вам.

— А раскаяние?— это уже спросил Турищев.— Раскаяния в том, что вы совершили, выходит, не было?

Корицкий раздумчиво покачал головой.

— Я не отделяю этих мотивов друг от друга. Раскаяние — это тоже страх... Но уже перед содеянным. Субъективно, конечно, но я так чувствую.

— Вы готовы рассказать подробно обо всем, не устали?— спросил Ермолин.

— Готов.

— Тогда продолжим. Нас интересует прежде всего вопрос, когда и как была завербована Котельникова иностранной разведкой. Вам она наверняка рассказала об этом.

— И рассказала и не рассказала. То есть я восстановил историю ее измены из отрывочных рассказов, отдельных фраз, намеков, из ее поведения. Инна всегда была скрытна, замкнута и осторожна. Она понимала: если расскажет мне все сразу, я порву с ней или не приму ее чудовищного замысла, испугаюсь. Я не нашел сил воспротивиться...

— Как же вам представляется сейчас история ее предательства?

— Вы, наверное, уже многое знаете о жизни Инны, ее характере, ее слабостях. Нет, она не страдала модной теперь болезнью — вещизмом, не терпела модных и ненужных украшений, у нее был вкус к одежде и вещам. Она предпочитала внешнюю скромность во всем. Как я со временем стал понимать, Инна мечтала о чем-то большем, страдала идеей фикс — стать не просто богатой, не подпольной миллионершей, а богатой в западном понимании этого слова.

Она говорила об этом сначала как бы шутя, потом всерьез. Позднее от идеи перешла к ее воплощению. Ее напор был столь велик, что я не сопротивлялся, даже помогал ей — вот до чего может довести любовь!

— Только ли любовь?— строго спросил Ермолин.

— Нет, конечно. Извините. В основном честолюбие, зависть, желание скорей порвать с нелюбимой женой... Да, я начал с того, что по совету Инны восстановил добрые отношения с Осокиным. Сергей Аркадьевич охотно пошел на примирение.

...Воспользовавшись благоприятным случаем, Корицкий навел шефа на разговор о его зарубежных родственниках. Ничего худого не подозревая, Сергей Аркадьевич рассказал, что несколько лет назад он встретился с сестрой Елизаветой Аркадьевной, о которой ничего не слышал с сорокового года. После долгого перерыва ей хотелось побывать на родине. Она владелица салона мод, вот она и решила совместить свое желание посетить родину с намерением завязать деловые связи в Советском Союзе. Скоро снова должна приехать. Приезжал в Союз и племянник — Лео Дальберг, коммерсант.

Из этого разговора Корицкий понял, что, встречаясь с сестрой и племянником, Осокин душевно не воспринимал их как близких людей. Но он выяснил главное: в скором будущем Дальберг приезжает в Москву со своей коллекцией. С этого дня Инна стала постоянной посетительницей Дома моделей на Кузнецком мосту, где завязала приятельские отношения с несколькими работающими там женщинами. От них она узнала, когда и какие иностранные салоны мод будут выставлять свои коллекции в Москве. С их же помощью обеспечивала себя билетами почти на все сеансы.

После одного такого сеанса манекенщица Леля Бражевич, элегантная блондинка с несовременными фиалковыми глазами, но вполне современным умением устраивать свои личные дела, познакомила Инну по ее просьбе с госпожой Дальберг. Леле не мешало бы задуматься, зачем ее об этом попросили, но она теряла всякую способность мыслить и сопротивляться, когда ей делали комплименты по поводу ее внешности, безразлично, мужчины или женщины. Инна не скупилась на приятные слова и легко добилась своего.

После двухнедельной успешной демонстрации моделей в Москве салон «Перфект» переезжал в Ленинград.

Перед отъездом Елизавета Аркадьевна и Инна поужинали в ресторане «Чайка» у Малого Каменного моста. Инна, когда они садились за столик, шутливо упомянула, что москвичи называют романтическую «Чайку» «поплавком». Мадам рассмеялась.

За ужином говорили о Москве, о русских и других национальных модах в Советском Союзе, о том, как советские женщины одеты на работе, скажем, в учреждении, что предпочитают «на выход». Мадам Дальберг понравилось, например, как одевается ее племянница Светлана, дочь известного советского ученого Осокина.

— Сергея Аркадьевича?!— удивленно воскликнула Инна.

— Да. Я очень горда тем, что мой родной брат добился таких больших успехов в науке. Весь в деда и отца.

— Они тоже были металлургами?— снова удивилась Котельникова.

— Не просто металлургами. Они были признанными авторитетами в металлургии. Я как-нибудь в следующий свой приезд да расскажу вам о нашей разлученной Октябрем семье. Поэтому, Инна Александровна, вы поймете меня правильно, если скажу, что до сих пор пристально слежу по советской прессе за судьбой своего брата, за достижениями русской, простите, советской металлургии. Это в крови у меня, идет от семьи, хотя ровным счетом я ничего профессионально не понимаю в самой этой науке. Простите, а вы знаете Сергея Аркадьевича?

Упоминание об Осокине словно обожгло Инну. Она ухватилась за слова мадам Дальберг, сказала, что некоторым образом лично знакома с ученым. После всех похвальных эпитетов о брате Елизаветы Аркадьевны Котельникова вскользь заметила, что Осокин крупный организатор, он собрал у себя в институте талантливых людей, которые достойны своего учителя, а некоторые в своих идеях и практических разработках преуспели даже более его: время есть время.

Про себя Котельникова отметила: сестра ученого не обиделась на столь искреннюю и философски верную оценку заслуг ее брата.

Окончание следует.

ГРУЗИНСКАЯ ССР

НИЯ ЕДЕТ В ИКАБЬЮ

Семь лет прошло с той поры, когда строительно-монтажный поезд «ГрузстройБАМ» высадил свой первый десант на 102-м километре магистрали и приступил к сооружению станции и поселка Ния Грузинская. Сегодня Ния уже построена, живет, действует и признана самой красивой станцией на западном участке БАМа. А что делают строители? Где они сейчас?

На этот вопрос нам ответил начальник «ГрузстройБАМа» Анзор Варламович Двалишвили. Мы застали его в архитектурной мастерской Тбилгорпроекта, той самой мастерской, которая проектировала Нию Грузинскую. Он приехал из Читинской области поторопить тбилисских архитекторов с проектом новой станции на БАМе.

— Да, строим новую, вторую станцию,— сказал Анзор Варламович. И быстро набросал на листе бумаги очертания Центрального участка БАМа, Кодарский хребет, окруженную горами Чарскую долину — она являет собой кладезь полезных ископаемых — и где-то на 1034-м километре будущую станцию Икабью.

— Мы уже внедряемся в дремучую, совершенно необжитую местность на речушке Икабья. Поставили палатки, валим лес, расчищаем площадку для стройки. Мы — это отряд первопроходцев. Большая же часть наших ребят пока еще на Нии. Они завершают некоторые отделочные работы, разбирают наши дома для отправки в новый адрес, демонтируют и грузят технику. Все сейчас устремлено со сто второго на тысяча тридцать четвертый километр. Но путь не прост, приходится железной дорогой идти вкруговую, через Читу. Переселение вообще дело сложное: ведь мы обросли за эти годы! Помните, ваш журнал рассказывал как-то об Анзоре Лилуашвили, о том, как он создал на Нии семью? Так вот, недавно у него родилась дочь, ее назвали Нией. Маленькая Ния тоже собирается совершить путешествие в Икабью.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

На снимке: архитектор Леван Бокерия, заслуженный архитектор Грузинской ССР Владимир Куртишвили, начальник «ГрузстройБАМа», заслуженный инженер Грузинской ССР Анзор Двалишвили и архитектор Валерий Бахтадзе обсуждают проект застройки поселка Икабья.

Фото Б. Двалишвили

УЗБЕКИСТАН

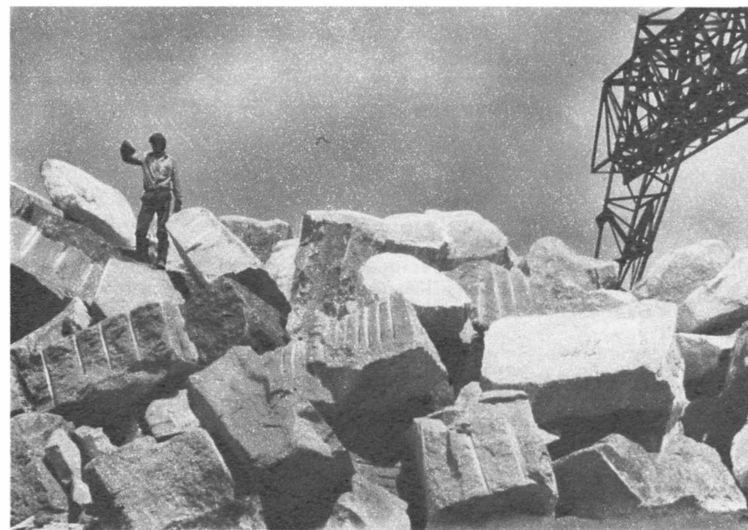
ПОРТНОЙ НОВОГО ТАШКЕНТА

В недрах Узбекистана залегают огромные запасы мрамора и гранита, отличающихся богатством узоров и цветовых оттенков. Ныне этот красивейший и долговечный облицовочный материал стал важным компонентом отечественной архитектуры. Он вызвал интерес также у зарубежных зодчих на международных выставках в Сирии, Шри-Ланке, Мексике, Турции.

Большая часть продукции камнеобрабатывающих предприятий Узбекистана направляется на новостройки Москвы, Ленинграда, Сочи, Кисловодска, Ульяновска, Новосибирска, в зарубежные страны.

Неподалеку от Ташкента расположен Газалкентский камнеобрабатывающий комбинат, который узбекские архитекторы прозвали «портным нового Ташкента». Именно газалкентские мраморные и гранитные «костюмы» из отшлифованных до зеркального блеска плит сделали празднично нарядными станции ташкентского метрополитена, многие здания административных и концертно-зрелищных учреждений, новых жилых кварталов.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: мраморные глыбы разгружают на Газалкентском комбинате.

Фото А. Ванштейна

КУРСКИЕ УЗОРЫ

Чай из самовара всегда вкуснее. Сама обстановка — самовар под парами, на конфорке чайник с наваристым ароматным напитком, красивый поднос — располагает к приятному чаепитию.

В музее Курского учебно-опытного комбината художественной росписи по дереву мне показывали самовар, расписанный под хохлому. Сделан он в Туле, а яркую роспись получил в Курске, на комбинате художественной росписи. К этому самовару куряне предложили чайный сервиз с ложками, выполненный в той же манере.

Эта новинка — только одно из многих изделий цеха художественной росписи по дереву при Курском областном управлении лесного хозяйства. Цех был создан десять лет назад. Обучать мастеров пригласили художника из города Семенова — родины хохломы — Веру Васильевну Смирнову.

— За это время мы подготовили более ста художников для себя и пятьдесят для родственных предприятий,— говорит главный художник комбината Александра Ивановна Комиссина, тоже хохломчанка. — Из лесхозов Архангельской, Мурманской, Орловской, Брянской и других областей приезжали к нам учиться. А через полгода уже имели третий разряд мастера росписи по дереву.

Изящные шкатулки, солонки, чашки — это все из древесины. Художники, расписывающие их, либо копируют хохлому, либо ищут что-то новое, свое.

Как-то произошел курьезный случай. Министерство лесного хозяйства РСФСР готовилось к республиканской выставке. Отбирали лучшие изделия. Пересмотрели десятки экспонатов, присланных из многих мест и, конечно, из знаменитого Семенова. Специалисты отобрали «самое-самое» в надежде, что имеют дело с настоящей хохломой. Заглянули в этикетку, а там... курский адрес.

Курские изделия отличает насыщенный и красочный рисунок. Слава о них дошла до Кубы, Бразилии, Бельгии, Чехословакии — дипломы с выставок в этих странах хранятся в музее учебно-опытного комбината. Набирает силу искусство курян. Появились новые просторные цеха, улучшилась культура производства, стал разнообразнее ассортимент. Мастера создают свое, неповторимое, местное. Разрабатываются рисунки для шкатулок из жизни курян и панно из цикла «Куряне — славные воины».

К. ХРОМОВА

На снимке: самовар и чайный набор, разрисованные под хохлому.

•НОВОСТИ• ИНТЕРВЬЮ• РЕПОРТАЖ•

ПОЭЗИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ — СЕСТРЫ

Сергей МАРКОВ

Гавана. Фото В. Кучерова

26 июля 1953 года на Кубе началось национальное восстание. Штурм казарм Монкада группой патриотов во главе с Фиделем Кастро положил начало всенародной борьбе, увенчавшейся победой революции в 1959 году.

Известный кубинский поэт и писатель Элисео Диего принял революцию сразу. Он участвовал в кампании по ликвидации неграмотности, учительствовал в городах и в глухих селах, работал над специальными просветительными изданиями. Переводы Элисео Диего открыли кубинцам русскую классическую и советскую поэзию, помогли широким массам приобщиться к достижениям мировой культуры.

Стихи, небольшие рассказы и новеллы Элисео Диего читают как на испанском, так и на английском, французском, польском, итальянском, венгерском. На русском языке публиковались его стихи, новеллы.

Много лет Элисео руководит литературными мастерскими в разных городах страны. Это подобие наших литературных объединений при университетах, больших заводах, фабриках, армейских гарнизонах. В них занимаются в основном люди, для которых писать не профессия, но то, без чего невозможно жить. Диего уверен в том, что обязанность писателя не только сочинять, но и деятельно заботиться о повышении мастерства молодых. Предисловия, эссе, критические заметки его о молодых поэтах и прозаиках точны, кратки и глубоки. В почтовом ящике перед домом Диего часто не умещаются присланные ему рукописи.

Несмотря на мягко интеллигентную внешность, у Элисео Диего сильный характер. Прежде всего он проявляется в неумолимой, порой беспощадной требовательности к себе, к своему творчеству.

В первые годы революции в общем потоке «разговорной поэзии», когда темой стихотворения и даже поэмы могло стать опоздание на фабрику, невыполнение нормы, когда пропорция поэзии и действительных поэтов была явно нарушена, Элисео Диего остался верен себе — патриот искренний и истинный, не кричащий о своем патриотизме. Нет, Диего никогда не был сторонником чистого искусства, удаленного от тревог, от времени и страны. Рождение, любовь, мысль, смерть — вот его темы, но в каждом стихотворении, в каждой новелле — правдивое и точное отражение времени.

— «Разговорная поэзия» — это болезнь роста,— говорит поэт.— В стране вдруг сменился ритм, сердце как бы застучало с новой частотой. Теперешнее состояние литературы и поэзии меня радует. С удовольствием слежу за развитием талантов Риверы, Наварро, Ногераса... Радует, что молодые не боятся разрабатывать все новые и новые пласты тем, поэзия нынешняя сложней, глубже и тоньше той, которой восхищались в шестидесятых годах. Я бы сказал, сам лирический герой стал внутренне интеллигентней и откровенней.

— А вашим неизменным героем остается время,— говорю я.

...Близился рассвет, юго-восточный бриз незаметно сдвинул разбухшие облака к северу, в сторону материка, густота ночи над Мексиканским заливом начала разрежаться. Мы шли вдоль парапета набережной. На острые пни ракушечника мягко накатывались прозрачные фосфоресцирующие волны.

— «Вчера, сегодня, завтра...» — пожалуй, мое самое любимое из ваших стихотворений, переведенных на русский.

— Правда? — улыбается Элисео.— Мне очень приятно, потому что и я его люблю. В нем большая, может быть, главная тема:

Все в свой черед. И сам я —
череда.
Мое вчера идет за мной по следу.
И в миг, когда я праздную победу,
Уже в затылок дышит мне беда.
...Что значит быть? Струиться
поневоле
из «нынче» во «вчера», из «ах!»
в «навеки»,
из утреннего «есмь» в ночное
«был».

Крупная голубая звезда насквозь прошивает небо. Из четырехэтажного дома доносятся брызги смеха...

— Вы знаете,— говорю я,— мне рассказывали, что вы влюблены в русскую литературу...

— Да, можно и так сказать,— мягко, лучисто улыбается Элисео.

— Вы ведь уже много лет возглавляете на Кубе группу поэтов, которые занимаются переводом стихов и поэм зарубежных авторов. Вы лауреат международной премии имени Горького, присуждаемой лучшим переводчикам русской, советской литературы...

— Думаю, что главную роль в этом сыграли мои переводы Есенина. Самый близкий мне поэт по духу да и по стилю...

«Пахнет рыхлыми дроченами,— вспоминаю строки из есенинского стихотворения «В хате»,— у порога в дежке квас». Интересно, возможно ли их перевести на какой-нибудь язык?

—«Конечно, неверно было бы говорить, что Есенина переводить легко,— продолжает Диего.— Брюсов, кажется, точно сказал, что передать создания поэта с одного языка на другой невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты». И поэт читает на испанском языке «Письмо к матери». Некоторые строчки повторяет по нескольку раз. Но не посвящает в трудности переводческой работы, а как бы убеждает, что по-испански все это тоже замечательно, хоть и трудно кубинцам, например, окунуться вдруг в атмосферу Москвы кабацкой или увидать цветущую черемуху, но вот загадка поэзии — возможно!

— Я часто задумываюсь: что больше всего привлекло меня к русской литературе. Глубина, психологизм, духовность... Но главное — чудесная гармония. Взять Толстого или Достоевского, Чехова или Булгакова. Удивительная, потрясающая связь со временем, его духом, ритмом, гениальное чувство времени, несвойственное в такой степени, пожалуй, ни одной литературе мира. И еще — гармония с душой нации, с ее землей. Особенно глубоко ощутил я это во время одного из моих приездов в Москву. Был морозный солнечный январь, воздух был хрустальным, я один гулял по Москве, шагал по хрустящему снегу Пушкинской площади, и вокруг слышалась непонятная, но прекрасная речь, язык, на котором говорили Анна Каренина, князь Мышкин, на котором думал Пьер в ту самую минуту, помните, когда увидел над головой огромную комету, предвещавшую войну... И была секунда прозрения... Я верю, что человек способен понять в одно мгновение то, что старался постичь целую жизнь. И я уже твердо знал, возвратившись в гостиницу, что для меня главное в русской литературе. Но вот беда — не все дано нам выразить словами.— Диего разглаживает бородку, прикуривает от зажигалки новую сигарету.

— У меня есть знакомая девушка из Доминиканской республики — Миңу. Она учится на филологическом факультете Гаванского университета. Из богатой семьи, в Санто-Доминго у них дома, машины... Так вот, эта девушка... Представляете, всю жизнь она влюблена в князя Андрея и сколько раз перечитывает последнюю их сцену с Наташей, столько плачет. А казалось бы, совершенно другое воспитание, другой мир... Но говорить о русской литературе я могу бесконечно.

Поэт подарил мне книгу своих стихов. В предисловии к ней он рассказывает о себе:

«Я родился в Гаване 2 июля 1920 года. В шесть лет во время поездки во Францию я вдруг обнаружил, что жить странно и невероятно прекрасно. Потом со мной произошло много удивительного, что подтвердило это открытие: осознание родины, любовь, дети, наконец, Революция. (Если мне скажут, что с тысячами людей происходит то же самое, я отвечу, что это лишь умножает число чудес в тысячи раз.) Чтобы немного отдохнуть от чудес, я написал несколько книг, написал так, как мог...

Я еще не утратил надежды написать и другие книги, прежде чем в страшных скобках, столь любимых составителями антологий, рядом с датой моего рождения появится дата последнего потрясения».

Лиловый луч прожектора внимательно ощупывает волны, идущие к Гаване из плотной, несмотря на луну, черноты. Они крупные, океанские. Мы присаживаемся на широкий теплый парапет и молча смотрим на воду.

— Вот она, вечность,— задумчиво и тихо, почти шепотом говорит Элисео.— Ведь и тысячу и десять тысяч лет назад катились такие волны к берегу и отступали в темноту... Как интересно все-таки жить, мыслить, чувствовать себя частицей космоса, наделенной поразительными талантами: видеть, слышать, любить... Давным-давно, в молодости, такие вот благодарные строчки я написал: «С горьким, смертельным привкусом рыданья в горле я возблагодарил за все эти вещи и пошел, и сел на скамью, на свету в одиночестве и наслаждении от возможности видеть, пересчитывать и называть их...» И очень жаль мне тех, кто лишен дара постоянно находить в жизни поэзию, кто похоронил ее в себе под материей... Мне думается, что чувство поэзии — я вовсе не говорю сейчас о профессиональном литераторстве — в человеке начинается с чувства к родине. Родина и поэзия — освещенная временем память. «...Но есть ли мгла такая, чтоб смогла,— читает Диего строки одного из последних своих стихотворений, посвященного Пабло Неруде,— затмить огонь, горящий в очаге, который он сложил из безупречных и чистых слов, хотя он и ушел, его глаголы боевые будут сражаться за него, как он сражался. Нет смерти, если свет истекшей жизни струится в темных рощах забытья».

Гавана — Москва.

Леонид **МЕДВЕДКО**

ЕГИПЕТ: ДВЕ ГЛАВЫ И

Прошло три бурных десятилетия с тех пор, как 23 июля 1952 года группа «свободных офицеров» во главе с Гамалем Абдель Насером свергла королевский режим в Египте. Мало сказать, что революция на Ниле пробудила «египетского Сфинкса». Она открыла целую историческую полосу освободительных революций арабских народов. Именно в этот период вместе с последними бастионами колониализма рухнули королевские режимы в Ираке, Йемене, Ливии. На развалинах колониальных и полуколониальных режимов образовались независимые арабские государства. Многие из них избрали путь социалистической ориентации. Борьба арабских народов против старых и новых колонизаторов, против империалистических интервенций и сионистской агрессии, борьба за укрепление национальной независимости и социальный прогресс неизменно поддерживается Советским Союзом и странами социалистического содружества.

Путь борьбы, однако, оказался намного длинней и трудней, чем это представлялось вначале. Зигзаги самой египетской революции, которая оказалась отброшенной назад капитулянтством Садата, многие драматические события в других арабских странах, открытые вооруженные интервенции империалистов, закулисные, тайные заговоры, агрессивные войны Израиля и оккупация им арабских земель, наконец, разыгравшаяся в наши дни кровавая трагедия в Ливане — за всем этим действовали и продолжают действовать неоколониалистские силы, возглавляемые Соединенными Штатами.

За прошедшие три десятилетия много утекло воды в Ниле. Немало событий произошло за это время и на его берегах. Одни из «свободных офицеров», делавших июльскую революцию, ушли уже из жизни. Другие сошли с политической арены.

28 сентября 1970 года перестало биться сердце первого президента Египта Гамаля Абдель Насера. Он был признанным лидером не только египетской революции, но и всего арабского освободительного движения. Сердце президента, как писала тогда египетская печать, разорвалось от боли за трагическую судьбу палестинского народа, подвергающегося геноциду у себя на родине и неисчислимым страданиям в изгнании. Смерть настигла Насера после многотрудных переговоров со съехавшимися в Каир арабскими руководителями, чтобы положить конец братоубийственной иордано-палестинской войне 1970 года. Насера хоронил весь Каир, весь Египет. Не менее пяти миллионов человек вышло в тот день на улицы египетской столицы, чтобы выразить свою печаль, неизмеримое горе всего арабского мира.

Одиннадцать лет спустя, 6 октября 1981 года, был убит преемник Насера на посту президента, Анвар Садат. Он тоже был одним из «свободных офицеров» — организаторов июльской революции. Правда, в самом вооруженном выступлении он фактически не участвовал — провел тот вечер с женою в кино. Но тем не менее на следующий день именно Садат выступил по радио с первым обращением «свободных офицеров» к египетскому народу. Похожим образом Садат через двадцать с лишним лет объявил себя и главным «героем» октябрьской войны 1973 года. Успехи египетской армии, созданной и подготовленной Насером, Садат попытался с такой же легкостью приписать себе, с какой он предал идеалы Насера и цели самой египетской революции. Путь капитуляции перед империализмом и сионизмом завел Садата в тупик, завершился драматическим финалом: он был изрешечен пулями в момент, когда принимал парад в честь очередной годовщины октябрьской войны. В отличие от всенародного горя по случаю кончины Насера похороны Садата напоминали не столько траурную процессию, сколько протокольную церемонию с усиленным полицейским обеспечением. В ней приняло участие не более 600 человек... и... несколько тысяч полицейских и агентов службы безопасности.

Две жизни — две главы современной египетской истории. Первая из них, открытая июльской революцией, была написана народом Египта и связана с именем его верного сына, признанного вождя арабского освободительного движения Гамаля Абдель Насера.

Им были сформулированы шесть главных принципов революции: Выгнать империалистов! Изжить феодальные пережитки! Покончить с засильем иностранного капитала! Добиться социальной справедливости! Создать сильную национальную армию! Установить подлинную демократию!

Не все эти принципы удалось осуществить. Многие из них остались незавершенными. Но Насер до последнего удара сердца боролся за эти принципы. И на этом пути достигнуты были впечатляющие успехи. Английские войска выдворены из Египта. Национализирована была англо-французская компания Суэцкого канала. Насер захлопнул двери перед иностранным и крупным египетским капиталом. Предпринято было наступление и на политические позиции помещиков и капиталистов. Начата была аграрная реформа. Создан государственный сектор в промышленности. Во внутренней политике Насер, хотя и не всегда последовательно, искал опору в широких слоях трудового народа и передовой интеллигенции. На внешнеполитической арене он проводил курс на всестороннее сотрудничество с Советским Союзом. Благодаря этому Египет сумел выстоять и в дни «тройственной» агрессии 1956 года, и после израильской агрессии 1967 года, и в годы навязанной ему войны «на изнурение», более того, добиться значительных успехов в октябрьской войне 1973 года. Постоянная забота Насера о повышении боеспособности национальных вооруженных сил увенчалась их убедительной победой при форсировании Суэцкого канала, когда был развеян миф о непобедимости израильской армии.

Жизненный путь Насера как политического деятеля — революционного демократа — отражает в значительной степени сложность развития самой египетской революции со всеми ее приливами и отливами, победами и поражениями. Главная черта Насера — его искреннее и постоянное стремление идти всегда вперед. Сама логика борьбы подсказывала ему единственно правильный путь — путь прогрессивных социально-экономических преобразований внутри страны, укрепление арабского единства на антиимпериалистической основе и развитие сотрудничества со странами социализма. Вместе с тем Насер не сумел, а может быть, просто не успел создать такой механизм, оставить после себя такие общественные институты, которые обеспечили бы преемственность и последовательное продолжение его прогрессивного курса. У Насера было много сторонников, но, по существу, не было организованной силы — авангардной партии, способной отстоять завоевания революции. В этом была слабость позиции режима Насера. В этом же состоит и важнейший, один из наиболее поучительных уроков июльской революции.

Вторая глава современной египетской истории, связанная с именем Садата, была ознаменована свертыванием революции и наступлением контрреволюции. Опираясь на местную буржуазию и арабскую реакцию, Садат сумел после смерти Насера довольно быстро устранить его сторонников и установить военно-полицейский режим. Преемник Насера на посту президента не стал продолжателем его дела. Он не просто растерял многие завоевания, а предал сами идеалы египетской революции.

Капитулировав перед врагами Египта и арабских народов, Садат услужливо распахнул двери перед неоколониализмом, назвав это «инфитахом» — политикой «открытых дверей». Начав с «инфитаха» в экономике Египта, Садат пришел в конце своего пути к «стратегическому сотрудничеству» с американским империализмом на Ближнем Востоке. В откры-

тые Садатом двери стал снова активно прорываться колониализм со своими базами, аэродромами, интервенционистскими силами и военно-политическими блоками.

Садата уже нет. Но посеянные им в Кэмп-Дэвиде семена капитулянтской политики дали сейчас кровавые всходы в Ливане. Эта страна подверглась, по существу, объединенной израильско-американской агрессии, нацеленной против Палестинского движения сопротивления, против всех арабских освободительных революций.

Египет со смертью Садата оказался на распутье. Садат оставил новому руководству Египта тяжелое наследие. Преданы забвению многие из тех принципов, которые были провозглашены июльской революцией. Восстановлено засилье иностранного и паразитического местного капитала. Увеличившийся разрыв между богатством и бедностью привел к возрождению социальной несправедливости в еще больших масштабах. Внешний долг страны приближается к 20 миллиардам долларов. Это превышает национальный доход Египта. Дефицит его торгового баланса за время правления Садата увеличился почти в 30 раз! Безудержно растут инфляция и цены.

Коррупция и казнокрадство приняли в стране такие масштабы, что новый президент Мубарак с первых дней своего правления вынужден был заявить о необходимости решительной борьбы с ними. Из состава правительства были выведены наиболее одиозные фигуры, скомпрометировавшие себя воровством и грязными махинациями. Среди них и главный теоретик «инфитаха» заместитель премьер-министра Абдель Магид, родственник Садата мультимиллионер Осман Ахмед Осман. Возбуждено следствие и против братьев Садата — Исмета и Тарика. Они замешаны в грязных махинациях с американскими поставщиками оружия. В поле зрения прокуратуры попала и подозрительная торгово-предпринимательская деятельность жены покойного президента Садата Джихан. По обвинению в коррупции и торговле наркотиками арестован член парламента от правящей партии миллионер Рашад Осман.

Из всех наиболее насущных проблем самая острая и злободневная задача, с решения которой начинала июльская революция, состоит в избавлении от военного присутствия империализма на египетской земле. Вновь Египту навязывают иностранные военные базы и сомнительные «стратегические союзы». Под предлогом участия в совместных маневрах над пирамидами с ревом проносятся американские стратегические бомбардировщики и маячат на рейде Александрии корабли 6-го флота США. На Синае патрулируют американские солдаты в составе так называемых «многонациональных сил». В любой момент они могут стать авангардным контингентом американских «сил быстрого развертывания». Израильская оккупация подменяется американской. И все это делается в рамках доставшегося в наследство от Садата «кэмп-дэвидского мира».

Время покажет, какая из глав новейшей истории страны получит свое продолжение при новом руководстве. Последние события как в самом Египте, так и на Ближнем Востоке говорят о бесперспективности курса Кэмп-Дэвида и всей политики Садата. Будущее за принципами, провозглашенными июльской революцией. Ее опыт и уроки имеют поэтому и в наши дни непреходящее значение. Они актуальны и сегодня, ибо империалисты, не сумев подобрать ключи к вождю египетской революции Насеру, по сей день пытаются теми же методами — не мытьем, так катаньем — навязать арабам колониальное господство на вашингтонский манер.

СТОРИИ

Фаиз Ахмад ФАИЗ

Я ВИДЕЛ ВСЕ ЭТО

Встреча с человеком, вырвавшимся из-под бомбежек и артобстрелов горящего блокированного Бейрута, видевшим своими глазами мужественное и героическое сопротивление палестинских патриотов многотысячной и до зубов вооруженной новейшим оружием израильской армии, представляла огромный интерес. Гость редакции «Огонька» — известный пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Ему не дашь его семидесяти — подвижен, энергичен, с неизменной мягкой, чуть стеснительной улыбкой. Он как бы смущается горячим и живым вниманием к нему. А ведь это человек, прошедший трудный, тернистый, суровый путь борца, патриота, поэта, интернационалиста.

Много лет Фаиз Ахмад Фаиз провел в тюрьмах Хайдарабада и Монтгомери. Власти Пакистана хотели заставить его замолчать, задушить его песню; в немоте, отчаянии и одиночестве сломить борца; измотать, раздавить пламенную душу поэта. Но стихи рвались из тюремной камеры. Они не знали границ. И под напором мировой общественности власти скрепя сердце были вынуждены освободить поэта-борца.

Преданный анафеме у себя на родине, в Пакистане, он вынужден был выехать за границу и продолжал бороться за правду, свободу и счастье народа своим поэтическим словом.

Фаиз Ахмад Фаиз стоял у истоков организации афро-азиатской солидарности писателей, он один из основателей журнала Ассоциации писателей стран Азии и Африки «Лотос». Сейчас он главный редактор этого журнала, редакция которого располагается в Бейруте.

Фаиз Ахмад Фаиз говорит чуть глуховато, слова его наполняются гневом и скорбью, когда он рассказывает о палестинских братьях, сражающихся с наседающими со всех сторон израильскими вояками.

— Я здесь, в Москве, среди своих близких друзей, в безопасности и на свободе, но, оглядываясь назад, я вижу ад бомбежек, плач детей, крики женщин и стоны раненых. Изуродованные трупы людей, торчащие из развалин домов руки, взывающие о помощи. Я и сейчас удивляюсь тому, что я остался жив, что сижу среди вас.

Я знаю, вы хорошо осведомлены о том, что происходит сейчас в Ливане, знаете это из газет и журналов, смотрите по телевидению. Но реальность гораздо страшнее, гораздо более жестока.

Еще перед вторжением израильских агрессоров Бейрут трижды подвергался бомбардировкам сионистских стервятников. Горели здания, санитарные машины с воем вывозили раненых, родные рыдали над трупами погибших. Обстановка в Ливане была напряженная. Шли бои между Национально-патриотическими силами Ливана и Палестинским движением сопротивления, с одной стороны, и правыми, фашиствующими группировками — с другой. Должен сказать, эти столкновения часто были спорадическими: то вспыхивала стрельба и постепенно затухала, то вновь неожиданно раздавались автоматные очереди. Особенно напряженно было на юге Ливана, где марионетка Израиля, финансируемый и вооруженный сионистами предатель ливанского народа майор Хаддад со своей бандой совершал подлые нападения на палестинские лагеря.

6 июня израильтяне совершили массированный налет на Бейрут. Сколько жертв было, мы не знаем. Предполагается, что их были тысячи. Точных цифр нет, потому что вслед за этим началось вторжение израильских войск. Танки и бронетранспортеры терзали ливанскую землю. Их поддержали авиация и корабли с моря. Палестинские отряды оказывали героическое сопротивление. Сионисты рвались к Бейруту. По пути они безжалостно уничтожали поселения, деревни, лагеря палестинцев, исторические ценности... Сайда, Тир, Набатия — древнейшие города Средиземноморья, колыбель человеческой цивилизации, и все это превращалось в руины, щебень, пыль, все предавалось огню.

Силы были слишком неравны, однако мужественное сопротивление палестинцев замедлило наступление израильских войск. Блицкриг Тель-Авива провалился. Им понадобилось семь дней, чтобы дойти до Бейрута. Они блокировали западную часть города, которая стала оплотом сопротивления палестинцев и ливанских патриотов. Израиль подвергает город постоянным обстрелам и бомбардировкам. Бомбят и днем и ночью. Причем город оказался совершенно беззащитен от нападения с воздуха: нет бомбоубежищ, нет даже светомаскировки. Разрушения ужасны. Они бомбят больницы и санитарные пункты. И никто не узнает и никто никогда не сочтет, сколько людей похоронено под обломками разрушенных зданий.

Но сопротивление нарастало с каждым днем. Израильтяне вновь и вновь откладывали штурм западного Бейрута, зная, что понесут огромные жертвы, что палестинцы и бойцы Национально-патриотических сил Ливана будут драться до конца, до последнего патрона, до последнего солдата.

«Мы не сдадимся! Мы будем продолжать борьбу!» — эти призывы я слышал по радио, которое работало 24 часа в сутки. И все это время транслировались песни, читались стихи. И боевой дух патриотов не был сломлен. А ведь это война почти стотысячной израильской армии, оснащенной самым современным американским оружием, с шеститысячным отрядом добровольцев. Но эта пятая арабо-израильская война стала самой изматывающей для Тель-Авива, самой продолжительной, самой кровопролитной и самой дорогостоящей. И я думаю, в Тель-Авиве почувствовали это. Сионисты зашли в тупик. Палестинцев несколько миллионов, и на место павших встанут новые бойцы, которые продолжат дело своих братьев.

Мировое общественное мнение тоже на стороне палестинцев. 127 государств в Организации Объединенных Наций проголосовали за прекращение военных действий в Ливане, за вывод израильских войск, и только две страны — США и Израиль — проголосовали против. Я считаю, что мир на Ближнем Востоке будет лишь тогда, когда у палестинцев будет своя родина, когда они вернутся на свою землю, когда Израиль выведет войска со всех оккупированных им арабских территорий. Альтернативы этому нет.

Беседу записал В. ДУНАЕВ.

«ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ...»

«Уважаемая редколлегия «Огонька»!

Прочитал в вашем 19-м номере фельетон Вл. Митина «Обжалованию не подлежит...». Не нахожу слов, чтобы выразить всю силу гнева, вызванного бесчеловечным отношением к семье погибшего героя-фронтовика, к его дочери и больному внуку...

Не верится, что это произошло в наши дни. Я искренне убежден, что правда восторжествует, а виновные понесут заслуженное наказание за бездушное отношение к судьбам человеческим!.. Убедительно прошу сообщить, чем же кончилась эта неприглядная история. Чем лично могу помочь Маркеловым?..

Участник Великой Отечественной войны, фронтовик, полковник запаса пограничных войск КГБ СССР Пономаренко Иван Мартынович».

Напомним, о чем шла речь. После развода с мужем-москвичом одесситка Г. А. Маркелова возвратилась к матери, на площадь, которую занимала до замужества. Вскоре мать умерла. Воспользовавшись тем, что Маркелова не соблюла некоторых формальностей, исполком Центрального района г. Одессы обратился в нарсуд того же района с иском о выселении Маркеловой. Суд этот иск удовлетворил, не приняв во внимание исключительно тяжелые обстоятельства, в которых оказалась Маркелова.

После опубликования фельетона в редакцию поступили сотни писем от людей самых разных возрастов и профессий. Письмо Ивана Мартыновича мы привели целиком потому, что оно пришло первым. В нем выразилось настроение, общее для всех писем.

Мы говорим не о возмущении, не о гневе. Мы имеем в виду более высокие эмоции. Не созерцательное сочувствие, но активное вмешательство в беду, в участь ближнего. Вот импульс, побудивший читателей взяться за перо.

Особенно много писем от ветеранов Великой Отечественной. Это и понятно. Пишет инвалид войны Иван Тимофеевич **Смирнов:**

«А где же были прокурор, отдел юстиции, другие организации Одессы? Почему позволили глумиться над дочерью фронтовика, над его священной памятью?.. Пожалуйста, пошлите это письмо председателю Одесского горисполкома!»

Пишет группа фронтовиков:

«Жаль, что, наверное, боевые сослуживцы подводника Маркелова уже ушли из жизни. Но мы, ветераны 51-й армии, живы. Мы будем защищать его семью и внимательно следить за развитием событий...»

Нам очень приятно отметить, что в письмах обсуждаются моменты, не исследованные в фельетоне. Кстати, некоторые читатели «Огонька» считают, что и фельетоном нельзя называть огоньковское выступление. «Скорее,— полагает волгоградец **Чеботарев,**— это информация чрезвычайной важности, которая должна привлечь всеобщее внимание даже к мельчайшим проявлениям формализма... Прикрываясь буквой закона, пытались женщину с больным ребенком оставить без крова...»

Спору нет, заявляют в своих письмах юристы, закон есть закон, и никому не позволено его преступить. «Но в данном случае,— пишет юрист **В. Незванцев** из Ленинграда,— судьи Центрального района забыли, что руководствоваться должны были не только формальной стороной, но и социалистическим правосознанием...»

«Мы тоже работники исполкома,— пишут советские работники.— Мы всегда готовы помочь людям в беде добрым словом и делом. Мы знаем о правилах выписки и прописки, но, кроме них, существует человеческое понимание людей, о котором, видимо, забыли в исполкоме и нарсуде Центрального района Одессы... По законам человеческого общежития надо было не обижать, а срочно помочь Маркеловой... Передаем ей теплые слова поддержки. Как матерей, нас интересует здоровье ее ребенка. Мы верим, что рядом с Галиной Александровной найдутся и добрые люди, которые помогут ей и отогреют ее своим душевным теплом.

Осипова и **Алексеева,** Крестецкий р-н Новгородской области...»

Дорогие товарищи Осипова и Алексеева, редакция «Огонька» заверяет вас, что такие люди есть. И не только рядом с Маркеловой, но и в Свердловске и в Джезказгане, Хабаровске, Воркуте и Ереване. Их много. «Послушайте, мы с мужем очень волнуемся... Верим, что все кончится благополучно, а если нет, рассчитывайте на нас... Мы — пенсионеры, ветераны труда. Квартирка у нас небольшая, но уютная. Галине с ребенком будет у нас хорошо... (**Нехлюдовы,** г. Рязань)». «Дорогая Галина Александровна! Если нет больше сил судиться, плюньте на все и перебирайтесь к нам в Крым, да и сынишке вашему здесь будет лучше, ей-богу... (**А. В. Нечипорук**)». «Милый «Огонек»! Посоветуй, как я могу оказать конкретную помощь Маркеловым? Я кадровый рабочий, зарабатываю хорошо, жил спокойно, а теперь вот очень боюсь за судьбу мальчишки и готов сделать все посильное. Есть ли еще время?.. (москвич **В. Борисов**)».

Почти все читатели пишут еще и вот о чем:

«...Мне непонятно, почему в фельетоне не названы поименно лица, проявившие такое отношение к семье Маркеловых... Кто же позволил попирать наш моральный кодекс? Ставить точку в фельетоне рано, даже если все кончилось благополучно для Г. Маркеловой. Все, кто причастен к этому безобразию, должны понести наказание со всей строгостью. Подполковник запаса харьковчанин **Е. И. Ситников».**

А теперь о том, что интересует авторов писем, пожалуй, больше всего. Пишут медработники из Тернополя, супруги **Свистуны:**

«Нам кажется, что исполком был обязан не отбирать квартиру у Маркеловых, а дать им ее в любом случае. Ведь не только за своих детей воевал их отец и дедушка... Что сейчас с Галей и ее сынишкой?..»

Двое волгоградских рабочих, **Брагин** и **Луконин,** были в командировке в Одессе и зашли к Г. Маркеловой. Вот что они застали:

«Нажимаем на звонок, никакого результата. Постучали, вошли, в квартире темно. После фельетона местные деятели «вырубили» свет у Маркеловой. Неужели и воду отключат? А впереди — отопительный сезон...»

Пишет сотрудница детского тубсанатория:

«Когда впервые Ваня Гришин (Маркелов) поступил к нам, это был маленький старичок. Он не играл в детские игры, а часами играл сам с собой... в суд. Ведь матери приходилось таскать его по судам... А сейчас, под нажимом, мальчика из санатория выжили...»

В редакцию пришли два официальных ответа на нашу публикацию.

«Факты, указанные в фельетоне «Обжалованию не подлежит...», проверены. На решение народного суда Центрального района г. Одессы от 19.02.82 г., которым удовлетворены исковые требования исполнительного комитета Центрального районного Совета народных депутатов о выселении Маркеловой Г. А., Прокуратурой СССР принесен протест в Президиум Одесского областного суда. В протесте поставлен вопрос об отмене состоявшихся по делу судебных постановлений и направлении его на новое рассмотрение.

Генеральный прокурор СССР, действительный государственный советник юстиции А. М. РЕКУНКОВ».

И второе письмо, из Одессы:

«В порядке надзора дело Маркеловой Г. А. находилось у Генерального прокурора СССР, который опротестовал решение Одесского областного суда о выселении Маркеловой Г. А. из квартиры, ранее принадлежавшей ее матери Маркеловой Н. Г.

Президиумом областного суда по протесту Генерального прокурора СССР будет определен срок нового судебного заседания по окончательному решению вопроса.

Заявления находятся на контроле горкома партии, окончательный ответ будет дан по окончании слушания дела в суде.

Секретарь Одесского горкома Компартии Украины Е. СТЕЦЕНКО».

Подождем теперь, чем закончится дело.

В заключение редакция благодарит всех откликнувшихся на выступление «Огонька» и просит извинения за то, что не смогла ответить каждому в отдельности.

Вл. МИТИН

Народный художник СССР Д. А. Налбандян и директор галереи Уффици Лучиано Берти.

ЭТО БЫЛО В УФФИЦИ

Флоренция — один из самых великих художественных центров планеты, город Ботичелли, Леонардо, Микеланджело... Здесь — жемчужина наравне с Лувром и Эрмитажем в короне музеев мира — Уффици.

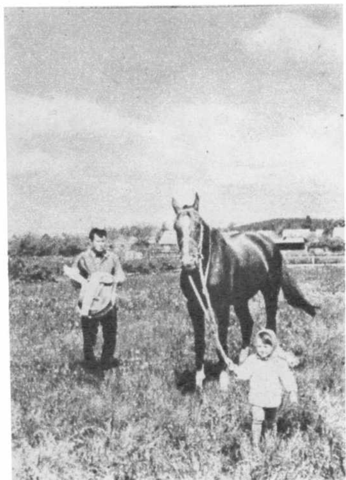
1982 год — год четырехвекового юбилея знаменитой галереи. Именно в этом собрании хранится единственная на земле уникальная коллекция автопортретов известных художников, насчитывающая свыше тысячи полотен. Между ними автопортреты русских мастеров — Ореста Кипренского, Карла Брюллова, Ивана Айвазовского, Ильи Репина, Бориса Кустодиева.

По случаю 400-летия Уффици ее директор Лучиано Берти предложил пополнить галерею автопортретов. Теперь сюда поступили многие автопортреты художников из разных стран мира, были представлены работы Ренато Гуттузо, Эмильо Греко и Джакомо Манцу — интересных современных мастеров.

Среди советских художников получил приглашение дать свой автопортрет народный художник СССР, академик Дмитрий Налбандян.

...Недавно Дмитрий Аркадьевич Налбандян был приглашен во Флоренцию. Его принял директор Уффици Лучиано Берти вместе с группой своих помощников и подписал, как заведено веками, акт о приеме портрета. Это была торжественная и запоминающаяся церемония. После окончания официальной части состоялась долгая дружеская беседа о путях развития культурных связей между итальянскими и советскими художниками, о прекрасной традиции взаимовлияния искусства СССР и Италии.

«Нам очень приятно получить в юбилейном году автопортрет советского художника,— сказал Лучиано Берти.— Советское искусство — это искусство великой страны, великого народа, создавшего бессмертные шедевры во многих областях творчества. Оно неотделимо от мировой культуры. В начале 1979 года мы подписали протокол о сотрудничестве между нашей галереей и Эрмитажем. Ныне оно успешно претворяется в жизнь. Сотрудничество двух мировых музеев ведется во многих направлениях. Это и обмен выставками, и взаим-

КОНИ И ЛЮДИ

Тот, кому не знаком Виктор Угрюмов, увидев фотографию, помещенную на четвертой обложке «Огонька», удивится: разве можно поручать коня младенцу? А вдруг...

Но, отдав поводья своей дочке Аленке, Виктор Петрович Угрюмов вовсе не позировал перед объективом фотокорреспондента. Он просто убежден, что дети благотворно действуют на лошадей, а лошади — на детей.

— Знаете, это я давно уже заметил,— сказал мне Виктор Петрович.— К нам на выездку, случается, попадают лошади, которые прошли ипподромные испытания, они, как правило, очень нервны, возбудимы, а в нашем деле это ни к чему. И тогда мы передаем скакунов ребятам, которые учатся в нашем белорусском конном центре. И что же? Проходит несколько месяцев, и не узнать скандалистов и капризуль. Лошади — как шелковые. Ну, а мальчишки и девчонки в общении с четвероногими своими питомцами получают большую трудовую закалку, учатся понимать лошадь, быстро постигают секреты выездки.

Выездка, или, как ее раньше называли, высшая школа верховой езды, дело, ох, какое непростое. Оно требует ежедневных, многочасовых тренировок вместе с лошадью, умения найти путь к ее сердцу. Выездка в чем-то сродни таким видам спорта, как фигурное катание, художественная гимнастика, а сама лошадь — это живое произведение искусства. И все же я считаю, что каждый может стать мастером выездки. Что, думаете, я преувеличиваю? — спрашивает Виктор Петрович.— Поверьте, что нет. И вот вам пример. Как-то зашел у нас в конном центре спор на эту тему, и я подозвал стоящую неподалеку девочку, которая помогала конюхам конного завода, и спросил ее: «Хочешь у меня учиться?» Она охотно согласилась и менее чем за год стала прекрасной спортсменкой, и я ей впоследствии передал своего безупречно подготовленного арабо-тракена Саида, на котором выступал в Монреале, на Олимпийских играх. Эта девушка теперь одна из лучших наездниц нашей страны. Ее зовут Ирина Карачева.

А как надо беречь лошадь, как надо ее холить и вместе с тем безжалостно заставлять ее трудиться, до седьмого пота. Вот я вспомнил сейчас Саида, а ведь тот конь, на которого я сел, передав Саида Ирине Карачевой, Шквал, доставил мне тоже немало волнений. У меня оставалось не так уж много времени, чтобы подготовить его к Московской Олимпиаде, а он подхватил ревматизм. Вот и пришлось мне выступать на больной лошади, да так, чтобы не подвести товарищей по команде — Юрия Ковшова и Веру Мисевич. И мы завоевали командное первенство, а я в личном зачете получил бронзовую медаль.

Так могу ли я забыть моего самоотверженного друга? Конечно, нет. И самое печальное в нашем деле — это прощание с лошадью. Приходит она к нам несмышленой двухлеткой, три года тратим мы на то, чтобы подготовить ее к выступлению (раньше пяти лет лошади к соревнованиям по выездке не допускаются), а потом и оглянуться не успеешь, как по тем или другим причинам приходит час прощания. Вот с Акрополем, который снят на обложке, я выступал недолго и теперь работаю с тракено-ахалтекинцем Енисеем, конем редкой соловой масти. Ему девять лет, но мне немало еще предстоит хлопот и забот. И я часто вспоминаю своего самоотверженного Шквала, а вместе с ним человека, который сам никогда не надевал фрака и цилиндра — нашей парадной формы, никогда не выезжал под взоры пяти строгих судей, но который вырастил Шквала — зоотехника Ягольницкого конного завода Петро Андриановича Дейнеку.

Да, лошадь — это живое произведение искусства. И в его шлифовке принимают участие многие люди: и работники конезаводов, и мы, наездники, и наши дети. ...Ну, а теперь мне пора на тренировку. И Виктор Петрович Угрюмов стал натягивать свои щегольские сапоги со шпорами.

В. ВИКТОРОВ

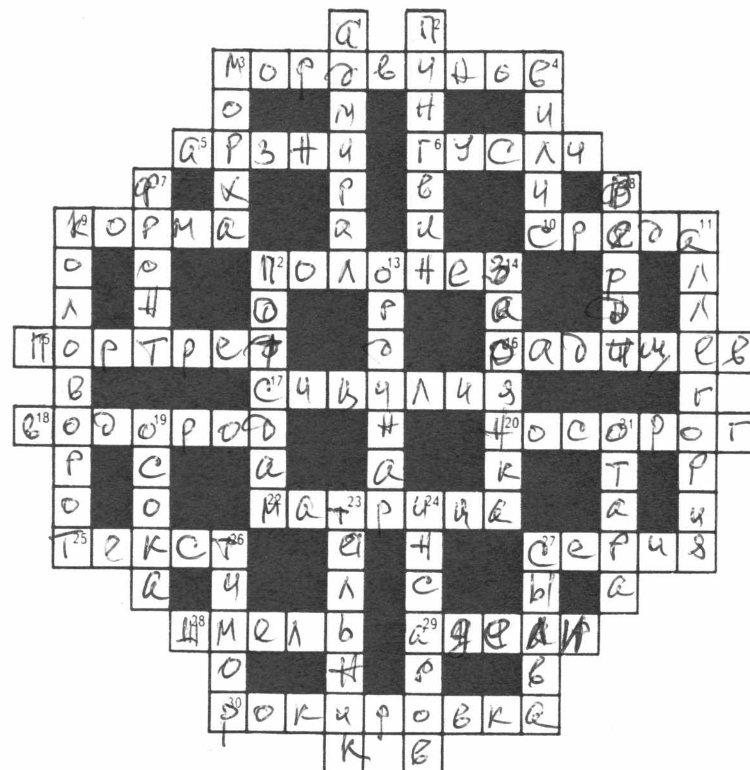
ные поездки реставраторов и других специалистов, и так далее. Уверен, что работы Дмитрия Налбандяна и других советских художников привлекут внимание наших многочисленных посетителей. Это будет для них знакомством с миром советского изобразительного искусства».

...Быть представленным в галерее автопортретов Уффици — большая честь для художника, признание его таланта, своеобразной творческой манеры.

Думается, что само появление новых полотен советских художников в Уффици — акт большого общественного звучания, особенно в наши дни, когда атмосфера планеты перенасыщена событиями, весьма далекими от благородного дела разрядки и культурных связей между народами.

Николай ПАКЛИН

Флоренция. По телефону.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 5. Курорт в Армении. 6. Русский струнный инструмент. 9. Южное созвездие. 10. День недели. 12. Бальный танец. 15. Жанр в изобразительном искусстве. 16. Русский революционный мыслитель, писатель. 17. Остров в Средиземном море. 18. Химический элемент, газ. 20. Животное, обитающее в Юго-Восточной Азии и Африке. 22. Форма в полиграфии. 25. Сочинение, воспроизведенное в печати. 27. Разряд, категория ценных бумаг. 28. Насекомое, опылитель растений. 29. Стихотворение А. С. Пушкина. 30. Шахматный ход.

По вертикали: 1. Воинское звание в Военно-морском флоте. 2. Водоплавающая птица в Антарктиде. 3. Приток Вилюя. 4. Латышский советский писатель. 7. Пьеса А. Е. Корнейчука. 8. Выдающийся итальянский композитор. 9. Инструмент для сверления. 11. Иносказание. 12. Город в ГДР. 13. Средний многолетний уровень водоема. 14. Певчая птица. 19. Трава, растущая в сырых местах. 21. Стадо овец. 23. Кустарниковая ива. 24. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 26. Один из Малых Зондских островов. 27. Река на Среднем Урале.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 5. «Бурелом». 7. Сартлан. 8. Реестр. 9. Белка. 11. Склад. 13. Нехлюдов. 15. Солнце. 16. Есенин. 17. Самосвал. 21. Стаккато. 23. Мериме. 24. Женева. 25. Риобамба. 28. Пинос. 30. Батон. 31. Дикуша. 32. Поронай. 33. «Спартак».

По вертикали: 1. Кузнецов. 2. Фляга. 3. Пресс. 4. Маргарин. 6. Морзе. 7. Сорго. 10. Концертино. 12. «Крестьянка». 13. Несессер. 14. «Вельможа». 18. Мома. 19. Ваза. 20. Перископ. 22. Автоклав. 26. Индий. 27. Брамс. 29. Сукно. 30. Батат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участники детского ансамбля песни и пляски «Бучур» Челдыбарской школы-интерната Ленинпольского района Киргизской ССР. Здесь живут и учатся дети скотоводов. (См. в номере материал «Взлет орлиный».)

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Чемпион Олимпиады-80 по выездке в командном зачете Виктор Угрюмов с дочкой Аленой. (См. в номере материал «Кони и люди».)

Фото Я. Берлинера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 5.07.82. Подписано к печати 20.07.82. А 00662. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1823. Заказ № 2682.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Г. ВАСИЛЬЕВА

Фото А. БОЧИНИНА

Еще одно обращение оперной сцены к русской классике... «Майскую ночь» Н. Римского-Корсакова поставил в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко режиссер И. Шароев.

Они начинаются как-то сразу, чудеса «Майской ночи»,— поэтичными звуками увертюры, словно льющейся из расцветшего на сцене вишневого сада с беленой хаткой, с улицы малороссийского села, где теплым вечером водят хороводы парубки и девчата, объясняются влюбленные Левко и Ганна, бродит пьяный Каленик, отыскивая свою хату... Удивительная ночь, волшебная — чего только не случается такой ночью! А может, замечтался Левко и привиделся ему хоровод русалок, послышался нежный, струящийся голос Панночки?..

В спектакле оживают поэтический мир гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», пленительная таинственность украинской ночи, на которую мы смотрим глазами художника В. Клементьева. Красочность лубка в жанровых сценах и акварельная прозрачность фантастических сцен вкупе создают зрительную атмосферу спектакля, отвечая и музыкальному характеру оперы и режиссерскому решению. Ни художник, ни режиссер не гонятся за этнографической точностью, но на сцене именно гоголевская Малороссия, в которую был буквально влюблен Римский-Корсаков. На сцене витает чисто гоголевский дух мягкой насмешки, озорства, тонкого лиризма и таинственности.

До сих пор, кажется, не решен вопрос, кто «главнее» в оперном спектакле — режиссер, дирижер или артисты. Но «Майская ночь» убеждает, что ни о чьем первенстве здесь никто и не помышлял— так слитна, так едина, так взаимосвязана в спектакле работа театра. Ее можно рассматривать как шенные оперные картинки. Единый зрительный образ, единая атмосфера объединяют отдельные мизансцены и эпизоды в цельное художественное полотно. Спектакль несет печать яркой индивидуальности режиссера. Но режиссер отнюдь не заслоняет собой ни композитора, ни писателя. И поэтому именно они, классики, торжествуют, живут в спектакле (дирижер В. Кожухарь).

Обдуманность, точность режиссерского расчета, соединенные с чутким отношением к музыке Римского-Корсакова и гоголевским сказкам, привели к тому, что искусство театра в «Майской ночи» стало поэзией. Режиссер уверенно объединил жанровые и «русалочьи» сцены, обыграл даже самые легкие эпизоды, не упустив ни одной мелочи. Но о чем нужно сказать особо — это массовые сцены «Майской ночи». Чувствуется, что режиссер хорошо поработал с хором: ритмический рисунок музыкальной фразы подсказывает характерные движения артистов, и «масса» — это живая целостность, а не толпа оперных статистов, по долгу службы заполнивших сцену. Это люди со своей биографией, «со своим лицом». Всмотритесь — и увидите здесь множество персонажей из «Вечеров на хуторе близ Диканьки»... Артисты хора прекрасно играют, но они артисты хора — и как слаженно, чисто звучат их голоса!

У исполнителей ведущих партий пение не мешает игре, а игра — пению. Глубокий, красивый голос Ю. Абакумовской отвечает образу лукавой, нежной, мечтательной Ганны. Сильный тенор А. Мищевского — Левко, то теплый и мечтательный, то звенящий восторгом в блестяще спетой им арии «Ой, ты месяц»... Чарующая Панночка— Л. Штанько; великолепен В. Войнаровский — Винокур, тонко чувствующий природу гоголевской комедийности; Голова хорошо

Льется по селу звонкая песня.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ УК

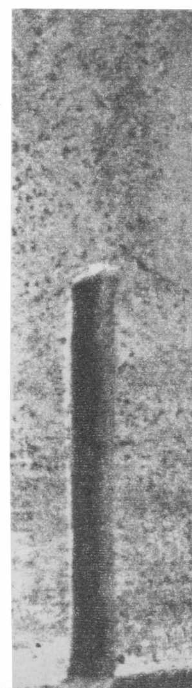
творческий манифест, своеобразное «объяснение в любви» классике. Знакомые с детства мелодии звучат свежо; кажется, дирижер бережно «счистил» с прекрасной музыки паутину «запетости», оперного штампа, и музыка благодарно зазвучала первоначальной красотой, выразила дыхание спектакля... Проблему трудного взаимоотношения музыки и драматургии в спектакле режиссер И. Г. Шароев решил с присущей ему внутренней раскрепощенностью. Музыка и драматургия дают простор воображению, и он «рисует» гоголевских персонажей согласно реалистической образности музыки. Но это не раскраспет и сыгран Л. Зименко...

О Каленике О. Кленова надо сказать отдельно. Он певец отличный, но он еще и великолепный актер, владеющий даром комедийного гротеска. Как же колоритен, как смешон его Каленик! Как непринужденно переходит артист от пения к игре, от игры к пению, все время оставаясь «в образе»; поразительному перевоплощению может позавидовать любой актер драматического театра. А главное, Кленов нигде «не тянет одеяло на себя», как говорят за кулисами, он всегда в ансамбле.

«Майская ночь» получилась легкой, радостной, начисто лишенной оперного штампа.

Легенда про Панночку.

РАИНСКУЮ НОЧЬ...

В ожидании Грицко.

Как Голова возил царицу.

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663
ISSN 0131—0097